

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ГЕНОМ

ТАНЦЫ НА СНЕГУ.
ГЕНОМ. КАЛЕКИ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Танцы на снегу. Геном. Калеки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50895095

Танцы на снегу ; Геном ; Калеки : [сборник] / Сергей Лукьяненко: АСТ;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121069-4

Аннотация

Мир, в котором человечество стало полноправным партнером пяти инопланетных рас.

Мир, где хаос уступил место жесткой специализации, и каждому человеку с рождения уготовлено свое место в социальном механизме.

Мир, где талант к определенному ремеслу заранее запрограммирован, зашит в гены носителя.

Казалось бы, в таком мире не должно быть ни гражданских конфликтов, ни проявлений агрессии. Однако...

Содержание

От автора	4
Танцы на снегу	8
Пролог	8
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	34
Глава 3	56
Глава 4	77
Глава 5	98
Глава 6	122
Часть вторая	144
Глава 1	144
Глава 2	165
Глава 3	195
Глава 4	225
Глава 5	252
Глава 6	273
Часть третья	286
Глава 1	286
Конец ознакомительного фрагмента.	295

Сергей Лукьяненко

Танцы на снегу.

Геном. Калеки

От автора

Самая первая и самая трудная задача писателя-фантаста, решившего описать мир будущего, – придумать этот самый мир. Конечно, существуют испытанные и проверенные декорации, которые переходят от романа к роману – как в западном кинематографе декорации какого-нибудь «Чужого» еще двадцать раз используются в фантастических фильмах категории «Б». Декорации эти – Звездолеты, Планеты, Бластеры, Император Галактики, Прекрасная Принцесса, Отважный Герой и Мировое Зло. Причем на роль Мирового Зла можно привлечь любую другую декорацию – хоть Планету, хоть Звездолет, хоть Императора. Наверное, любой опытный читатель сразу назовет несколько романов, сконструированных по этому принципу. Эти романы не обязательно будут плохи – ведь, кроме декораций, существует еще и игра актеров, и талант режиссера, и увлекательность самой пьесы.

Гораздо труднее придумать декорацию, в мировой фантастике не использовавшуюся. В «Геноме» я пытался сделать

именно это – добавить к привычным атрибутам космической оперы и киберпанка неожиданную и все меняющую деталь. В итоге этой деталью стала генетическая модификация людей, разделившая цивилизацию на «спецов» – людей, приспособленных к какой-либо профессии, и «натуралов» – людей, генетически не измененных. Самое печальное состоит в том, что именно по этому пути человечество упрямо движется уже сегодня. Глупые дети президентов становятся президентами, не умеющие играть дети актеров – актерами, не умеющие петь дети певцов – певцами. И если завтра (а это завтра настанет) вам предложат улучшить своих детей, приспособить их к той или иной профессии, – неужели вы откажетесь? Средневековая европейская цеховая традиция, индийские касты – все это вот-вот может вернуться – пусть и в измененной, технологичной форме. То, на чем держится современная европейско-американская цивилизация – свобода выбора, «мой ребенок может стать кем угодно... даже президентом Соединенных Штатов!», исчезнет. Обернется старым русским анекдотом – «дети полковников не становятся генералами, потому что у генералов есть свои дети».

«Геном» – это роман о predeterminedности. Роман о заданной судьбе, роман о людях, пожертвовавших не только свободой выбора, но и свободой чувств – ради профессионального успеха, ради гарантированного «места в жизни». Все это есть и сейчас, я лишь воспользовался тем инструментарием, что доступен писателю-фантасту, и довел ситуа-

цию до крайности.

Пожалуй, это все, что я хотел бы сказать о «Геноме», за исключением маленького предупреждения. «Геном» – это роман-фарс, роман-пародия. Почему именно фарс? «История повторяется дважды – вначале в виде трагедии, потом в виде фарса», сказал когда-то Карл Маркс. Знаете, будущий гуру мирового пролетариата говорил очень много дельного. Ему просто не везло с толкователями и учениками...

«Танцы на снегу» – это, выражаясь языком романистов, «приквел» к «Геному». Тот же мир – но на двести лет раньше. Уже начались генетические модификации людей, но человечество еще мнит себя единым. Свобода уже утрачена, но этого еще никто не замечает. Каждая победа становится пирровой, но звон литавр заглушает голоса сомневающихся. А ведь, казалось бы, ничего особенного не произошло – просто цель стала оправдывать средства. Просто человечество попыталось жить разумно и правильно.

«Геном» – роман «взрослый», порой даже нарочито. «Танцы на снегу» – «роман воспитания», роман о подростке, открывающем для себя мир, ищущем в нем место под солнцем (и выбор солнц у него достаточно велик). Это было задумано сознательно – мы видим юность этого мира, и мы видим его зрелость. Открою маленькую тайну – я планирую написать и третий роман о мире «Генома». Пройдет еще двести лет, и... впрочем, не стану забегать вперед.

И один совет перед тем, как вы станете читать эту книгу.

Если вы любите читать в хронологическом порядке – начинать надо с «Танцев на снегу». Но я все-таки посоветовал бы вам в первую очередь прочитать «Геном». Именно в таком порядке эти романы были написаны, и мне кажется, что происходящие в книге события станут и понятнее, и интереснее именно при таком порядке чтения.

Впрочем, выбор в любом случае за вами. Моя власть над этими книгами закончилась, когда я написал слово

Конец.

Сергей Лукьяненко

Танцы на снегу

Пролог

В тот день мои родители воспользовались своим конституционным правом на смерть.

Я ничего не подозревал. Понимаю, что в это трудно поверить, но до самого конца у меня и мысли не было, что родители сдались. Отца уволили с работы больше года назад, его пособие кончилось, но мама продолжала работать на Третьих Государственных копиях. Я не знал, что Третьи Государственные давным-давно на грани банкротства и зарплата погашается рисом – который я ненавидел, и оплатой квартирных счетов – о которых я вообще никогда не вспоминал. Но так жили многие, и в школе трудно было найти ребят, у которых и мать, и отец имели работу.

Я пришел из школы. Бросил планшетку на кровать, а потом тихонько заглянул в гостиную, откуда звучала музыка.

Первое, что я подумал, – отец нашел наконец работу. Мама и папа сидели за столом, застеленным белой скатертью, посередине стола горели свечи в старинном хрустальном подсвечнике, который доставали только на дни рождения и Рождество. На тарелках были остатки еды – настоящей картошки, настоящего мяса, и я уж никогда не поверю, что папа не

съел бы двух полных тарелок, перед тем как не доесть третью. Стояла полупустая бутылка водки, причем настоящей, и почти пустая бутылка вина.

– Тикки! – сказал отец. – Быстренько за стол!

Меня зовут Тиккирей. Это очень звучное имя, но чертовски длинное и неудобное. Мама иногда зовет меня Тик, а отец – Тикки, хотя, по-моему, проще им было тринадцать лет назад выбрать другое имя. Хотя с другим именем – это уже был бы другой мальчишка.

Я сел, ничего не спрашивая. Отец очень не любит расспросов, ему нравится рассказывать новости самому, даже если надо всего лишь сообщить, что мне купили новую рубашку. Мама молча положила мне гору мяса с картошкой и поставила рядом с тарелкой бутылку моего любимого кетчупа. Так я и слопал всю тарелку, в полнейшее свое удовольствие, прежде чем папа развеял мое заблуждение.

Никакой работы он не нашел.

Для людей без нейрошунта сейчас вообще работы нет.

Надо ставить шунт, но у взрослых это очень опасная и дорогая операция. А маме не платят денег, и, значит, им нечем даже оплачивать жизнеобеспечение, а я ведь прекрасно понимаю, что на нашей планете можно жить только под куполами.

Так что нас должны были выселить из квартиры и отправить во внешнее поселение, где обычные люди могут прожить год или два – если очень повезет.

Поэтому они с мамой воспользовались своим конституционным правом...

Я сидел словно каменный. Ничего не мог сказать. Смотрел на родителей, ковырял вилкой остатки картошки, которые только что перемешал с кетчупом, превратив в бурю кашу. Ну люблю я все заливать кетчупом, хоть меня за это и ругают...

Сейчас меня никто не ругал.

Наверное, надо было сказать, что лучше мы все вместе отправимся в поселения и будем очень старательно проходить дезактивацию, возвращаясь с рудника, и проживем долго-долго, а потом заработаем денег достаточно, чтобы снова купить пай в куполе. Но у меня не получалось это произнести. Я вспоминал экскурсию на рудник, которая у нас однажды была. Вспоминал людей с серой кожей, покрытых язвами, которые сидели в древних бульдозерах и экскаваторах, вспоминал, как один экскаватор повернулся и поехал из карьера навстречу нашему школьному автобусу, помахивая ковшом. А из кабины улыбался «крокодилей пастью», которая у всех облученных появляется, экскаваторщик... Он, конечно, просто поугаить хотел, но девчонки завизжали, и даже мальчишкам стало страшно.

И я ничего не сказал. Совсем ничего. Мама то начинала смеяться и целовала меня в макушку, то очень серьезно объясняла, что теперь мой пай на жизнеобеспечение продлен на семь лет, я успею вырасти, получить профессию, а ней-

рошунт у меня очень хороший, они тогда здорово зарабатывали и не поскупились, так что с работой проблем не будет. Главное, чтобы я не связался с дурной компанией, не стал жрать наркоту, был вежливым с учителями и соседями, вовремя стирал и чистил одежду, подавал прошения на муниципальные продуктовые карточки.

Она заплакала только тогда, когда папа сказал, будто почувал мои колебания, что переменить уже ничего нельзя. Они подали заявку на смерть, выпили специальный препарат, поэтому им и выдали «прощальные деньги». Так что даже если родители передумают, они все равно умрут. Только тогда мне не продлят пай на жизнеобеспечение.

Есть мне больше не хотелось. Совсем. Хотя было еще мороженое, и торт, и конфеты. А мама шепнула на ухо, что из «прощальных денег» они оплатили мне день рождения на семь лет вперед. Специальный человек из социальной службы будет выяснять, какой мне нужен подарок, и покупать его, и приносить его в день рождения, и готовить праздничный ужин. Наша планета и впрямь бедная и суровая, но социальные службы у нас развиты не хуже, чем на Земле или Авалоне.

Мороженое я все-таки съел. Мама смотрела так умоляюще и жалобно, что я хоть и давился, но глотал холодные сладкие комки, пахнувшие клубникой и яблоками. Потом мы, как обычно, прочитали молитву и пошли спать.

В Дом Прощаний родителям надо было идти рано утром.

Если они задержатся до полудня, то тоже умрут, но тогда им будет больно.

Я пролежал часов до трех ночи, глядя на часы. Робот-трансформер, в виде которого были сделаны часы, сурово сверкал глазами, помахивал руками, переступал на месте, а иногда начинал водить по комнате тонкой спицей «лазерного меча». Мама всегда ворчала, что невозможно спать в комнате с «такой ерундой», но отключить робота не требовала. Она же помнила, как я радовался, когда в восемь лет мне подарили эти часы.

И только когда я понял, что думаю о родителях в прошлом времени, будто они уже мертвы, я вскочил, распахнул дверь и бросился к ним в спальню. Я не маленький. Я все понимаю. И что взрослые, даже если они родители, могут ночью делать, прекрасно знаю.

Только я больше не мог один.

Я бросился на кровать между мамой и папой. Уткнулся маме в плечо и заплакал.

Они ничего не стали говорить. Ни мама, ни папа. Просто обняли меня, стали гладить. Вот тогда я и понял – сразу, что они живые. Но только до утра. Я решил, что спать сегодня не буду, но все равно заснул.

Утром мама собрала меня в школу. И сказала, что я обязательно должен пойти на занятия. Провожать их не нужно. Долгие проводы – лишние слезы.

А папа заговорил, только когда они выходили из дверей:

– Тикки...

Он замолчал, потому что у него было слишком много слов и слишком мало времени. Я ждал.

– Тикки, ты поймешь, что это было правильно.

– Нет, папа, – сказал я.

Надо было сказать «да», но я не смог. Отец улыбнулся, но как-то очень тоскливо, взял маму за руку, и они вышли.

Конечно же, я их проводил. Издалека, чтобы они меня не видели. Мама очень часто оборачивалась, и я понял, что она меня чувствует. Но не стал показываться, я ведь обещал не провожать.

Когда они вошли в Дом Прощания, я постоял немного, пиная стену муниципалитета. Не в знак протеста, а потому что муниципалитет стоит напротив, через проспект Первопроходцев.

Потом я повернулся и пошел в школу. Потому что обещал.

Часть первая

Неправильный рыцарь

Глава 1

Осень – это очень красиво.

Я лежал на гладкой каменной плите, которая как-то случайно не попала на стройки, а оказалась на берегу реки, и смотрел в небо. Над куполом бушевала буря. Солнце было маленьким и багровым, потому что песок шел стеной. Поселенцам сейчас очень тяжело. У них и уровень радиации поднялся, и песок проползает в любую щель, потому что он тонкий, как пыль. Дисперсный.

– Тики-Тики!

Я повернул голову, хоть и знал, кто это. Только Дайка называет меня Тики-Тики. С первого класса. Вначале это была дразнилка, а сейчас, по-моему, уже нет.

– Ты на что смотришь?

– На корабль, – соврал я. Корабль в небе и впрямь был. Наверное, рудовоз со второго порта. Он пер через бурю, пока еще на плазменниках, и за ним стлался оранжевый шлейф с протуберанцами вторичных разрядов. Ничего красивого. Буря сама по себе гораздо интереснее.

– Красивый корабль, – изрекла Дайка. И вытянулась ря-

дом со мной, так что пришлось подвинуться. На ней был новый купальник, полный, как у взрослой. Фу-ты ну-ты. – Я бы хотела быть пилотом.

– Ага, – сказал я. – Замороженной ледышкой ты бы была. Дайка какое-то время помолчала, а потом сказала:

– А какая разница? Ты тоже пилотом не станешь.

– Захочу – стану, – ответил я. Дайка мне мешала, она слишком настырно возилась рядом и никак не хотела понять, что мне сейчас никто не нужен. Совсем никто.

– Знаешь, сколько стоит выучиться на пилота?

– Много.

– Ты никогда столько не заработаешь.

– Повезет – заработаю, – не выдержал я. – А вот ты точно никак не сможешь стать пилотом. У тебя нет игрек-хромосомы. Тебя в гипере можно только как груз возить. Замороженную, со льдинками на глазах.

Дайка вскочила и молча ушла. Зря я с ней так, конечно. Она больше мальчишек о космосе мечтает. Вот только у нее и впрямь нет игрек-хромосомы, а значит, когда космический корабль войдет в гиперпространство, она умрет. Если не будет лежать в анабиозе, конечно. Со льдинками на глазах...

Зачем я про эти льдинки ляпнул? Нет там никаких льдинок, нас же учили... Всю воду из тела удаляют, точнее, связывают с глицерином и каким-то полимером...

– Дайка! – крикнул я, привстав на локтях. – Дайка!

Но она шла не оборачиваясь.

Тогда я снова растянулся на каменной плите и посмотрел на исчезающий след корабля. Гиперпространственный канал, через который корабли летают между звездами, у нас близко. Через час корабль в него нырнет и повезет руду на промышленную планету. А потом, может быть, к другим, интересным мирам. Конечно, никогда мне столько не заработать, чтобы выучиться на пилота.

Если я и смогу полететь в космос – то только частью компьютера. «Мозгами в бутылке», как это презрительно называют.

Только ведь все равно так тоже летают. И иногда потом зарабатывают достаточно, чтобы стать настоящим пилотом. Я повернулся и бросил подвернувшимся камешком в плечо Глеба, который загорал неподалеку. Он меня и приволок на речку, потому что считает осенний загар самым здоровым и правильным. Глеб поднял голову с полотенца и вопросительно посмотрел на меня. То ли вообще мой разговор с Дайкой не слышал, то ли не придал ему значения.

И я объяснил ему, что собираюсь сделать.

Глеб сказал, что я кретин. Что подключение к компьютеру в режиме «расчетного модуля» выжигает нейроны, гасит волю и отупляет. Что проще пойти в Дом Прощаний, хоть какая-то польза государству...

Тут он заткнулся, потому что вспомнил про моих родителей. Но я не обиделся. Только ответил, что многие великие пилоты начинали с того, что летали на кораблях «моду-

лями». Надо лишь вовремя уволиться, и все. И если уж рисковать, то именно в нашем возрасте, пока мозг пластичен и еще развивается. Тогда все компенсируется.

Глеб снова сказал, что я кретин. И вытянулся под тусклым оранжевым солнцем. Я тоже замолчал и лежал, глядя в небо. У нас оно оранжевое, даже когда тихий сезон. На Земле и Авалоне голубое. А бывает еще зеленое, темно-синее и желтое. И облака не обязательно состоят из песка, могут и из водяных паров. Только если остаться на Карьере, то этого не увидишь.

Я вдруг понял, что все очень просто. Что никакого выхода у меня нет. Не могу я здесь жить, не хочу и не буду.

Социальный чиновник нашего квартала была женщиной. Может быть, поэтому она так на меня уставилась, когда я объяснил, что хочу наняться на корабль расчетным модулем. И смотрела очень долго, будто ожидала, что я покраснею, отведу взгляд и заберу со стола документы. Но я сидел и ждал, так что ей пришлось открыть папку.

С документами все было в порядке. Выкуп государству за право работы в космосе я мог уплатить своим паем на жизнеобеспечение и квартирой, которую родители переписали на меня. Три комнаты по восемь квадратных метров, кухня и санитарный блок... мои родители когда-то и впрямь хорошо зарабатывали. Обязательный образовательный минимум я получил. Соседи по дому написали мне очень хоро-

шие рекомендации: наверное, рассчитывали поделить квартиру между собой.

– Тиккирей, – негромко сказала чиновница. – Работа расчетным модулем – это самоубийство. Ты это понимаешь?

– Да. – Я заранее решил, что спорить не буду и объяснять ничего – тоже.

– Ты будешь лежать в коме, а твой мозг – прокручивать потоки информации! – Она завела глаза в потолок, будто ей самой воткнули в нейрошунт кабель с потоком информации. – Ты будешь взрослеть, потом стареть, просыпаться на несколько дней раз в месяц, а твое тело – стариться. Понимаешь? Это словно прожить не сто лет, как все люди, а в двадцать раз меньше. Представляешь, Тиккирей? Тебе осталось жить пять лет!

– Я поработаю лет пять или десять, потом уволюсь и выучусь на пилота, – сказал я.

– Да не уволишься ты! – Чиновница в сердцах шлепнула папкой об стол. – Тебе этого уже не захочется! Твои мозги разучатся чего-то хотеть!

– Посмотрим, – ответил я.

– Я ничего не подпишу, Тиккирей, – заявила чиновница. – Забирай свои документы и отправляйся в школу. Твои родители так о тебе позаботились, а ты...

– Вы не имеете права не подписывать, – сказал я. – Вы сами это прекрасно знаете. Если я выйду без подписи, то пойду в городскую социальную службу и подам на вас жалобу.

За необоснованный отказ в выдаче разрешения у вас снимут пай жизнеобеспечения за полгода или за год. Нельзя нарушать закон!

Лицо женщины пошло красными пятнами. Она ведь и впрямь думала, что знает, как мне лучше.

– Подготовился? – поинтересовалась она.

– Конечно. Я всегда готовлюсь.

Чиновница снова раскрыла папку и стала подписывать бумаги. Чирк, чирк, чирк...

– В восьмой кабинет, там поставят печать и снимут копию, – сухо сказала она, возвращая бумаги.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Счастливых пяти лет, мозги в бутылке... – ядовито прошипела она.

Я не обиделся. Может быть, когда-то, как и Дайка, она сама мечтала летать в космос.

Конечно, на нашу планету не летают интересные космические корабли. Ну что у нас делать богатым туристам или военным? Раз в полгода заходит пассажирский лайнер, который следует до самой Земли, но у него экипаж наверняка укомплектован. Зато грузовики ходят каждый день. А на каждом грузовике, даже самом маленьком, должно быть десять-двенадцать расчетных модулей помимо основного экипажа.

Так что я взял немного денег: и остатки того, что выдали

родителям, и свои капиталы, и даже набор антикварных монет, оставшийся от дедушки, – он на самом деле мало чего стоил, но монеты имели хождение. И отправился в космопорт. Вначале подземкой, из жилого купола в технический, а оттуда автобусом, через открытое пространство. Никто не обращал на меня внимания – может быть, думали, что я еду к родителям, работающим где-нибудь в порту.

Когда автобус остановился у гостиницы, я расплатился и вышел.

У нас, на Карьере, нет своего космофлота, нет и каких-то агентств по найму. Поэтому когда капитанам кораблей нужны расчетные модули, они просто идут в бар при космопорте и там ждут за кружкой пива. Я это слышал от взрослых, видел в новостях и теперь хотел попытаться удачи сам.

Бар оказался вовсе не таким роскошным, каким выглядел по ти-ви. То есть да, там была и стена с автографами знаменитых пилотов, и кусок обшивки боевого корабля Империи, и стойка с инопланетными напитками, которые стоили совершенно безумных денег. Только все это было какое-то маленькое, и народу в баре оказалось человек десять. А я-то думал, что бар будет огромный, не меньше спортивного зала в школе...

В полутьме, сквозь которую плыли красивые голографические мороки, я прошел к стойке. Глянул на цены и обомлел. стакан лимонада здесь стоил дороже, чем двухлитровая бутылка в магазине. Но деваться было некуда. Я достал

самую крупную купюру из тех, что у меня были, купил кружку имбирного пива, забрал сдачу и забрался на высокий крутящийся стул.

Бармен – совсем молодой парень с радионасадкой в шунте – с любопытством разглядывал меня. Потом покосился на кофеварку – та зашипела и выдала ему чашку одуряюще пахнущего кофе.

– Извините, здесь есть капитаны кораблей? – спросил я.

– А, – сказал бармен. – Как же я не понял сразу... Нет, парень. В порту сейчас всего два рудовоза, и один уже в предстартовом отсчете.

– Скоро взлетает? – солидно спросил я и отхлебнул пива.

Вкусное.

– Через пару минут, ты услышишь. Если хочешь, я выведу картинку.

– Что я, старта не видел? А как мне найти второго капитана?

– Хочешь наняться в расчетные модули?

Он не стал говорить про «мозги в бутылке» и поэтому сразу мне понравился.

– А как вы узнали?

Бармен усмехнулся:

– Что еще может делать подросток в этом баре? Пить имбирное пиво, которое стоит больше, чем обед в городском кафе? Тебе не капитан нужен, дружок. Капитаны нанимают настоящих космонавтов, модулями занимается старпом.

– Расчетные модули – тоже члены экипажа.

– Да, примерно как моя кофеварка. Хочешь кофе? Я угощаю.

Кофе мне хотелось, но я покачал головой. Парень посмотрел на меня, потом пожал плечами:

– На мозги капать не стану, они тебе еще понадобятся.

Какой у тебя нейрошунт?

– Креатив-гигабит.

Кажется, он удивился.

– Да, неплохо. И все документы ты собрал? И родители подписали разрешения?

– Родители воспользовались конституционным правом.

Неделю назад.

– Ясно. – Он отставил чашку. – Вон там, в углу, под железякой...

К прославленному сегменту брони имперского крейсера у него никакого уважения не было.

– Ну? – спросил я.

– Мужик, который хлещет водку, – старпом второго грузовоза. Поставь ему выпивку, так положено. И предложи свои услуги.

Я сразу покосился на прејскурант, но бармен вдруг накрыл его рукой.

– От кофе ты отказался, так что... Просто махни мне рукой, я подам.

– Спасибо, – пробормотал я. Цены на спиртное я успел

заметить: если бы пришлось платить, то у меня бы не хватило даже на обратную дорогу.

– За такое не благодарят. Если уверен, что прав, то иди.

– Спасибо, – упрямо повторил я.

Бар вдруг мягко толкнуло. Сквозь затемненные окна пробилось красное сияние. Старпом за угловым столиком поднял рюмку, будто чокаясь с кем-то невидимым, и залпом выпил.

– С перегрузом пошел, на маршевых, – заметил бармен. – Ладно, решай, парень.

Я соскочил со стула и пошел к старпому. Мне не то чтобы было страшно – в конце концов, я готов был ездить сюда каждый день... но не станет же добрый бармен помогать мне каждый раз. Очень не хотелось упустить такую удачу.

Старпом поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Перед ним стояла почти пустая бутылка, папа никогда бы столько не выпил. А космонавт даже не казался пьяным. Ему было лет сорок, и ничего особенного во внешности не было. Ни шрамов, ни космического загара, ни искусственных органов.

– Добрый вечер, – сказал я. – Разрешите вас угостить?

Некоторое время старпом молчал, потом пожал плечами:

– Угощай.

Я махнул бармену рукой, и тот с совершенно серьезным непроницаемым лицом кивнул в ответ. Поставил на кибер-поднос две полные рюмки и отправил его через зал. Ма-

ленький гравитатор подноса мигал оранжевым – видно, разрядился. Но поднос долетел до столика благополучно, даже увернулся от руки какого-то типа, который с хохотом потянулся за рюмкой.

Только когда я снял обе рюмки, я сообразил, что мне тоже придется пить. Раньше я пробовал лишь хмелевое пиво и шампанское. Но шампанское так давно, что даже не помню, а пиво мне не понравилось.

– Сильно трянуло при старте, не находишь? – сказал вдруг старпом.

Я вспомнил слова бармена и ответил:

– На маршевых пошел. С перегрузом.

– А ты не дурак, мальчик, – удовлетворенно заметил старпом. – Давай, за удачный гипер...

Он выпил залпом, даже не поморщившись. Я вспомнил, как пил водку отец, задержал дыхание и одним глотком влил ее в себя.

И тут же торопливо запил имбирным пивом. Получилось совсем неплохо. Нос защекотало резким запахом, и в глотке стало горячо. А так – нормально.

– Ого, – сказал старпом. – Ладно, теперь говори, что тебе нужно?

– Я хотел бы предложить свои услуги в качестве расчетного модуля, – выпалил я.

– Какой шунт?

– Креатив-гигабит.

– На потоковый режим тестировался?

– Восемьдесят четыре с половиной.

Старпом почесал подбородок. Плеснул себе водки, потом покосился на меня. Я кивнул, и он налил половину рюмки и мне.

– У тебя есть разрешение?

– Да. – Я полез в карман, но космонавт покачал головой:

– Не сейчас... Все схвачено, все улажено, все разрешения, верю... Зачем оно тебе?

– Я не хочу здесь жить, – честно ответил я.

– Если бы ты сказал, что жить без космоса не можешь, я бы тебе всыпал ремня, – непонятно выразился старпом. – Но здесь жить... да, я бы тоже не хотел... Ты хоть представляешь себе, что такое – расчетный модуль?

– Это подключение мозга в режиме потоковой обработки данных, позволяющее осуществлять навигацию в гиперпространстве, – отчеканил я. – Поскольку быстродействие электронных вычислительных систем падает прямо пропорционально скорости корабля при превышении константы C , единственным методом навигации в гиперканале является использование возможностей человеческого мозга.

– Думать при этом ты не сможешь, – объяснил старпом. – Ты даже помнить ничего не будешь. Воткнули тебе шунт, ты отключился. Потом ожил, уже после посадки. Немного болит голова, и кажется, будто прошла минута, только борода выросла... впрочем, какая у тебя борода. Ну и? Что ж в этом

хорошего?

– Я не хочу здесь жить, – упрямо повторил я. Раз уж этот довод старпому понравился...

– Оплата расчетных модулей прогрессивная, и за пять лет реального времени ты можешь скопить сумму, достаточную для поступления в космошколу, – продолжал старпом. – Тем более по возрасту ты вполне им сгодишься. Но есть такая беда – работа в потоковом режиме нарушает процессы мотивации и целеполагания. Ты не захочешь куда-то уходить. Понимаешь?

– Захочу.

– Только два процента лиц, работавших расчетными модулями, уходят после истечения стандартного пятилетнего контракта. Около процента прерывают контракт досрочно. Все остальные работают до... до смерти.

– Я рискну.

– Рисковый ты парень. – Старпом поднял рюмку и выпил. Я подумал и последовал его примеру. Во второй раз почему-то получилось хуже – я закашлялся, и старпом похлопал меня по спине.

– Возьмите меня, пожалуйста, – попросил я, отдышавшись. – Я ведь все равно наймусь. Не к вам, так к кому-нибудь другому.

Старпом поднялся. В его бутылке еще немного оставалось, но он будто внимания не обратил. Космонавты – они все чертовски богатые.

– Пошли.

Когда мы выходили, я подмигнул бармену. Тот улыбнулся и развел руками. Будто не слишком меня одобряет, но признает мое право решать. Очень хороший человек, наверное, потому, что в космопорте работает.

Через красивый вестибюль гостиницы мы прошли к лифтам. Охраннику старпом молча показал свой галактический паспорт, и тот не сказал ни слова. Рядом с лифтами был еще один маленький бар, даже не отделенный стеной. Там сидело человек пять девушек, все очень красивые и разные – азиатка, негритянка, беленькие. Они очень медленно пили кофе. Азиатка что-то сказала подругам, глядя на нас, те захохотали.

– Цыц, груз... – рявкнул старпом, багровея.

Девушки захохотали еще сильнее. Я косился на них, пока мы подымались в стеклянной шахте лифта на верхние этажи.

– Вначале посмотрим, что скажет доктор, – сообщил старпом. – Вашей медицине я не верю.

– Ага, – согласился я. – У нас хорошая медицина, но отсталая.

Вслед за старпомом я вошел в одну из дверей. Это был гостиничный номер, совершенно роскошный, в нем была видеостена, по которой шел какой-то исторический фильм. В кресле напротив стены развалился тощий высокий мужчина, держащий в руке тонкий бокал с каким-то напитком. Бокал очень походил на него, и я улыбнулся.

Вообще все складывалось здорово!

– Антон, – подталкивая меня вперед, сказал старпом, – посмотри парня. Хочет пойти с нами расчетным модулем.

Мужчина обернулся, отставил бокал и сказал:

– Идиоты молодеют. Ты ему хоть объяснил, что такое быть в потоковой системе?

– Объяснил. Да он и сам все прекрасно понимает. – Старпом ухмыльнулся. – Даже заметил, что «Аризона» стартовала на маршевых.

Антон покосился на стену, и та погасла, а свет в комнате стал ярче. Я заметил, что в номере окна тоже сделаны непрозрачными, как в баре. Наверное, космонавтам так не нравится смотреть на нашу планету, что они затемняют все окна.

– Раздевайся, – велел он.

– Совсем? – спросил я.

– Нет, сапоги можешь оставить.

Он, конечно, иронизировал. Кто же носит сапоги в куполе? Я разделся догола, сложив одежду на стуле, который мне подвинул старпом.

– Какой у тебя шунт? – спросил Антон. – «Нейрон»?

Какие все-таки молодцы были мои родители! У нас в классе почти все с «Нейронами», гадкая штука. Я сказал, что у меня «Креатив».

– Серьезный парень, – согласился Антон, доставая маленький чемоданчик. – Становись вот тут. – Я послушно встал, развел руки, как он велел. Антон извлек из чемодан-

чика шнур, предупредил: – Сейчас закружится голова.

Голова у меня и так кружилась, но я этого не сказал. Корабельный врач – Антон точно был корабельным врачом – подключил к нейрошунту шнур, потом разложил и установил передо мной сканер на треноге.

– Нервы крепкие? – спросил он.

– Угу.

– Это хорошо.

Видеостена снова заработала. Только теперь на ней был я. Сканер тихонько зажужжал, покачивая детекторной головкой. Изображение на стене стало меняться.

Вначале с меня будто содрали кожу. Я даже скосил глаза, чтобы убедиться, что она на месте. Вокруг моего изображения замигали какие-то надписи и цифры. Не на лингве – на незнакомом языке.

– Питаешься хорошо? – спросил Антон.

– Ага.

– Хрен там хорошо... Ладно, тебе не мешки таскать.

Теперь с моего изображения содрали все мышцы. Остались кости и все внутренние органы. Я зажмурился, чувствуя, как подкатывается тошнота.

– Желудок часто болит? – спросил врач.

– Нет. Никогда не болит.

– Зачем врать-то? Видно же... Павел! Ты что, водкой его поил?

– Как принято. Выпили по рюмке.

– Экипаж кретинов... Мальчик, у тебя были положительные мутации?

– Ага. Набор «инферно».

Глаз я так и не открыл, но слушал, как Антон объясняет старпому:

– Видишь, увеличены органы иммунной системы? Поч-ки модифицированы для вывода нуклидов, защищены щитовидка и тестикулы. Мальчик может неплохо держать радиацию. Ну и обычные мелочи – аппендикс полностью заполнен лимфоидной тканью, усилено сердце...

– Слушай, Антон, меня сейчас стошнит. Избавь меня от зрелища освежеванного ребенка!

– Да как скажешь...

Я снова открыл глаза и посмотрел на собственный скелет. Скелет был даже симпатичный, только какой-то очень уж жалкий.

– Руку ломал? – спросил врач.

– Правую, – признался я. В моей медицинской карте даже записи об этом не было, и я надеялся, что никто и не узнает.

– Ничего, неплохо срослось, – милостиво согласился Антон. Достал ручной детектор, подошел и, уже не глядя на экран, стал водить по мне датчиком.

– Пойдет? – поинтересовался старпом. Он сидел в покинутом Антоном кресле, флегматично допивал напиток из его стакана и курил сигарету.

– Соматика приличная, – признал Антон. – Сейчас про-

верим шунт на поток... ты в туалет давно ходил, парень?

– А? – не понял я.

Антон поморщился:

– Ладно, может, и пронесет.

– Ох, пронесет! – весело подтвердил старпом.

Антон крепко взял меня под мышки, приподнял и посоветовал:

– Держись.

...Наверное, команду он отдал по своему шунту. Потому что отключился я мгновенно. А когда через мгновение пришел в себя, голова болела, а руки слегка подергивались. Антон все так же крепко держал меня на весу. Ноги у меня были мокрые, по полу елозила черепашка кибер-уборщица, временами натываясь на ступни.

Я обмочился!

– Иди в душ, вон та дверь, – велел Антон. – Вымойся и одевайся.

Он морщился, но вроде бы не злился. Я схватил одежду и бросился в ванную; красный как рак, понимающий, что все кончено. Хорош расчетный модуль, у которого сфинктеры не держат... Поливая себя из душа, я мрачно думал, что стоит сразу уйти. Даже не возвращаясь в комнату.

Но я все-таки вернулся.

Антон снова сидел в своем кресле, чемоданчик был собран, по стене шли замысловатые цветные узоры. Старпом курил. Пол был чистый и сухой.

– Простите, – пробормотал я.

– Да я сам виноват, – неожиданно ответил Антон. – Слишком долго тебя гонял в потоке.

– Долго? – не понял я.

– Четверть часа. Уж больно любопытные показатели были. У тебя не восемьдесят четыре с половиной, как в аттестате, парень. У тебя девяносто и семь десятых. Великолепный показатель. С таким берут в военный флот, на пилотажно-капитанский.

Старпом, похоже, понял мой страх.

– Да принят ты, принят, – сказал он. – Если и впрямь хочешь, то мы тебя возьмем в расчетные модули.

– Хотя я бы посоветовал побережь мозги, – заметил Антон. – Понимаешь, приятель, лобные доли мозга не любят потокового режима. Они... как бы это сказать. Засыпают. Начинают лениться. Со всеми вытекающими...

Он вдруг захохотал, я понял причину и снова покраснел.

– В общем, я бы тебе не советовал, – уже серьезно продолжил Антон. – Честно. Но если ты настаиваешь – возьмем с удовольствием. У нас и так нехватка модулей.

– Я... я готов.

– Тебе нужно уладить какие-то дела? – спросил старпом.

– Да, наверное.

Я же не знал, что все решится так быстро!

– Тогда приходи завтра утром. Старт будет вечером... впрочем, тебе это без разницы.

Я закивал, пятясь к двери.

– Подожди! – вдруг велел Антон. – Хочу объяснить тебе еще одну вещь, мальчик. Сейчас мы разговариваем с тобой, и нам это приятно. Потому что ты умный, славный паренек. Который вполне мог бы стать нашим коллегой... настоящим коллегой. Но если ты станешь расчетным модулем – все изменится. Мы будем относиться к тебе совсем по-другому. Даже когда после первого рейса ты выйдешь посмотреть на инопланетный порт: еще веселый, любопытный и настоящий. Но мы больше не будем с тобой болтать, шутить и улыбаться. Потому что видели десятки и сотни таких, как ты, поначалу – умных, славных, хороших. И если относиться к вам как людям, после того как вы встали в поток, то никаких нервов не хватит.

Меня словно отхлестали по щекам. Я сглотнул какой-то комок – потому что мне нравился и старпом, и даже этот ехидный язвительный врач.

А сейчас они смотрели на меня очень серьезно и...

Словно я на родителей, когда они рассказали мне про Дом Прощаний.

– Как член экипажа и совладелец корабля, имеющий в нем свой пай, я очень хочу взять тебя в расчетную команду, – сказал старпом, откашлявшись. – А вот как человек, у которого свои пацаны подрастают, я бы тебе не советовал приходить.

– Я приду, – прошептал я.

– Вот, возьми. – Старпом подошел ко мне, протянул несколько скелотых листов. – Это наш контракт приема на работу в качестве расчетного модуля. Контракт стандартный, один в один рекомендованный Гильдией. Но ты все-таки его изучи как следует. Дальше – тебе решать.

Я схватил листки и выскочил за дверь. Голова гудела, немножко чесалась кожа над ухом, вокруг шунта. Это от волнения.

А еще мне было не по себе оттого, что и старпом, и врач говорили чистую правду. Оттого, что они были хорошие люди.

И оттого, что я собирался их всех обмануть.

Глава 2

Провожать меня поехал только Глеб. Прогулял школу и поехал.

Он почти до конца мне не верил. Хотя увидел и пустую квартиру, откуда унесли муниципальную мебель, а то, что принадлежало родителям, – в маленьком контейнере складировали в подвале.

– Ты псих, – сказал Глеб, когда автобус подъезжал к космопорту. Он начал верить. – Будешь дебилом. Ты что, старых модулей не видел?

– Они вовремя не вышли, – сказал я. Чемоданчик с вещами я держал на коленях. Как я узнал из контракта, у меня

было право на двенадцать килограммов вещей.

– И ты не выйдешь. За пять лет мозги спекаются. – Глеб вдруг облизнул губы и сказал: – У меня билет имперской лотереи, ты знаешь?

Я знал. У Глеба был один шанс из двадцати выиграть бесплатное обучение на любую специальность. Он собирался стать пилотом, конечно же.

– Хочешь, я его тебе отдам?

– Тебя родители убьют, – ответил я.

– Нет. Не убьют. Я уже поговорил с ними. Я могу переписать билет на тебя. Хочешь?

Билет имперской лотереи – это здорово. Я о нем и не мечтал... зато нейрошунт у меня «Креатив», а у Глеба – только «Нейрон».

– Спасибо, Глеб. Не надо.

Он растерянно заморгал жиденькими белыми ресницами. Глеб очень светловолосый и бледный. Это не мутация, это наследственность.

– Тиккирей, я честно...

– Глеб, я вечером буду в космосе.

– Это будешь не ты, – прошептал Глеб.

Когда автобус остановился у гостиницы, он вяло протянул мне руку. Я ее пожал и спросил:

– Зайдешь?

Глеб покачал головой, и я не стал спорить. Долгие проводы – лишние слезы.

Меня ждал космос.

* * *

Я не знал, где живет старпом и остальной экипаж корабля. Поэтому пошел в номер к доктору.

Дверь снова была не заперта, и дверь в ванную распахнута. Антон стоял у зеркала, в одних трусах, и брился древней механической бритвой. Будто нельзя заморозить все волосяные фолликулы раз и навсегда.

– Ага, – сказал он, не оборачиваясь. Я видел только отражение его глаз в зеркале, но мне показалось, что их выражение изменилось. – Ясно. Номер семьдесят три. Там капитан.

– Кто пришел? – раздался голос из комнаты. Тонкий, девичий.

– Это не к нам, – отозвался Антон. Но из комнаты выглянула смуглая девушка – одна из тех, что вчера смеялись. При виде меня она вначале улыбнулась, а потом помрачнела. Наверное, она была совсем голая, потому что замоталась в простыню.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Какой ты дурачок, – сказала девушка. – Господи, ну откуда берутся...

– Замолкни, груз! – процедил я. Получилось. Почти как у старпома. Девушка замолчала, часто моргая. Антон на миг прекратил бриться, потом бритва продолжила движе-

ния. Вверх-вниз.

А я повернулся и пошел в семьдесят третий номер.

Капитан был младше и старпома, и доктора. Наверное, он окончил какую-то очень известную космошколу, если ему доверили командовать кораблем. Крепкий, красивый, в парадной белой форме.

– Тиккирей, – утвердительно сказал он, когда я вошел. Почему-то я понял, что он видел запись моего вчерашнего обследования, и мне стало стыдно. Перед Антоном или старпомом не было стыдно. А перед настоящим капитаном, который, даже сидя один в номере, оставался в парадной одежде, – стыдно.

– Да, капитан.

– Значит, не передумал?

– Да, капитан.

– С контрактом ознакомился?

– Да, капитан.

Контракт я читал до трех часов ночи. Он и впрямь был стандартным, но я все проверил.

– Тиккирей, может быть, ты думаешь нас обмануть? – предположил капитан. – Сделать два-три рейса, выбрать планету посимпатичнее и там сойти?

– Разве я имею на это право? – очень натурально удивился я.

– Имеешь, конечно, только что это тебе даст? – Несколь-

ко секунд капитан пристально смотрел на меня. – Ладно, не будем тянуть.

Он сел за стол, быстро проглядел мои бумаги, проверил подлинность печатей ручным сканером, подписал контракт и вернул мне один экземпляр. Протянул руку:

– Поздравляю вас, Тиккирей. Отныне вы член расчетной группы космического корабля «Клязьма».

Мне не понравилось то, что он назвал меня не членом экипажа, а членом расчетной группы. А еще больше не понравилась фраза «Только что это тебе даст?». Но я улыбнулся и пожал ему руку.

– Вот тебе подъемные. – Капитан достал из кармана несколько банкнот. – Они не оговорены в контракте, но это добрая традиция – к первому старту. Только постарайся не...

На секунду капитан замолчал, потом засмеялся:

– Да нет, ты не напьешься, я думаю.

– Не напьюсь, – пообещал я. Вчера, после водки, меня стошнило в автобусе. А может быть, это случилось еще и из-за проверки моей работоспособности...

– Сбор в пять часов внизу, в вестибюле, – сказал капитан. – Да, и... Это опять же не оговорено, но если тебя там не окажется, я не стану подавать в суд. Просто порву контракт.

– Я буду.

– Хорошо, Тиккирей.

Я понял, что разговор окончен, и вышел из номера. Внизу, в баре, было так же немногочленно и бармен был прежний.

Он улыбнулся мне, а я подошел и положил одну банкноту на стойку.

– Это за вчера. И... у вас есть молочные коктейли?

– Конечно, есть. – Бармен выдал мне сдачу. – Приняли?

– Приняли. У меня оказались очень хорошие показатели.

Правда.

– Здорово. Только ты вовремя завяжи с этой работой, ладно? С чем тебе коктейль?

– С апельсином, – сказал я наугад.

Бармен поморщился, наклонился ко мне. Заговорщицки прошептал:

– Скажу по секрету, самые вкусные молочные коктейли – это самые простые. Например – с шоколадом и щепоткой ванили.

– Давай, – так же шепотом ответил я.

Это и впрямь было вкусно. Я так и просидел в баре до пяти часов, оставив чемодан за стойкой у бармена, чтобы не следить за ним. Пару раз сбегал в туалет, чтобы не повторилось вчерашнего конфуза. Хотя, наверное, на корабле все это как-то продумано.

Последний коктейль я допил впопыхах, поглядывая на часы. Пожал руку бармену и выскочил в вестибюль.

Весь экипаж уже собрался. Капитан, старпом, доктор. И еще два человека, которых я не видел, – наверное, навигатор и карго-мастер.

– Опаздываешь, модуль, – холодно сказал доктор. Он свое

обещание сдержал – для него я уже не был славным мальчиком.

– Простите, больше не повторится, – сжимая ручку чемодана, сказал я. Старпом молча взял у меня из рук чемодан, прикинул вес, вернул.

– Идем, – сказал капитан. Все повернулись и двинулись к шлюзу, к которому уже был пристыкован микроавтобус.

На меня даже внимания не обращали. И дверь автобуса закрыли, едва я успел переступить порог. Старпом и доктор сидели рядом, карго и навигатор – тоже. Рядом с капитаном было свободное место, но на него он очень аккуратно положил свою фуражку.

Я прошел в конец автобуса, сел на свободный ряд кресел. Капитан поднял и надел фуражку.

Автобус покатился по оранжевому такыру.

«Клязьма» была стандартным сухогрузом, такие к нам непрерывно летают. Керамическая туша двухсот метров в длину, похожая на слишком вытянутое яйцо. При посадке она выдвигала опоры, но по сравнению с кораблем они были почти невидимы – такие маленькие. Казалось, что «Клязьма» лежит прямо на песке, сплавленном за многие годы в твердую каменистую корку. Грузовой люк был уже закрыт, но вдали еще пылила колонна большегрузных грузовиков, загружавших в корабль обогащенную руду.

– Последний рейс в этот гадючник, – сказал старпом. –

Слава тебе, Господи...

– Зато какой пай, – негромко возразил тот, кого я считал навигатором. Это был негр, пожилой, полный, с очень добрым лицом.

– Да, пай хорош, – согласился доктор. – И хороший модуль наняли.

– Еще надо проверить, – кисло возразил старпом.

– Хороший, хороший, – повторил доктор. – Что я, тестировать разучился?

Обо мне они говорили так, словно я был покупкой, валявшейся на заднем сиденье. Я сцепил зубы и промолчал. Наверное, это такое испытание. Чтобы убедиться, серьезно я настроен с ними работать или начну ныть и возмущаться.

Автобус пристыковался к шлюзу – спустившейся сверху прозрачной трубе. Вшестером мы едва втиснулись в маленькую кабинку лифта. Меня прижало к капитану.

– Простите, капитан... – сказал я.

Он молчал. Старпом тронул меня за плечо и холодно под-
сказал:

– Разрешите обратиться, капитан...

– Разрешите обратиться, капитан, – повторил я.

– Разрешаю.

– А где остальные члены расчетной команды? Они вернулись раньше?

Мне вдруг стало страшно. Я подумал, что у них вообще нет модулей и, значит, моим мозгам придется работать

непрерывно.

– Они не сходили с корабля, – ответил капитан.

Больше ничего я спрашивать не стал.

Из шлюзовой камеры, довольно большой, со скафандрами в застекленных нишах, какими-то приборами на стенах и принайтованным к полу флаером, все немедленно стали расходиться по своим делам. Капитан бросил, ни к кому не обращаясь:

– Старт через пятьдесят минут, через сорок всем быть в сети.

Я стоял, разинув рот и ничего не понимая. А мне куда идти?

Пальцы доктора цепко взяли меня за плечо.

– Иди за мной.

Мы поднялись в лифте, прошли по коридору. Доктор молчал, он был серьезен и сосредоточен.

– Извините, а что я должен буду делать?.. – начал я.

– Для твоей работы тебе вовсе не требуется что-либо знать, – отрезал доктор. – Ты – «мозги в бутылке», понимаешь? Входи.

Он подтолкнул меня вперед, и я первым вошел в небольшой зал. Тут был стол, и большая видеостена, и мягкие глубокие кресла. В креслах сидели люди – остальные расчетные модули. Их было пятеро – трое немолодых, один средних лет и один паренек лет семнадцати.

– Добрый день, расчетная команда, – сказал доктор.

Все пятеро зашевелились. Те, что постарше, кивнули. Мужчина средних лет что-то буркнул. А паренек поздоровался:

– Привет, док.

Они вовсе не выглядели дебилами. Скорее – людьми, увлеченными фильмом, который шел на экране. Что-то авантюрно-приключенческое, там как раз молодая красивая женщина доказывала кому-то, что она может переносить гипер, потому что ей специально пересажена игрек-хромосома. Вот же бред, как можно пересадить хромосому во все клетки сразу?

– Это ваш новенький друг, – сказал доктор. – Его зовут Тиккирей... если кому-то интересно.

– Привет, Тиккирей, – сказал парень. – Меня зовут Кеол. Он даже улыбнулся.

– Ты сходил с корабля? – спросил док.

Кеол поморщился.

– Нет. Не люблю эту планету.

– Ты же вроде бы... – Доктор махнул рукой. – Ладно. Все по местам! Старт через сорок минут.

Поднялись все сразу. Экран погас. Из щелей выскользнули несколько черепашек-уборщиц и принялись елозить по полу. Я заметил, что кое-где рассыпан попкорн, обертки от шоколада и еще какой-то мусор.

– Мне помочь новенькому? – спросил Кеол.

– Я сам все объясню. Ты проследи за стариками.

– Хорошо, док, – сказал Кеол.

– Он самый сохранный из всех, – не понижая голоса, сказал доктор. Кеол даже не вздрогнул. И посмотрел на меня.

Я молчал, меня немножко колотило мелкой дрожью.

– Автобус еще не отошел, – сказал доктор. – Я попросил водителя выждать двадцать минут. Если хочешь, я провожу тебя в шлюз.

Во рту у меня пересохло, но я все-таки пошевелил языком и сказал:

– Нет.

– Это было последнее предложение, – сказал Антон. – Идем.

В зале было штук десять дверей, семь из них сразу выделялись – более широкие и какие-то массивные. В эти двери и уходили модули. Доктор подвел меня к крайней, заставил приложить руку к сенсорной пластине. Сообщил:

– Теперь это твоя бутылка.

Помещение и впрямь походило на лежащую бутылку... даже стены и потолок выгибались дугой. Здесь не было ничего, кроме странной штуки, походящей на кровать для тяжелобольного. Поверхность ее была гибкая, блестящая и упругая. Почти посередине – отверстие.

– Раздевайся, – сказал доктор. – Все вещи и одежду – сюда.

Я разделся, убрал вещи в стенной шкафчик, тоже запирающийся на сенсорный замок. Молча лег на кровать. Было довольно мягко и удобно.

– Значит, так, – сказал доктор. – Самые сложные процессы для модуля... понимаешь какие?

– Понимаю, – ответил я.

– Ходишь ты под себя, – сказал доктор. – Биде встроено в кровать и включается автоматически. Если у тебя нарушается работа кишечника, шунт начинает самостоятельно выдавать команды на периферийную нервную систему. Каждый час кровать массирует тебя. Раз в сутки нейрошунт выдает команды на сокращение мускулатуры, чтобы избежать мышечной дистрофии. Состояние здоровья контролируется непрерывно, если что – я прихожу и оказываю помощь. Так... Питание...

Он запустил руку под кровать и вытащил из какого-то гнезда шланг с расширением на конце.

– Это не питание, – увидев мои выпученные глаза, сказал доктор, – это мочеприемник. Приладь сам.

Я приладил.

Самое унижительное было именно в том, что доктор стоял рядом, давал советы и отпускал комментарии. Слово он был на меня очень зол. За то, что я все-таки отверг их советы и пришел на корабль...

Второй шланг, который он достал, как раз и был «питанием». Доктор быстро подобрал мне загубник, подходящий по размерам. Я взял его в рот.

– Питание жидкое, выдается небольшими порциями одновременно со стимуляцией сосательного рефлекса, – пояс-

нил доктор. – Хочешь попробовать?

Я покачал головой.

– И правильно. Ничего вкусного. Полезно, легко усваивается... дает минимум отходов. Но не более того.

Потом он пристегнул меня поверх кровати четырьмя широкими ремнями, приговаривая:

– Запоминай порядок. В дальнейшем будешь делать все сам. Это вполне удобно, руки у тебя остаются свободными до конца. Потом ты всовываешь их в эти петли – они затянутся автоматически. Система простая, удобная, не меняется уже полсотни лет. Хочешь что-то сказать?

Я кивнул, и доктор вынул мне загубник.

– Когда мы прилетим, я смогу выйти в космопорт? Погулять...

– Конечно. – Доктор даже удивился. – Или считаешь нас бандой, которая держит модулей принудительно? Тиккирей... самое печальное, что в этом нет нужды. Я уверяю тебя, Тиккирей, что если бы освоение космоса требовало вынимать людям мозги и держать их в банках по-настоящему, мы бы так и делали. Человеческая мораль чудовищно пластична. Но это не нужно. Лучшая банка – твое собственное тело. К нему подводится питание, удаляются отходы, а в шунт втыкается кабель. Вот и все, Тиккирей. А то, что некоторые модули все-таки уходят, отработав контракт, – позволяет людям окончательно угомонить свою совесть. Понял?

– Да. Спасибо. – Я улыбнулся, хотя улыбка и вышла жал-

кой. – Я... я немножко испугался. Что вы будете держать меня в корабле, пока я не стану... как эти.

Доктор Антон тоже улыбнулся. Присел на корточки рядом с кроватью. И потрепал меня по голове.

– Брось. В нашем дурацком, полном законов мире практически нет нужды в насилии. Может, лучше бы наоборот, а?

Он встал, вынул очередной шнур. Я скосил глаза – кабель для нейрошунта. Спросил:

– Я сразу отключусь?

– Да, Тиккирей. Держи свой загубник.

Я послушно взял в рот шланг. Вкуса никакого не чувствовалось, все ведь было много раз стерилизовано. Может, попросить попробовать...

– Удачного гипера, расчетчик, – сказал доктор. И мир исчез.

Как же у меня болела голова!

Я даже тихонько завыл, когда это почувствовал. На языке был гадостный привкус – будто жевал солено-сладкую глину.

Голова раскалывалась. И чесалась коленка. Затекла правая рука, будто я пытался ее вырвать из тугой петли.

Я лежал на своем месте расчетного модуля. Шнур по-прежнему был в шунте, только уже отключен. Вытянув левую руку – она слушалась лучше, – я выдернул его. Выплюнул загубник.

Ничего себе!

Это не подключение к школьному компьютеру.

Ремни по-прежнему притягивали меня к кровати. Я ухитрился их отцепить, встал. Боялся, что будут подкашиваться ноги, но все оказалось в порядке.

Осторожно коснувшись двери, я выглянул в общий зал.

Там стоял Кеол – голый, бледный и почесывающий живот.

При виде меня он заулыбался:

– А, Тиккирей! Привет, Тиккирей. Как ощущения?

– Ничего, – пробормотал я. Вроде бы и впрямь ничего со мной не стряслось.

– Вначале всегда ничего, – серьезно сказал Кеол. – Потом все делается скучным. Неинтересным. С этим надо интенсивно бороться!

Он торжественно погрозил мне пальцем и повторил:

– Интенсивно! Ты простерилизовал кровать?

– Нет... как это?

– Смотри...

Кеол протиснулся в мою «бутылку». Показал – все и впрямь было просто и почти полностью автоматизировано. И впрямь как для тяжелобольных.

– Загубник тоже моешь, – серьезно объяснял он. – Там вечно остатки каши. И вымойся сам! Кровать впитывает выделения, если что-то пролилось, но надо мыться. Начисто! Вот, открой ящик...

Душ был прямо здесь. Гибкий шланг с лейкой на конце и флакон бактерицидного геля, самого обычного дешевого

геля, который мы иногда покупали в магазине.

– В полу отверстия, вода стечет туда, – объяснил Кеол. – И кровать окати. Когда выйдешь, просушка и ультрафиолет включатся автоматически.

– Мы прилетели, Кеол? – спросил я.

Он заморгал.

– Мы? Да, наверное. Я не спрашивал. Но если отключились – значит, прилетели. Верно?

Кеол вышел, а я стал торопливо приводить себя в порядок. Вымылся несколько раз, вытерся полотенцем из того же ящика. Все было продумано. Все было просто и целесообразно. Ужас какой-то!

Хорошо, что я не собираюсь больше ложиться в этот гроб и подключаться к потоковому вычислению. Ведь не собираюсь? Я вслушался в свои мысли, боясь, что решимость ослабнет.

Да нет, все было нормально.

Я оделся – в свою одежду. Форму ведь мне так и не выдали. И не надо. Посмотрел дату на часах – ого, я пролежал в потоке почти две недели!

Потом взял чемоданчик и вышел из «бутылки».

– Голова болит, Тиккирей? – спросил меня Кеол.

– Да, – признался я.

– Выпей. – Он протянул мне банку какого-то напитка. – Специальный. Снимает боль и тонизирует.

Он и впрямь был нормальнее всех остальных расчетчи-

ков. Он еще пытался заботиться об окружающих. А на это нужны какая-то воля и целеполагание.

– Удачи тебе, – сказал я и вышел в коридор.

Маршрут к шлюзу я вроде бы помнил, ведь только что мы с доктором Антоном шли оттуда. Ну, я понимаю, что не совсем «только что». Но я ведь не помнил все эти дни полета... интересно, сколько же мы летели?

Впрочем, в шлюз я пока не хотел. Обманывать капитана и экипаж я вовсе не собирался. Мне надо было найти кого-нибудь – и я нашел. Наткнулся прямо на старпома, идущего к шлюзу. Тот внимательно осмотрел меня, задержал взгляд на чемоданчике и сказал:

– Понятно. В шлюз?

– Нет, я хочу найти капитана. И расторгнуть контракт. Я ведь имею на это право? – спросил я.

Старпом кивнул:

– Идем...

Но привел он меня не к капитану, а в какое-то нежилое помещение. Уселся перед экраном, включил компьютер. Скомандовал:

– Данные по контракту расчетного модуля Тиккирея.

На экране появился мой контракт.

– Ты вправе прервать контракт и сойти на любой планете, – сказал старпом. – Это – закон. Мы обязаны выплатить тебе заработанную за данный полет сумму. Это... – он наклонился к экрану, – это тысяча тридцать восемь кредитов.

Ого!

Я молчал.

– Разумеется, питание и работа систем твоего жизнеобеспечения оплачиваются отдельно, поскольку ты прерываешь контракт до истечения срока... – сухо добавил старпом. – Так что... отними шестьсот четыре кредита.

– Так много? – удивился я.

– Так много. Потому что твое питание и твою кровать требуется волочить в пространстве вместе с тобой. И даже по минимальным внутренним расценкам флота это составляет изрядную сумму. Будешь спорить?

– Нет, – сказал я. Все было честно.

– Остается четыреста тридцать четыре кредита, – сказал старпом. – Теперь – страховка.

– Да не надо, – попросил я. Что-то непорядочное было в том, что я воспользовался «Клязьмой» как транспортным средством да еще и тяну с них немалые деньги.

– К сожалению, надо, – сказал старпом. – Ты застрахован на триста пятьдесят тысяч кредитов. Как положено. Страховой взнос составил сто семнадцать тысяч. Теперь, как ты понимаешь, страховка прервана. Страховой взнос назад не возвращается. Сто семнадцать тысяч минус четыреста тридцать четыре кредита...

Он развернулся в кресле и посмотрел на меня.

Я понял. У меня все внутри заглохло.

– Если ты прерываешь контракт, Тиккирей, то вначале

придется урегулировать финансовый вопрос. Думаю, шестьдесят – семьдесят рейсов позволят это сделать. Наверное, года через два ты сможешь покинуть корабль.

– Это есть в контракте? – тихо спросил я.

– Конечно. Показать?

– Не надо. Я помню... я не думал, что страховка такая дорогая...

Старпом упер руки в колени, наклонился вперед и зло сказал:

– Тиккирей, ты думаешь, что только тебе, такому умному, пришла в голову идея – наняться на корабль и сойти на первой же попавшейся планете? Да если бы наш корабль летел в рай, а сделал остановку в аду, и то нашелся бы желающий смыться! Именно поэтому, Тиккирей, сумма страхового полиса столь велика. Чтобы экипажу не приходилось дергаться, выискивая мозги в каждом космопорте. Нанялся – работай! Мы ведь предупреждали тебя?

Я даже не заметил, что стал плакать.

– Ну, что ты выбираешь? Прервать контракт и получить право уйти через два года нищим или отработать пять лет и заработать свою треть миллиона?

Он был зол, чертовски зол на меня, самодовольного дурачка, который мешает ему сойти с корабля, развлечься, потратить в баре свои честно заработанные деньги.

Но я же смотрел контракт! Там кое-что было запутано, про некоторые вещи сказано мельком, но...

Сев на пол, я уткнулся лицом в колени. Два года – это конец. Я столько не выдержу. Уж пять лет – точно. Я не стану идиотом, но мне все будет безразлично. Кормят, поят, позволяют гадить под себя... и хорошо...

– Мы предупреждали тебя или нет? – рявкнул старпом.

– Предупреждали... – прошептал я.

Он сгреб меня с пола, усадил себе на колени, разжал рот и ткнул в зубы горлышко металлической фляжки:

– Пей! Истерику тут устраиваешь, словно визгливая баба...

Я глотнул обжигающую жидкость. Закашлялся.

– Это коньяк, – объяснил старпом. – И что ты собирался делать на этой планете, Тиккирей?

– Жить... – прошептал я.

– Жить? Как?

– У меня же есть имперское гражданство...

– Что с того? Ты думаешь, легко человеку выжить в незнакомом мире? Тем более – подростку? Тем более – без денег? Получил бы ты свои жалкие четыре сотни, и что с того? Это на вашей планете сто кредиток – деньги. В нормальном развитом мире ты и неделю на них не протянешь!

Он резко толкнул меня:

– Вон та дверь... умойся.

И, повернувшись к экрану, зло процедил:

– Служебный доступ. Аннулировать контракт расчетного модуля Тиккирея. Оформление страховки не производить.

Я смотрел на него, размазывая слезы.

– Не оформляли мы на тебя страховой полис. – Старпом сидел ко мне спиной, и только побагровевший коротко стриженный затылок выражал его эмоции. – Понятно было, для чего ты нанялся. Только Антон на тебя ставил, был уверен, что ты отработаешь пять лет и сохранишь волю...

– Значит, вы нарушили закон! – воскликнул я.

– Тебе-то какое дело? Что ты стоишь? Умывайся и уходи!

– Куда?

– Куда? – Вот теперь старпом по-настоящему заорал: – А куда ты хотел? На планету! Новый Кувейт, имперская колония, стандартный законодательный ряд, ускоренная процедура получения вида на жительство, уровень комфортности среды – сто четыре процента! Мы тебя отключили только через два скачка, и знаешь почему? Потому что были уверены: ты хочешь сойти на первой же планете! Даже не узнав, что это за планета! А там, куда мы отвозим руду, клоака похуже вашей каторги!

– Почему каторги?.. – прошептал я.

– Потому что Карьер развивался как каторжная планета. Обитатели куполов – потомки охранников. Умойся и провалявай!

Я умылся. Я долго плескал в лицо холодной водой, стараясь не растирать покрасневшие глаза. Вытерся и вышел. Старпом сидел за экраном и играл в шахматы. Очень быстро, через шунт, фигуры так и прыгали по экрану.

– Вот твои деньги, – сказал он. – Четыреста тридцать четыре кредита.

На столе лежали семь бумажек и четыре монетки.

– Я... мог бы выдержать пять лет? – спросил я.

– Никто не может выдержать пять лет без потерь, Антон – наивный оптимист! Лет десять после этого ты учился бы принимать решения. Даже выбор из трех сортов... лимонада... стал бы для тебя мучительной проблемой. Бери деньги, потом зайди к Антону и убирайся вон! Медицинский сектор на два яруса ниже, указатели стандартные.

Он так и не обернулся.

Мне хотелось сказать ему «спасибо». Или обнять и разрешиться снова, потому что еще никто и никогда не давал мне такого полезного урока.

Но мне было слишком стыдно. Даже для того, чтобы сказать «спасибо». Я взял со стола деньги, подхватил чемоданчик, отошел к двери и, уже выскальзывая в коридор, прошептал:

– Простите меня...

Я даже не знал, услышал он или нет.

В коридоре было пусто и тихо. Каковы здесь «стандартные указатели», я не знал, старпом переоценивал мои знания о космосе. Наверное, из-за удачной фразы о «маршевых двигателях». Вот что, например, значит синяя стрелка, перечеркнутая красным зигзагом? Или фигурка человека с раскинутыми руками в желтом круге?

Конечно, я мог войти в лифт, спуститься на два яруса и поискать медицинский сектор. Вот только смотреть в глаза Антону, единственному, кто посчитал меня честным простаком, а не глупым обманщиком, не хотелось.

И я торопливо пошел к шлюзу. Если уровень комфортности планеты больше пятидесяти процентов, значит, на поверхности можно выжить без специальных средств защиты, это я помнил с уроков естествознания. А здесь – сто четыре процента. Значит, Новый Кувейт даже лучше Земли.

Лифтовая площадка оказалась наверху. Я вошел, коснулся сенсора с обращенной вниз стрелкой, и лифт начал спускаться.

Моя третья планета – ведь та, где меня не разбудили, тоже считается, пусть я и не выходил из корабля, а пролежал в потоковом режиме – ждала меня.

Глава 3

Несколько минут я просто стоял под брюхом корабля, глядя в небо. Так, чтобы корабль немножко меня от него закрывал. Было чуть-чуть не по себе.

Здесь не было купола. И у меня не было респиратора на лице. Я мог дышать и смотреть в небо просто так.

Небо оказалось густо-синего цвета, солнце – желтое. Наверное, ночью в нем будут тысячи звезд, как в фильмах про Землю. Воздух пах словно в оранжерее – и это при том, что

вокруг не было никаких деревьев, только бетонные плиты и стоящие на них корабли. И грузовые, и поменьше, и военные корабли. Кажется, даже несколько чужих кораблей, но они стояли так далеко, что я не был уверен.

Километрах в трех золотились здания космопорта. Красивые купола, башни, все из золотистого металла, прозрачного стекла, белого камня. Не так, как у нас, где все здания были похожими, из стандартных блоков.

Я смотрел на космопорт и потихоньку начинал забывать свой позор.

Да, мне повезло. Потому что люди все-таки в большинстве своем добрые. И у нас, и на других планетах. А еще у меня в кармане деньги, карточка имперского паспорта, а на Новом Кувейте упрощенная процедура получения вида на жительство.

Перехватив чемоданчик поудобнее, я двинулся напрямик к космопорту.

Идти было легко, казалось, что земля упруго подталкивает меня в подошвы. Наверное, здесь гравитация земная или даже меньше. А у нас, на Карьере, – одна целая две десятые стандартной единицы.

Временами я даже начинал бежать. От восторга. Проехал мимо огромный, больше карьерного самосвала, контейнеровоз. Смуглый длинноволосый парень, высунувшись из кабины водителя, что-то крикнул мне.

Я помахал ему рукой.

К космопорту я подошел, как раз когда к огромным раздвижным дверям подъехало несколько автобусов с пассажирами. Галдящая толпа – почти все говорили не на лингве, а на каком-то жутко искаженном варианте английского – высыпала из автобусов. Несколько пассажиров тащили за собой симпатичные цилиндрические контейнеры на гравиподвеске – жен, или дочерей, или секретарш, еще не вышедших из анабиоза... Меня несколько раз толкнули, рассыпаясь в извинениях. Я тоже кого-то задел чемоданом и извинился.

Никаких сложностей и проверок не было. Толпа разбилась на десяток коротких очередей, быстро проходивших через смотровые воротца. Я пристроился в одну из групп, как и все достав карточку паспорта. Сканер мигнул зеленым, и я вышел в таможенный зал. Огромный – здесь будто не признавали маленьких помещений, с хрустальными люстрами под потолком, с двумя десятками людей в темно-зеленой форме. Опять образовались короткие очереди.

– Оружие, наркотики, боевые импланты, потенциально опасные программные продукты, предметы двойного назначения? – спросила меня с улыбкой молодая женщина-таможенник.

– Нет, ничего.

– Добро пожаловать на Новый Кувейт.

И я вышел в зал космопорта. От впечатлений кружилась голова. Здесь были тысячи людей – часть в униформе, видимо, сотрудники, остальные – пассажиры. Ярко одетые, воз-

бужденные, торопливые.

Мне надо было немного успокоиться. Прежде всего я собирался перекусить. Разумеется, не в ресторане, но должно же быть какое-нибудь заведение попроще.

Пришлось побродить по зданию, прежде чем на цокольном этаже я обнаружил маленькое кафе, ценники в котором не вызывали оторопь. Здесь в основном собирался обслуживающий персонал, на меня глянули с удивлением, но ничего не сказали. Я взял бифштекс с яйцом, стакан сока – он назывался яблочным, но был почему-то синеватого цвета, отошел к одному из столиков. Там стояли двое охранников – с оружием на поясе, с включенными переговорниками, из которых доносились какие-то отрывистые реплики. На меня они внимания не обратили, увлеченные разговором:

– Не было там никого и быть не могло. Водителю надо пройти тест на наркотики.

– Мало ли идиотов?

– Идти три километра по полю пешком? А куда он потом испарился?

Рации у охранников синхронно издали щелкающий звук, кто-то что-то отрывисто приказал на незнакомом гортанном языке. Оставив недоеденные гамбургеры, они вышли из кафе. Я застыл со стаканом в руках.

Речь шла обо мне. Не положено было идти по взлетному полю. Стоило мне хоть немного пошевелить мозгами, и я бы это понял... там, где я весело шагал, помахивая чемоданчи-

ком, мог в любую секунду приземлиться корабль.

Разумеется, никто не стал бы рисковать, выполняя маневр у самой поверхности. Меня бы размазало по бетону.

Идиот...

Бифштекс не лез в горло. Я все-таки торопливо прожевал еду, запил соком – кислый... и быстро вышел из кафе. Может быть, охрана поищет меня да и бросит, решив, что водителю контейнеровоза померещилось. А может быть, сообразят, что я случайно прибился к туристам с другого корабля.

Из космопорта надо было убираться, да поживее!

Здесь наверняка имелся какой-то общественный транспорт. Автобусы или рельсовая дорога. Но я был в такой панике, что отправился к стоянке такси. Сотня ярко-оранжевых колесных такси вытянулась вдоль посадочного пандуса, небольшая очередь чинно расплзлась по очередным машинам. В сторонке была и флаерная стоянка, но туда я пойти не рискнул. Наверняка гораздо дороже. Я пристроился в хвост и через несколько минут заглянул в окошко.

Водитель был человек светлокожий и улыбчивый.

– Мне в город, в гостиницу... – пробормотал я.

– Садись. – На лингве он говорил с акцентом, но, кажется, не с таким, как местные жители.

– А сколько это будет стоить...

– Садись же!

Я понял, что задерживаю очередь, и забрался на заднее сиденье. Машина стала выруливать на трассу. Обернувшись,

я посмотрел на купола космопорта. Вырвался...

– Так куда тебя, мальчик?

– Мне нужна гостиница, – быстро сказал я. – Хорошая, но подешевле.

– Что главное? – серьезно спросил водитель.

– Подешевле...

– Понятно. Тогда тебе не стоит соваться в Аграбад. Новый Кувейт – дорогая планета, ну а столица – тем более. Есть несколько мотелей вокруг космопорта, там цены умеренные. В них останавливаются те, кто ожидает получения вида на жительство, к примеру. Народ тихий, им конфликты с властью совсем не нужны.

– Вот это точно по мне.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Ты откуда, парень?

– Карьер.

– Это планета так называется?

– Угу.

– Ну и названьице...

Машина ехала по широкой, рядов в восемь, дороге. И все равно движение было напряженным. По обеим сторонам дороги тянулись зеленые луга, по-моему, даже не засеянные ничем полезным, просто так, сами по себе растущие. Как в кино!

– Хочешь получить гражданство? – спросил водитель.

– Да.

– Это возможно, – согласился он. – Я... тоже не отсюда.

Эль-Гуэсс... слышал?

– Нет, – признался я.

– Тоже дыра. Наверное, как твой Карьер... Значит, так. Сейчас у тебя обычная туристическая виза с неограниченным сроком, верно?

– Д-да... наверное.

– Чтобы получить право работать, тебе нужен вид на жительство. Поселишься в мотеле, скачай себе закон об иммиграции. В принципе, если ты не нарушал закон, молод, имеешь приличный нейрошунт и согласен сделать себе обрезание...

– Что?

– Не знаешь, что это такое?

– Знаю, но зачем?

– Я вот тоже размышлял, – водитель засмеялся, – зачем?

Но потом плюнул и согласился. Поверь, это не мешает личной жизни.

Я улыбнулся, но мне стало как-то не по себе. Что за глупости!

– Скажите, а какой здесь социальный пай?

– Что? – Мы попеременно удивляли друг друга.

– Плата за жизнеобеспечение. За воздух...

Он покачал головой:

– Дыши в свое удовольствие. Здесь такого нет. Хреновая же у тебя родина, верно?

Я пожал плечами.

– Так вот, прочти закон, разберись во всем, осмотришь – как живут люди. Если тебе все понравится, подавай заявку на гражданство. Через полгода-год получишь вид на жительство. Полные гражданские права приобретешь после вступления в брак, или рождения ребенка, или усыновления гражданина планеты, или после усыновления тебя кем-либо из граждан. – Он снова засмеялся. – Это, пожалуй, вероятнее?

– А сколько надо иметь денег, чтобы прожить здесь полгода? – спросил я.

– Ну... по минимуму? Крыша над головой... двадцать монет в день в мотеле. Питание – столько же. Считай сам.

Я уже посчитал. И мне не понравилось.

– А работа? Работу найти легко?

– Можно, – обнадежил меня водитель. – Планета богатая и до конца еще не освоенная. Так что получишь вид на жительство – и вперед.

– А без вида на жительство?

– И не думай! Поймают на том, что работаешь – хотя бы просто за еду или жилье, – немедленно выставят с планеты.

Наверное, мое лицо все выразило сразу.

– Беда? – спросил водитель.

Я кивнул.

– Может быть, ты имеешь артистическое дарование, или замечательный голос, или паранормальные способности? Тогда процедуру ускорят.

Он не издевался, он серьезно пытался мне помочь.

– Нет...

Водитель вздохнул:

– Да, влип ты. А вернуться на свою планету и заработать достаточно денег?

– На нашей планете с работой плохо, – сказал я. – И если человек в неделю получает двадцать кредитов, это хорошие деньги.

– У... – Водитель покачал головой и замолчал.

– У нас очень развитая система социальной защиты! – попытался объяснить я. – Денег платят мало, зато питание, одежда, всякие вещи – они распределяются бесплатно...

– Замечательная версия рабовладельческого общества, – изрек водитель. – Хитро придумали. Как ты еще на билет деньги скопил...

– Я летел расчетным модулем.

Машина вильнула, а глаза у водителя округлились.

– Чего? Пацан, ты не врешь?

– Я недолго летал. Всего два гипера. Так что у меня с мозгами все нормально.

– И что? Ты сбежал?

– Нет, мне разрешили прервать контракт.

Водитель присвистнул:

– Тебе попались очень хорошие люди. Считай, что выиграл в имперскую лотерею. Один шанс из тысячи.

– Один из двадцати... – машинально поправил я.

– Ну да, из двадцати, если ты бессмертный. Выигрывает каждый двадцатый билет имперской лотереи, но каждый билет действителен пять тысяч лет. Считай сам, сколько у тебя шансов за сто лет.

Я замолчал.

– Вот неплохой мотель, – сообщил водитель, сворачивая. – То, что тебе нужно. Двадцать четыре кредита.

О цене я не спорил, конечно. Отсчитал ровно двадцать четыре.

– На самом деле положено еще давать чаевые – десять процентов от суммы, – объяснил водитель. – Но с тебя я их брать не стану, учитывая тяжесть ситуации. Все мы люди...

– Я влип, да? – спросил я.

– Похоже, приятель. Удачи тебе!

Выбравшись из такси, я постоял, пытаюсь собраться с мыслями. Может быть, не идти в мотель? Жить где-нибудь в лесах, как в приключенческих книжках. Тратить деньги только на самую дешевую еду...

Но я не знал, как выжить в лесу. У нас, на Карьере, их вообще нет.

И я двинулся к мотелю.

Больше всего он походил на наш общественный парк. Только среди деревьев были разбросаны маленькие домики, а кое-где – машины с жилыми прицепами или фургончики. Несколько зданий было поосновательнее и побольше, наверное, кафе и административные помещения.

Первым, кого я встретил в мотеле, был не-человек.

Вначале я этого даже не понял. Мне показалось, что на встречу идет подросток моего возраста. Потом я решил, что это очень низкорослый взрослый. И вежливо спросил:

– Извините, где бы я мог получить номер?

Встречный остановился. Из одежды на нем были только шорты. Ноги очень волосатые, почти поросшие мехом. Уши маленькие, глаза, наоборот, большие.

Халфлинг!

– Добрый день, человеческий ребенок, – очень чисто и мелодично произнес он. – Если ты желаешь поселиться в данном месте, тебе нужно вернуться на сорок метров назад и войти в здание с вывеской «Заселение». Находящийся там персонал ответит на все твои вопросы.

Сглотнув, я кивнул.

– Я жду, – удивленно сказал халфлинг.

– С-спасибо...

– Всегда рад помочь, – ответил халфлинг и двинулся дальше. Мне показалось, что я даже почувствовал его запах – легкий и приятный, будто от цветов.

Хотя, может быть, он пользовался одеколоном. Или это пахли настоящие цветы – их здесь было очень много, от запахов даже кружилась голова.

Выждав, пока халфлинг удалится, я опасливо последовал назад.

Заселение производила девушка, такая симпатичная и

славная, что у меня даже на время развеялись все дурные мысли. Она сразу поняла, что я с другой планеты. Мы поговорили, я рассказал ей про Карьер, про то, что хочу получить вид на жительство, но у меня может не хватить денег. В результате номер я получил всего за десять кредитов в сутки. Пускай он был в самом дальнем конце мотеля, далеко от дороги, но какая разница? Еще она скачала из сети и дала мне копию закона об иммиграции, чтобы мне не пришлось тратиться на терминал в номере, ведь он был платный. И даже угостила чашкой чая.

Сама она была с Нового Кувейта, но ее отец тоже когда-то эмигрировал. С самой Земли! И хотя ей было всего двадцать два года, она уже побывала на Земле – выпускные классы в колледже обязательно возили на Землю, Эдем или Авалон, по выбору. По поводу того, что лететь пришлось в анабиозе, девушка ничуть не комплексовала. И впрямь, что интересного в двухнедельном полете через гиперпространство? У них даже некоторые мальчишки легли в анабиоз, чтобы не тратить зря времени и побыстрее увидеть Землю. А на родине человечества она побывала и в Лондоне, и в Каире, и в Иерусалиме, и в Житомире – в общем, во всех прославленных исторических местах. А потом она с бабушкой три дня пробыла в одесской сельве, охотилась на львов. Сельва не любит чужих, так что приключений хватало.

Наверное, я бы с ней несколько часов просидел, так было интересно. Но тут вошел новый гость, который хотел засе-

литься, какой-то длинноволосый урод, и пришлось уходить. Мне выдали ключ и проспект мотеля с подробной картой, так что домик свой я нашел без труда.

В домике было здорово.

Хорошая деревянная кровать с чистым бельем, стол, два стула и два кресла, небольшой видеоэкран – он был бесплатный, и я его сразу включил на местный канал новостей. В большое окно был виден почти весь мотель – домик стоял на холме. Сразу за домиком начиналась ограда, за ней – поля, а дальше уже виднелись небоскребы столицы. Я распахнул окно, постоял, улыбаясь и глубоко дыша. Воздух пах очень сладко.

Ну не может быть, чтобы я чего-нибудь не придумал!

Я ведь и впрямь сумел улететь на другую планету. И при этом не превратиться в зомби. И у меня есть крыша над головой и немного денег.

Усевшись за стол, я принялся читать закон об иммиграции.

Все в законе было очень разумно и правильно. И в общем-то я по всему подходил – я был молодым, мужского пола, законов не нарушал... ну разве что прошелся по взлетно-посадочному полю, но меня ведь не поймали... Конечно, было не по себе от того, что придется делать обрезание «в знак уважения культурных и исторических традиций народа», но если надо... А еще тут разрешалось иметь трех жен. Я слышал, что на многих планетах это принято, но раньше

думал об этом как-то абстрактно. Теперь же получалось, что когда я вырасту, то смогу завести трех жен. Странно как-то, если подумать. Ну если бы у папы было три жены, как бы я их звал? Тети? Да и у отца проблем, наверное, было бы выше головы. Если сделать подарок одной жене, то другие обидятся...

Потом я прочитал, что только сорок процентов населения имеют больше одной жены, и успокоился.

Через час я заполнил все бумаги, включил терминал и переслал прошение о гражданстве в министерство по делам миграций Нового Кувейта. В месте, отведенном для особых заметок, я написал, что у меня очень мало денег и я прошу «по возможности быстрее рассмотреть мой вопрос». Фраза получилась хорошая, честная и гордая. Я как бы и не жаловался, но просто объяснял ситуацию.

Терминал выдал мне квитанцию, подтверждающую, что запрос принят и будет рассмотрен «в установленные законом сроки». Также было написано, что до решения вопроса я могу пользоваться своими правами туриста, но не имею права работать «в легальном или подпольном бизнесе Нового Кувейта».

Потом я завалился на кровать и стал смотреть новости. В основном они были про жизнь на планете и очень интересные. Например, про визит султана на какой-то «северный архипелаг», где планируется построить грандиозный энергокомплекс. Показывали заснеженные острова, холодное тем-

ное море, самого султана – вовсе не старого и с умным честным лицом. Я смотрел новости минут тридцать и понял, что Новый Кувейт – и впрямь шикарная планета. На ней были и джунгли, причем не очень опасные, моря и океаны, пустыни и леса. Не то что у нас, где уровень комфортности – пятьдесят один процент. Еще показали торжественное закрытие фестиваля хип-хопа, проводившегося в Аграбаде: на открытой сцене перед роскошным дворцом прыгали девчонки и что-то пели. Вокруг полыхала цветастая голографическая иллюминация, зрители били в ладоши и подпевали.

Были и галактические новости. Про то, что какая-то планета под названием Иней наращивает свой военный флот сверх всех разрешенных Империей норм и пора бы вмешаться земной администрации и самому Императору. Про галактические гонки, на которых, ясное дело, побеждает экипаж халфлингов, но вот за второе место борется лучшая яхта Авалона «Камелот» и несколько чужих кораблей. Про эпидемию язвенной чумы, разразившуюся в какой-то маленькой колонии. Показали корабли санитарного кордона Империи, блокировавшие планету и не дающие жителям улетать – потому что никакого лечения от язвенной чумы пока не разработали, а болезнь эта смертельная, заразная и может поражать и людей, и почти все расы Чужих. Когда на экране пошли съемки с планеты – переполненные больницы, перепуганные врачи в герметичных скафандрах, больные, покрытые язвами: вначале просто красная сыпь, потом волдыри, а

потом тело начинает разваливаться, – я выключил экран. Гадость какая... я с детства боялся заболеть чем-нибудь страшным и неизлечимым. Конечно, от любой болезни можно найти лекарства, но иногда на это нужно несколько лет, и тогда вымирают целые планеты. О таком даже думать не хотелось, тем более что мне сразу показалось, что у меня тоже чешется кожа, а это – первый признак чумы.

Так что я закрыл домик и вышел прогуляться. Делать было все равно нечего, а мне хотелось посмотреть на Чужих. Ведь если здесь есть халфлинги, то могут оказаться и другие инопланетяне?

Но я никого не увидел, кроме людей. Начинало темнеть, и кемпинг сразу стал оживать. У многих машин и домиков зажгли костры или переносные плитки, стали готовить еду. Наверняка люди могли пообедать и в ресторане, но ведь самому готовить интереснее. У меня никаких продуктов не было, так что я все-таки пошел в ресторанчик, заказал себе мясной суп, овощное рагу и апельсиновый сок. В углу ресторана негромко играл на гитаре молодой парень, временами официантка приносила ему бокал вина, он пил и начинал играть снова. В общем, было здорово. Просто праздник какой-то!

Вот только у меня все сильнее зудела спина. Это все моя глупая мнительность – где бы я мог заразиться чумой? – но было очень неприятно.

Так что я допил свой сок и пошел спать.

В небе уже горели звезды – очень яркие и красивые, ведь

им не мешал никакой купол. Я шел, задрвав голову, пытаюсь найти знакомые созвездия, но так и не смог сориентироваться.

Как все-таки здорово, что я прилетел сюда!

И какие хорошие люди – экипаж «Клязьмы»!

Когда я разбогатею, я обязательно их разыщу. Они ведь летают между разными планетами, прилетят и к нам, на Новый Кувейт. Я приглашу их всех в самый хороший ресторан и поблагодарю за то, что они для меня сделали.

Проснулся я под утро.

У меня жутко чесались спина и руки, а в носу хлюпало, будто я простудился. С минуту я лежал под одеялом, пытаюсь уверить себя, что это глупые фантазии. Но мне становилось все страшнее и страшнее.

Тогда я встал, включил свет и забежал в ванную, где было большое зеркало.

Руки и живот у меня были покрыты мелкой красной сыпью.

А на спине, когда я, обмирая от ужаса, повернулся, сыпь слилась в крупные красные пятна.

Точь-в-точь как в передаче.

– Нет! – закричал я. Мне даже захотелось ущипнуть себя – вдруг мне это снится?

Но я был уверен, что не сплю.

Язвенная чума.

Не лечится!

Двое суток у меня будут эти пятна, нестерпимый зуд, насморк и резь в глазах. Кстати – глаза уже жгло, будто в них сыпанули песка... Потом сыпь превратится в волдыри и я стану заразным. А еще через три дня умру.

Но я же не мог заразиться чумой! Не мог!

Та планета, где эпидемия, она очень далеко от Карьера!

Или...

Я вдруг подумал, что «Клязьма» вполне могла отвезить нашу руду именно туда. И пусть я лежал в «бутылке», но разве это помеха для заразы? А еще тот парень-расчетчик, Кеол, он чесал живот! Вдруг я заразился от него? Или от старпома? У всех ведь болезнь протекает по-разному, у меня могла быстрее начаться.

Значит, мои друзья с «Клязьмы» уже мертвы. Хорошо, если они успели улететь с Нового Кувейта, тогда их не задержат, не узнают про меня, не станут искать...

Или лучше, чтобы меня нашли?

Меня ведь наверняка немедленно доставят в больницу. Поместят в герметичную камеру, будут лечить... хотя вылечить – невозможно. Там, в камере, я и умру. Это точно, и ничего тут не поделаешь.

Теперь я знал, что чувствовали мои родители, воспользовавшись своим правом на смерть. Вроде бы ты еще живой, но уже точно знаешь, когда и как умрешь. И это было ужасно. Я весь вспотел, то ли от болезни, то ли от страха. Даже

босые ноги стали скользить по гладким плиткам пола. Я забрался в душевую кабинку, пустил воду и сел на корточки. Холодные струи барабанили по спине, и от этого она вроде бы переставала чесаться...

Не хочу я умирать!

Тем более сейчас, когда все так здорово сложилось! Когда я попал на такую планету, лучше которой нет во всей Вселенной! Когда у меня даже появилась хорошая знакомая! Когда мою заявку на гражданство приняли к рассмотрению!

Ну почему все так? Почему?

Разве я в чем-то виноват? Если бы родителям повезло с работой, они бы не умерли. Если бы они не умерли, я бы не нанялся расчетным модулем! Я ведь никогда никому не делал ничего плохого. Ну, чтобы по-настоящему плохого, разбитый нос или запущенный в чужую планшетку вирус вряд ли считаются...

Я долго так просидел, пока совсем не замерз. Потом вылез и снова посмотрел на себя в зеркало, будто вода могла смыть сьпь.

Никуда она не делась, конечно. Даже ярче стала, потому что кожа у меня побледнела от холода.

Я умру. И еще заражу всех вокруг себя. Потому что не хочу я вызывать врачей, не хочу, чтобы меня упрятали в герметичную камеру, я ведь всю жизнь прожил под куполом, я две недели лежал в «бутылке»! Не хочу!

...А если на Новом Кувейте кто-то выживет, то меня будут

проклинать тысячи лет. Как трусливого и глупого ребенка, который заразился сам, а потом еще заразил других.

Умрут и самодовольный халфлинг, и не взявший с меня чаевых водитель такси, и упустившие меня охранники в космопорте, и девушка, у которой отец был с Земли, и парень, который вечером так здорово играл на гитаре...

Все из-за меня.

Мои родители ведь тоже хотели жить. И они могли уйти из купола вместе со мной, и мы бы прожили еще года два или три. Вот только для них было главным, чтобы я жил долго и счастливо. Поэтому они и пожертвовали собой.

А теперь окажется, что из-за их жертвы умрет целая планета.

Потому что я – трус и эгоист. Я даже не хочу вызвать врача, не хочу умирать в клетке...

Я кое-как вытерся, очень осторожно, потому что кожа зудела невыносимо. Натянул джинсы и сел к терминалу. Включил связь и стал искать в списке услуг мотеля вызов врача.

Врача тут не было. Надо было связываться с городской службой, но это почему-то было уж совсем страшно.

Тогда я посмотрел список обитателей мотеля, тех, кто предоставил свои открытые данные. Тут был и халфлинг – у него оказалось жутко сложное и длинное имя, и какая-то семья «князей Петровых», и туристы, и коммивояжеры, и спортсмены, приехавшие на какие-то студенческие соревнования по квадроболу. Врачей не было.

Но зато был какой-то человек по имени Стась, у которого в графе «профессия» значилось «капитан».

Пожалуй, капитан должен понять всю опасность ситуации.

Я набрал его номер. Времени было пять утра, за окном еще совсем темно, но какая теперь разница...

Ответил капитан быстро. На экране появилась полутемная комната, похожая на мою, и светловолосый человек лет сорока. Он чем-то походил на отца Глеба. Увидев меня, капитан нахмурился и произнес:

– Это что за шалости?

– Вы капитан Стась? – спросил я.

– Да.

Лицо его сразу посерьезнело, видимо, он понял, что я позвонил не случайно и не для дурацкой шутки.

– Меня зовут Тиккирей. Я живу в том же мотеле, что и вы. В сто четырнадцатом домике.

– Вижу, – сказал капитан. – Что дальше?

– Вы... вы могли бы мне помочь?

– Мог бы. Что случилось?

Казалось, он все-таки не уверен, что у меня есть серьезная причина будить его в такую рань, и сдерживается только из вежливости. Может быть, поэтому я выпалил сразу:

– Капитан Стась, у меня язвенная чума. Вы ведь знаете, что надо делать.

– Что за бред ты несешь, Тиккирей? – резко спросил ка-

питан.

– Это не бред! – крикнул я, вскочил и отошел, чтобы он увидел красные пятна на моем теле. – У меня язвенная чума! Это очень опасно!

– Откуда ты? – после секундной паузы спросил капитан.

– С Карьера. Это планета, где добывают руду, я улетел с нее расчетным модулем на грузовом корабле «Клязьма», потом мы делали где-то остановку, но я там не выходил, а здесь сошел, мне разрешили прервать контракт, но мы, наверное, залетали на ту планету, где эпидемия...

– Прервись на секунду, – очень спокойно произнес Стась. – Подойди к экрану и посмотри в камеру. Приблизь к ней лицо.

Я так и сделал.

– Сиди в своем домике и никуда не выходи, – сказал Стась после паузы. – Я сейчас подойду к тебе. Понял?

– Это очень заразно, – сказал я.

– Да уж догадываюсь. Сиди на месте.

Глава 4

Капитан пришел минут через пять. Дверь я открыл заранее и, когда пискнул зуммер, громко крикнул:

– Войдите!

Я думал, что он наденет скафандр, но капитан Стась был в обычной, даже не форменной одежде – в джинсах и рубашке.

Только на поясе у него висела кобура с пистолетом.

– Встань, Тиккирей, – стоя у двери, сказал Стась.

Я поднялся.

– Повернись спиной. Хорошо. Садись...

Совершенно спокойно он подошел ко мне, взял за подбородок, запрокинул голову, внимательно посмотрел в глаза.

Спросил:

– Насморк сильный?

– Да...

– Скажи мне, Тиккирей, ты побывал у вашего врача перед тем, как сойти с корабля?

– Нет.

– Какой же ты глупый мальчишка... – сказал Стась и засмеялся. Никогда не думал, что среди капитанов бывают такие садисты! Он хохотал прямо в лицо мне, умирающему от чумы! – Это уму непостижимо. Марш в кровать!

Я ничего не мог понять. А Стась достал из кармана маленькую коробочку, вытащил из нее разовый шприц, уже наполненный раствором, и повторил:

– Ложись и снимай штаны.

– Язвенная чума не лечится... – прошептал я.

– Да нет у тебя никакой чумы! – Он легко приподнял меня и толкнул к кровати. – Давай. Если стесняешься, то подставь руку, но будет больнее.

– Что вы мне хотите уколоть?

– Иммуномодулятор.

Спорить со мной ему явно надоело, так что он заставил меня лечь, приспустить джинсы и с размаху всадил шприц. Я ойкнул.

– Немного пожжет, но тут ничего не поделаешь, – надавив на поршень, сказал Стась. – Считай это расплатой за собственную глупость.

– А что со мной?

– Аллергия. Самая обыкновенная аллергия на новую планету. Чудак человек, ты что, книжек не читал, кино не смотрел, а уроки прогуливал? Перед выходом на любую новую планету, будь она хоть раем... кстати, если раем – особенно, там зелени много... надо принять иммуномодулятор. Тут ведь пыльца, пыль, споры, семена, частицы чужой биосферы – твоя иммунная система сходит с ума, понимаешь?

Какой же я дебил!

Уткнувшись лицом в подушку, я поддернул вверх джинсы и затих. Больше всего на свете мне сейчас хотелось, чтобы капитан Стась ушел. Пусть даже я умру от этой дурацкой аллергии.

Но капитан не уходил.

– Стыдно? – спросил он.

Я невольно кивнул, хотя, когда лежишь, зарывшись головой в подушку, это трудно.

– Ладно, со всяким бывает, – сказал капитан. – В одном историческом романе я читал о почти таком же случае – только там взрослый человек наелся клубники и покрылся

аллергической сыпью, а заподозрил себя в спонтанной условно-положительной мутации... Кстати, ты вполне мог умереть. Если бы потянул еще немного и довел дело до отека легких или анафилактического шока. Неприятно, верно? Из-за какой-то дурацкой пыльцы и пыли!

– Простите меня... – прошептал я.

– Лучше расскажи, как ты дошел до жизни такой, Тиккирей с корабля «Клязьма».

– Я не с «Клязьмы», я там всего две недели летал.

– Расчетным модулем, ты уже говорил. Рассказывай, как ты в это вляпался и как сумел выбраться.

Я сел на кровати. Укол, честно говоря, побаливал изрядно, но я терпел. Капитан Стась с улыбкой смотрел на меня.

Может, это все умеют чувствовать, а может, только некоторые, но вот я всегда знал: человеку со мной по-настоящему интересно или он общается из вежливости. Наша учительница по психологии, с ней, кстати, всегда было интересно, говорила, что это компенсаторно-защитная способность детской психики – чувствовать настроение собеседника. С возрастом почти у всех проходит.

Капитану Стасю было интересно. Вот капитан «Клязьмы», которого я даже по имени не знал, тоже сделал бы мне укол, чтобы спасти, а потом ушел бы. Старпом «Клязьмы» еще и объяснил бы, в чем я не прав. Врач Антон, наверное, выслушал бы меня.

А Стась, хотя и злился немного, что я его разбудил под

утро, хотел со мной поговорить.

И я стал рассказывать. С самого начала – то есть с того, как папу уволили.

Когда я объяснил Стасю про конституционное право каждого гражданина на смерть, он выругался, достал сигареты и закурил. У нас, на Карьере, мало кто курил: за это нужно платить дополнительный пай в жизнеобеспечение.

К концу моего рассказа Стась выкурил три сигареты. Похоже, мой рассказ его чем-то очень сильно задел.

– Знаешь, Тиккирей, вначале я подумал, что это ловушка, – сказал он наконец.

– Какая ловушка?

– Твой звонок. Про язвенную чуму. Понятно было, что никакой чумы у тебя нет – зрачки не расширены, надбровных высыпаний нет... в общем – заразиться я не боялся. И с чего бы вдруг ты стал звонить незнакомому человеку?

– Я подумал, что раз вы капитан...

Стась кивнул:

– Да, конечно. Но все очень походило на ловушку или провокацию. Ладно, Тиккирей, оставим это. Похоже, я слишком устал в последние дни и пугаюсь собственной тени. Скажи, что ты собираешься делать?

Интересно, кто и зачем стал бы устраивать ловушки для капитана космического корабля? Я о таком не слышал, но спрашивать не решился.

– Буду ждать вида на жительство.

Он кивнул.

– Понимаете, – объяснил я, – если правительство Нового Кувейта и впрямь заинтересовано в иммигрантах, то оно ведь должно подходить к каждому дифференцированно? Верно? А я молодой, здоровый, у меня хороший нейрошунт...

– Что у тебя?

– Креатив-гигабит.

– Версия чипа?

– Один ноль один.

– Ну... – Стась улыбнулся. – В вашем гадючнике... уж извини, приятель... это может считаться хорошим. Но тут богатая планета, где давно перешли на более серьезные модели. Впрочем, дело привычки. У меня тоже «Креатив», только версия один ноль четыре.

– Правда?

– Абсолютная правда. Не люблю я менять железо каждый год. Но я бы не слишком рассчитывал на ускоренное рассмотрение твоего дела, Тиккирей.

– А что мне делать, капитан Стась?

Почему-то я понял, что могу быть с ним откровенен и спрашивать совета без всякого стеснения.

– Я думаю, Тиккирей. Я бы хотел чем-то тебе помочь, но пока не знаю... как сложатся мои собственные дела. – Он улыбнулся. – Зуд прекратился?

Я с удивлением понял, что кожа и впрямь перестала че-

саться.

– Ага!

– Хорошо. Мне надо сейчас уезжать, Тиккирей. Если составишь компанию, позавтракаем вместе. – Он снова улыбнулся. – Я угощаю.

Конечно, я не стал отказываться. Мне сейчас очень нужно было экономить.

Через час, когда капитан Стась уже уехал из мотеля по своим делам, я сидел в ресторане на открытой террасе с чашкой кофе и смотрел, как восходит солнце. Капитан посоветовал мне несколько дней не пить соков и не есть свежих фруктов. Конечно же, я его послушался. Тем более что чай и кофе здесь были очень вкусными.

А еще здесь не было купола над головой...

Самого восхода солнца я не увидел, мешал лес. Но все равно было очень здорово видеть, как светлеет небо, становясь из черного густо-синим, как гаснут звезды – все, кроме двух-трех самых ярких, их даже днем видно, если присмотреться.

Иногда высоко-высоко пролетали рейсовые самолеты или совсем крошечные искорки флаеров. А уж космические корабли стартовали не реже чем раз в полчаса. Мне еще никогда не было так здорово. И самое главное, я вдруг окончательно поверил, что мне всегда и всюду будут встречаться хорошие люди. Такие, как экипаж «Клязьмы» или капитан

Стась. Ну неужели я не справлюсь со своими проблемами?

– Эй, с тобой можно сесть?

Я повернулся и увидел мальчишку моих лет, может, чуть постарше. Он стоял с бокалом какого-то напитка и довольно неприязненно смотрел на меня.

– Садись, конечно. – Я даже чуть подвинул свой стул, освобождая ему место у столика.

– Здесь лучшее место, чтобы смотреть на рассвет, – объяснил пацан, садясь рядом. – Ты потому тут сел?

– Да. Так это твое место?

– Мое. Ладно, сиди, я же его не покупал...

Мы настороженно смотрели друг на друга. Это со взрослыми легко почувствовать, хорошие они или плохие. А он был мой ровесник. И совсем не походил ни на кого из моих приятелей, чтобы попытаться понять, какой он по характеру. Смуглый, тощий и, наверное, с сильной азиатской кровью. Прическа у него была очень странная, набок, так чтобы нейрошунт над правым ухом был открыт. У нас, наоборот, все прикрывали шунт волосами. Одет он был в белый костюмчик, такой официальный, словно собирался сейчас отправиться куда-нибудь в театр или на собрание.

– Тебя как зовут? – спросил мальчишка.

– Тиккирей. Или Тик, или, иногда, Кир. Но это для друзей.

Он на миг задумался. Потом сказал:

– А меня Лион. Не Леон, а Лион. Понял?

– Понял.

Мы замолчали. Девушка, которая принимала заказы, поняла, что больше ничего мы брать не собираемся, и ушла в глубь ресторанчика.

– Ты местный? – спросил Лион.

– Нет, я только вчера прилетел. Я с Карьера. Это планета-рудник.

Лион сразу заулыбался:

– А я уже неделю здесь. Мы с «Обслуживания-7», это вообще не планета. Космостанция в свободном межзвездном пространстве. Там такой удобный узел гиперканалов, что решено было построить станцию! У нас ближайшая колония – это Джаббер, но до нее восемь световых.

– Ого! – воскликнул я.

– Родители решили, что пора переселяться на планету, а не жить с космиками. У меня есть еще младшая сестра и брат. Если будешь к ним задираться, я тебе рожу начищу.

– Да не собираюсь я к ним задираться!

– Я на всякий случай, – сообщил Лион. – Чтобы не получилось, что ты не знал. А у тебя есть братья и сестры?

– Нет.

– А кто твои родители? У меня отец инженер, а мать программист.

– Мои родители умерли. – Я не стал уточнять, как и почему.

– Ой, извини. – Лион сразу сменил тон. – А с кем ты здесь?

– Один.

– У тебя что, гражданство есть?

– Да, имперское.

Кажется, он мне немного позавидовал. Хотя чему тут завидовать, у нас гражданство получают сразу после того, как потребление кислорода и продуктов составляет половину взрослой пайки.

– И ты хочешь переселиться на Новый Кувейт?

– Да.

– Здорово. – Лион сунул мне руку. – Давай не будем драться, Тиккирей?

– Давай. – Я растерялся. – А надо было?

– Ну, для знакомства. У нас так принято... было принято. Но мы же на новой планете.

Мы оба заулыбались. Наверное, Лион не был драчуном, и необходимость подраться для знакомства его смущала.

– Здесь красиво, правда? – спросил он.

– Ага. У нас все живут под куполами, и атмосфера очень пыльная. Такого рассвета не бывает.

– У нас вообще солнца не было, – признался Лион. – Над станцией висел такой здоровый плазменный шар, чтобы осуществлять освещение. Но это не то. И его никогда не гасили, даже на ночь, только спектр меняли немного.

– А наше солнце очень активное, – сказал я. – Мы поэтому все немного мутированы, положительно. Чтобы выдерживать радиацию. Я выдерживаю радиационный поток в сто

раз лучше обычного человека.

– У меня только общеоздоровительная мутация, обычная... – Лион скис, услышав такие новости. – И еще кости под низкую гравитацию приспособлены... Тиккирей, а ты плавать умеешь?

– Умею, конечно.

– Пошли! – Он залпом выпил свой напиток и встал. – Тут есть озеро, если пройти минут двадцать. Настоящее, природное, у него берега тиной заросли, и там живая рыба водится! Научишь меня плавать?

– Попробую...

Лион уже тащил меня за собой, тараторя без умолку:

– Я отца прошу научить меня, а он говорит, что времени нет. Только, по-моему, он сам плавать не умеет, у нас на станции было два бассейна, но оба мелкие совсем. Я тебя тоже чему-нибудь научу, хочешь? Как драться при низкой гравитации, например. Есть такая специальная борьба. А почему у тебя лицо в пятнах, это тоже мутация или болезнь?

– Это аллергия.

– А, у меня была когда-то на шоколад и апельсины. Вот гадость, да? Почему именно на шоколад и апельсины, пусть бы на цветную капусту или молоко...

К вечеру я понял, что у меня появился новый друг.

Конечно, за один день я Лиона плавать не научил, но у берега он уже держался на воде. И мы позагорали и решили

сделать это место нашим общим штабом, пока будем жить в мотеле. Лион сказал, что в мотеле есть еще три семьи, ожидающие получение вида на жительство, но в одной дети совсем мелкие, в другой вообще младенец, а в третьей пацан – толстый слюнтяй, который ни с кем не хочет разговаривать и всюду таскается за своей мамочкой.

Мы похвастались друг другу шунтами – у Лиона был куда лучше, со встроенным радиопередатчиком, так что ему не нужно втыкать кабель попусту ради всякой мелочи. Но зато я рассказал, что летал на корабле расчетным модулем, и Лион совсем скис. Это было настоящее приключение, не то что прилететь вместе с мамой и папой на пассажирском корабле.

С родителями его я тоже познакомился. Кажется, они обрадовались, что мы с Лионом подружились, и очень почувствовали, что у меня такие проблемы с получением гражданства. Мы посидели у настоящего костра, меня накормили вкусным жареным мясом прямо с огня, а потом пообещали, что через несколько дней возьмут посмотреть столицу – вместе с Лионом. Его брат и сестра оказались еще мелкими и глупыми, но их быстро уложили спать, и они почти нам не мешали.

В свой домик я пошел уже совсем поздно. Мне хотелось попросить, чтобы Лиона отпустили со мной – мы бы еще о многом поболтали, но я постеснялся.

И наверное, это было хорошо, потому что, когда я вошел в домик, на экране видефона горел сигнал вызова.

Первая моя мысль была совсем глупой. Я решил, что министерство по делам миграций рассмотрело все-таки прошение досрочно.

Но вызывал меня капитан Стась. Когда я нажал кнопку приема, он появился на экране почти сразу. Какой-то очень подавленный и загруженный, даже недоуменно поморщился, глядя на меня. Потом спросил:

– Как самочувствие, Тиккирей?

– Спасибо, почти все прошло...

Он что, так обо мне беспокоился?

– Ты можешь сейчас подойти в мой коттедж?

Я кивнул.

– Давай, я жду.

Спать мне мигом расхотелось.

Коттедж был такой же, как у меня. Только вещей у капитана Стася имелось куда больше. К терминалу были присоединены какие-то дополнительные блоки, и они работали с какой-то информацией.

– Хорошо, что ты поправился... – все так же отвлеченно сказал Стась. – Слушай, Тиккирей, а ты хочешь подзаработать?

Я улыбнулся:

– Хочу, но мне нельзя.

– Если заплачу я, то можно. Я не являюсь гражданином Нового Кувейта, так что наши финансовые отношения не

подпадают под закон.

– Правда?

– Я проконсультировался с юристом.

– Я готов! – выпалил я.

Стась погрозил мне пальцем:

– Никогда не соглашайся ни на какие, самые заманчивые предложения, не выяснив детали! Понял?

Я кивнул.

– Так вот, мне требуется, чтобы завтра с утра и до вечера ты болтался где-нибудь возле моего коттеджа. В отдалении, но так, чтобы видеть, кто к нему подходит.

– Что-то случилось?

– Да... есть у меня подозрение, что какой-то воришка пытался проникнуть в коттедж. Или проник...

Стась замолчал, задумчиво глядя на терминал. Там шли сплошные потоки цифр и мелкого текста.

– А разве у вас нет электронной охранной системы? – спросил я.

– Тиккирей... на любую электронику есть блокирующие приборы. Куда надежнее пацан, который играет неподалеку.

– А что мне делать, если кто-то...

– Ничего! Абсолютно ничего! Не вздумай поднять шум или подойти ближе. Просто смотри и запоминай, Тиккирей! Вечером расскажешь.

– Хорошо, – согласился я. Завтра мы с Лионом собирались вновь отправиться на озеро. Но... это забава, а мне

очень нужны деньги.

Наверное, Лион поймет...

– Сколько вы заплатите? – на всякий случай спросил я.

– Что – сколько? А... – Стась махнул рукой. – Хорошо заплачу, не беспокойся. Так что, я могу на тебя положиться?

– Да, конечно, – сказал я. Мне казалось, что у капитана Стася какая-то фобия и он придумывает себе недоброжелателей. Но раз он за это платит...

– С девяти утра. И до вечера... возможно, я вернусь к восьми. Или к девяти. Поешь с утра получше, возьми с собой гамбургеров... на, тут немного, но...

Он протянул мне деньги. Уточнил:

– А кредитной карты у тебя нет? Я почти не ношу наличных.

– Нет. А вы не боитесь, что кредитку могут отслеживать?

Стась улыбнулся:

– Тиккирей, не считай меня параноиком. Нынешний бум бумажных денег – глупость. Куда проще завести анонимный счет в банке, чем менять отпечатки пальцев. К тому же любой нейрошунт может быть считан на расстоянии, а уж его-то ты не подделаешь. Нет, я не боюсь использовать кредитку. И тебе рекомендую завести со временем.

Немного пристыженный, я кивнул.

– Иди, Тиккирей, – велел Стась. – Выпись...

Уже в дверях меня нагнал его вопрос:

– Тиккирей... скажи-ка...

Я обернулся.

– Ты действительно решил остаться на Новом Кувейте? Не хочешь попытаться счастья на другой планете? – спросил Стась.

Я удивился:

– Мне здесь очень нравится. А на новый перелет у меня денег нет. Разве Новый Кувейт – плохая планета?

– Хорошая, – кивнул Стась. – Немножко зажавшаяся, но хорошая... Ладно, не бери в голову. Спокойной ночи.

Я вышел, а он уселся к терминалу. И по-моему, тут же начисто забыл обо мне.

Лион на меня не обиделся. Ничуть. Даже наоборот, восхитился приключением.

– Крыша у него точно на месте? – деловито спросил он. – Есть такие психи, им вечно кажется, что за ними следят. Они кредитками не пользуются, в терминалах все примочки отключают...

– Он пользуется кредиткой, – буркнул я. – Нет, он странный, но не псих. Может, у него и впрямь есть враги?

– Тогда это опасно, – решил Лион. – Но интересно. Знаешь что, давай заберемся на крышу твоего домика и будем загорать. Оттуда должно быть видно. Потом пойдем в кофейню, что у ворот мотеля. Оттуда тоже можно наблюдать. А потом... потом где-нибудь еще сядем. Мы не должны торчать весь день на одном месте, тогда сразу будет понятно, что мы

наблюдаем.

– Я с тобой поделю деньги, которые Стась мне даст, – пообещал я.

– Нет, сейчас не надо. Тебе сейчас деньги нужны. Если разбогатеешь, потом отдашь...

Я не спрашивал у Стася разрешения и рассказал все Лиону по своей инициативе. Но я ведь Лиону доверял и точно знал, что он никому не расскажет.

Мы купили колы и попкорна, выволокли на плоскую крышу моего коттеджа видеоэкран, чтобы было веселее, и стали загорать. У меня кожа довольно смуглая, у Лиона тоже, так что сгореть мы не боялись, но его мама все-таки дала нам какой-то специальный крем.

– Вообще тебе везет на приключения, – сидя на корточках и натирая коленки кремом, сказал Лион. – Ты получил настоящее имперское гражданство, это раз. А мне еще года два ходить как придурку с детской карточкой! Потом, ты летал на корабле расчетным модулем! Это два! Ты от аллергии чуть не помер и подружился с настоящим капитаном! Это три и четыре! А сейчас ты помогаешь выследить вора. Пять!

– Выслеживать вора ты тоже помогаешь, – утешил я его.

– Это только из-за тебя, – честно признал Лион. – Здорово, что мы познакомились... правда?

– Конечно, правда!

Мы нашли по ти-ви какой-то интересный канал про разные планеты и стали смотреть его, попивая колу. Лион ожив-

ленно комментировал происходящее – пусть он тоже не бывал на этих планетах, зато жил на космостанции, куда швартовались самые разные корабли. Он всех инопланетян видел и разговаривал с ними, у него был старший приятель, который раньше служил в имперской армии, а его дядька жил на Эдеме.

– Там тоже хорошо, дядька нам видео присылал, – объяснял Лион. – Но туда уже трудно эмигрировать, у них и так рождаемость высокая. У дядьки уже шестеро детей, но ему нужно еще троих завести. Это называется заселение колонии интенсивным методом...

Я его уже не слушал. Я смотрел мимо экрана, на коттедж Стася.

К нему подошел молодой парень, секунду повозился с дверью и вошел внутрь!

– Есть... – прошептал я. – Лион, видел?

– Что? – Он аж подскочил.

– Какой-то парень в коттедж зашел! Легко так к двери подошел, будто у него есть ключ, и зашел внутрь!

– Я же вроде смотрел... – Лион раскис. – Ну я ведь смотрел! Я всегда так, если заболтаюсь, то самых интересных вещей не замечаю!

А я вдруг вспомнил, что видел этого парня. Он заселялся сразу за мной.

– Давай останемся здесь, – сказал я. – Вряд ли он долго там будет...

Но парень оставался в коттедже очень долго. Прошло полчаса, час. Лион начал поглядывать на меня, а потом спросил:

– Тебе не показалось?

Я замотал головой. Лион вздохнул и лег на спину. Конечно, ему уже надоело валяться на крыше, тем более что бандита он даже не увидел.

– Буду спать и загорать живот, – решил он. – Если будет что интересное, ты скажи.

В этот момент дверь коттеджа открылась, незванный гость вышел и быстро двинулся к густому кустарнику, высаженному вдоль главной аллеи.

– Вот он вышел, – гордо сказал я.

Лион торопливо перевернулся, завертел головой:

– Где?

– Ну вон, в кусты ныряет! – Я показал ему рукой.

– Да где, не вижу!

– Да вон же! – завопил я. – Ты что, слепой?

Бандит уже скрылся за ветками, ловко продравшись между кустами.

– По-моему, тебе голову напекло, – сказал Лион. – Точно напекло.

– Ты что, не увидел?

– Не-а. Никого.

Мы уставились друг на друга. Лион с подозрением и насмешкой, а я... я тоже с подозрением, наверное.

– Честное слово, он вышел из коттеджа! – сказал я. – Ты

просто поздно повернулся, когда он уже в кусты нырнул.

– Да видел я эти кусты, никого там не было.

– Ты мне не веришь? – спросил я.

Лион помедлил. Неохотно сказал:

– Верю. Только у меня нормальное зрение. Я бы тоже увидел. Может, это был джедай?

– Кто?

– Ну, космический рыцарь, джедай. Не видел кино?

– А... – вспомнил я. – Это которые дрались мечами и умели отводить глаза? Но это же сказка.

Лион замахал руками:

– Брось, никакая не сказка! Есть такие придурки, они на Авалоне живут. Называют себя космическими рыцарями. Летают по всей Империи и борются за справедливость.

– А почему тогда они придурки?

– Ну потому, что никому они не нужны. Это у них вроде секты, понимаешь? На самом деле есть Имперский Флот, и полиция, и санитарная служба, и еще много всего, они и следят за порядком. А эти думают, что обязательно должны быть такие рыцари, которые не по службе, а за идею работают.

– И что, это джедай?

– Ну, это их так насмешливо называют, – признался Лион. – Вроде как можно назвать человека «хомо», и это будет обидно. Или халфлинга – «хоббитом». Или Цзыгу – «пчелкой». Или того, кто на станции живет, «космиком».

– Да понял я уже! И что, они умеют отводить глаза и дерутся мечами?

– Глаза вроде умеют... а про мечи не знаю, – честно ответил Лион.

– А почему тогда я его увидел?

– Ну, кому-то он сумел взгляд отвести, а кому-то нет. Может, потому, что ты мутант и радиацию хорошо переносишь.

– При чем тут радиация?

– А я знаю?

Я понял, что если уж Лион что-то придумал, то переубедить его невозможно. И что если мы продолжим спорить, то обязательно подеремся.

– Может, и так, – сказал я. – Или все-таки ты его не разглядел. Ты же лежал и смотрел вверх, а солнце тебе светило в глаза, пусть и через веки. Поэтому взгляд не сразу восстановился.

Лион подумал и согласился, что это могло быть. Но версию с джедаем тоже нельзя отменить. Только тогда выходит, что мой приятель капитан Стась – сам бандит. Потому что хоть джедаи и придурки, но честным людям они вреда не причиняют.

Чтобы не разругаться, мы оделись, слезли с крыши и пошли пить кофе со сливками. На ходу я чесал затылок. Не из-за аллергии, просто его напекло на солнце.

Глава 5

Капитан Стась слушал меня очень внимательно. И когда я признался, что караулил не один, а вместе со своим новым другом, совсем не рассердился. Но вот услышав, что Лион вора так и не заметил, нахмурился и погружился в раздумья.

– Может быть, он джедай? – осторожно спросил я. – Этот парень...

– Какой еще джедай? – пробормотал Стась, погруженный в свои мысли.

– Ну, есть такая секта на Авалоне...

Капитан Стась поморщился.

– Тиккирей, во-первых, называть их джедаями не стоит. Джедаи – сказочные персонажи из мифологии периода раннего освоения космоса. Некоторые термины того времени прижились, например – Чужие. Но к джедаям из сказок Рыцари Авалона, фаги, не имеют никакого отношения... Тиккирей, ты уверен, что узнал этого парня? Именно тот, что заселялся сразу после тебя?

– Да, он. У него лицо такое характерное. Узкое, клином, и еще длинные волосы. А что во-вторых?

– Во-вторых... – Привстав с кресла, Стась набрал несколько команд на терминале. – Во-вторых, мой юный друг, фаги не умеют «отводить глаза». Это стандартное заблуждение. Подготовка фага включает в себя овладение техникой мас-

кировки, гипноза, вербального и невербального воздействия на психику, но все это очень далеко от невидимости. Тем более на большом расстоянии. Тем более что некоторая вероятность не заметить фага была бы у тебя, постоянно на него смотрящего, а не у Лиона, который посмотрел быстро и мельком. Это сложно объяснять, но уж поверь.

– А в третьих что-то есть? – спросил я.

– Есть. Этот человек – не из Рыцарей Авалона. И если ты решил, что это я – преступник, то ошибаешься.

Пристыженный, я замолчал.

– Тебе известно, Тиккирей, почему в Средние века Земли, в докосмическую эру, рыцарство исчезло как явление? – поглядывая на терминал, спросил Стась. Он, кажется, умел делать одновременно множество дел. Например – работать с компьютером, причем не через шунт, а руками, и вести урок...

– Ну... я не очень помню, – признался я.

– Если кратко... отдельный человек перестал быть серьезной боевой силой. Мастерство, подготовка – все пасовало перед примитивным огнестрельным оружием или даже хорошим арбалетным болтом. Ну чего стоил рыцарь, друг мой Тиккирей, если тупой и грязный наемник мог убить его из засады, даже не дав приблизиться? Рыцарство возможно лишь в той ситуации, когда подготовленный человек-одиночка и впрямь является мощной боевой силой.

– А как же тогда...

– История идет по спирали, Тиккирей. Сейчас развитие науки и биотехнологий привело к тому, что один-единственный человек снова становится значимым фактором. Не нужны многочисленные экипажи и дорогостоящие космические корабли – маленький дешевый корабль с одним пилотом на борту способен уничтожить планету. Развитый в нужном направлении, прошедший определенные положительные мутации и соответственно тренированный человек способен противостоять тысячам противников. Понимаешь?

– Понимаю.

Стась улыбнулся.

– Так вот, именно поэтому после колонизации Авалона там организовалась группа людей, назвавших себя Рыцарями Авалона, или фагами. Предвидя данную ситуацию, они решили возродить рыцарство как полезное социальное явление. Ими была создана достаточно сложная структура, препятствующая корыстным, антисоциальным поступкам отдельных фагов. Было заключено некое соглашение с правящим императорским домом... после чего Рыцари Авалона вот уже более двухсот лет пытаются служить Империи.

– Но есть же Флот, полиция... – вспомнив слова Лиона, сказал я.

– Есть. Конечно же. Но суть именно в том, что Рыцари Авалона не связаны ни официальным положением, ни бюрократией, ни служебными инструкциями. Ничем, кроме общих этических правил... выработка которых и позволи-

ла возродиться рыцарству. Таким образом они имеют куда большую свободу маневра и порой предотвращают серьезные кризисы в развитии человечества. Есть еще вопросы?

Я молчал. Я хотел задать вопрос, но не знал, стоит ли это делать. Стась серьезно смотрел на меня, потом протянул руку и похлопал по плечу:

– Давай. Спрашивай.

– Почему вы не любите, когда вас зовут джедаями? – спросил я и посмотрел Стасю в глаза.

– Потому что мы не джедаи, – просто ответил Стась. – Мы не размахиваем светящимися мечами, не уворачиваемся от лазерных лучей и не можем становиться невидимыми.

– Я никому не скажу, кто вы, – сказал я.

– Это не имеет значения, Тиккирей. Я и так раскрыт, к сожалению. Уже двое суток. И даже если я ошибаюсь и ты – агент противника, то я ничего нового не выдал.

– А кто ваш противник? – тихо спросил я.

– Вот этого я объяснять не стану. Оно тебе не нужно.

Стась поднялся, достал из кармана пачку денег:

– Возьми. Полагаю, тебе этого хватит, чтобы дожидаться получения гражданства.

Я ничего не понимал. Смотрел на деньги – их было много. И впрямь можно было спокойно дожидаться решения...

– Неужели я так сильно вам помог? – воскликнул я.

– Тиккирей... – Стась вздохнул. – Знаешь, в чем главная беда нашей цивилизации?

– В чем? – пробормотал я, все еще не решаясь взять деньги. Стась затолкал пачку мне в карман и продолжил:

– Мы – мужская цивилизация. Так сложилось из-за того, что женщины не выдерживают гиперпереход. Глупость, случайность, шутка природы, но наша цивилизация развивается исключительно по мужскому типу. Мы все – очень логичны, серьезны, в меру агрессивны и авантюристичны. Добры и справедливы... в рамках своей логичности. И в этом беда, Тиккирей. Именно поэтому возможен твой несчастный Карьер, где у людей есть гарантированное законом право на смерть. Именно поэтому подвозивший тебя таксист, зная, что у подростка, ребенка в общем-то, почти нет денег и абсолютно нет шансов их заработать, великодушно не взял чаевые, но даже не подумал отказаться от платы совсем. Именно поэтому, глупый маленький Тиккирей, родители твоего друга Лиона прокатят тебя на машине, пригласят на барбекю, но даже не подумают оформить над тобой временную опеку и помочь продержаться полгода. Мы логичны, Тиккирей.

– Но это же правильно! – воскликнул я. – Капитан Стась... но ведь у нас на Карьере и впрямь очень трудно жить! А таксист работает! А у родителей Лиона свои проблемы и трое своих детей! Ну с какой стати им что-то делать для меня?

Стась кивнул. И очень невесело улыбнулся.

– Правильно, Тиккирей. Вот про это я и говорю. Великие бунты феминисток, эпоха темного матриархата – все это кончилось с началом межзвездных полетов. И это правиль-

но, в крайностях нет ничего хорошего. Но мы ушли от одной крайности к другой. От цивилизации стабильно-эмоциональной к цивилизации экспансивно-логичной. «Карго, знай свое место!» И поэтому... поэтому, Тиккирей, давай решим, что ты мне и впрямь чрезвычайно помог. Деньги тобой честно заработаны.

Я попытался что-то сказать – но он мягко подтолкнул меня к двери. Сказал:

– Удачи тебе, Тиккирей. Завтра я улетаю с планеты. Что-то у меня не заладилось, вот беда...

– Может быть, я вам помогу еще чем-то... – пробормотал я. Все было неправильно! Все было не так! Ну зачем он мне дал столько денег! И зачем улетаешь?

– Нет, Тиккирей. Спасибо, ничего не нужно. Вот только... – Стась нахмурился. – Знаешь, я бы и впрямь посоветовал тебе поискать другую планету. Не знаю почему. Спиши это на интуицию... джедая... – Он улыбнулся. – Удачи.

Я вышел, и Стась закрыл за мной дверь.

Вот так...

Минуту я стоял у порога, глядя на звезды и пытаюсь понять – ну почему все в жизни получается неправильно? Если верить Стасю, так весь наш мир неправилен, и только из-за того, что женщины не выносят гиперпереход. Подумаешь, важность... есть же анабиоз... Может, они и впрямь придурки, все эти Рыцари Авалона?

Пачка незаработанных денег жгла мне карман. Вытащить

оттуда одну бумажку, а остальное оставить под дверью...

Но я не мог так поступить. Потому что в одном Стась был прав – больше никто не поможет мне так. Вот как космонавты с «Клязьмы», как водитель такси, как бармен из космопорта на Карьере – так помогут. А чтобы ни с того ни с сего, совершенно неразумно подарить кучу денег – нет уж...

В горле у меня стоял какой-то колючий ком. Я шмыгнул носом, застегнул карман и шагнул на дорожку.

И тут же увидел человека, стоящего в полутьме. Того самого парня, что заселялся вслед за мной и сегодня днем заходил в коттедж Стася. Которого не видел Лион...

Кажется, вор был уверен, что и я его не увижу. Во всяком случае, когда я остолбенел, глядя на него, на лице его появилось удивление. Секундное.

Этой секунды мне хватило, чтобы закричать, – потому что в руке бандита тускло блеснул металл и я понял, что сейчас меня убьют.

И этого крика мне хватило, чтобы спастись, – потому что ночь превратилась в день, а над моим плечом сверкнул ослепительный белый шнур.

Человек, который собирался выстрелить в меня, тоже закричал. Пылающий белый жгут пережег его руку, кисть вместе с пистолетом упала в мокрую траву. А огненный шнур все плясал, будто заключая его в клетку, не давая сделать ни шага.

Ноги у меня подкосились, и я сел на теплый камень до-

рожки. От двери коттеджа шел Стась – шнур начинался откуда-то от его руки и будто живой все вился и вился вокруг бандита.

– А еще говорили, что огненными мечами не машете... – довольно громко сказал я. И на меня навалилась темнота.

Бандит стоял в углу комнаты, приклеенный к стене. Абсолютно голый – одежда и горка замысловато выглядящей аппаратуры лежала в углу. Я никогда не думал, что бывает клей, который так быстро застывает и так крепко держит – несколько раз бандит терял сознание, обвисал, но приклеенные к стене волосы и спина удерживали его на весу.

Стась похлопал меня по щеке и спросил:

– Отошел?

– Извините, – сказал я. – Не знаю, почему я так. Я никогда сознания не терял.

– Это я тебя отключил. – Стась развел руками. – Безопаснее тебе было полежать на земле.

– Я не заметил, – недоверчиво сказал я.

– А ты и не должен был заметить.

Бандит в очередной раз обмяк, повис, скривился от боли и выпрямился. Он молчал, хотя ему наверняка было больно – ведь правая рука превратилась в культю. Кровь не шла: наверное, огнем сожгло все сосуды. Обрывки красивой цветастой рубашки на рукаве оплавилась, охватывая культю черным валиком, прикипев к телу. Я отвернулся.

– Иди к себе, Тиккирей, – мягко сказал Стась. – Теперь-то ты точно отработал свои деньги.

– Это он забирался к вам днем, – прошептал я.

– Я понял. Иди, мальчик.

Поднявшись, я все-таки спросил:

– Что вы с ним сделаете?

– Поговорю, – ответил Стась.

– Надо сообщить в полицию... и вызвать врача.

– Конечно. Я это тоже сделаю. Иди.

Я посмотрел ему в глаза и сказал:

– Стась, вы меня обманываете.

Капитан вздохнул. Потер щеку.

– Тиккирей, я очень устал, у меня совсем нет времени, и я по-прежнему не понимаю, что происходит. Этот человек – профессиональный шпион. Не убийца, иначе ты был бы мертв, но убивать ему приходилось. Тиккирей, позволь мне делать мое дело. Угу?

Я отвернулся. Он был прав. Пусть эти рыцари-фаги и странные, но ведь Империя не объявляет их вне закона. Наверняка у капитана Стася побольше полномочий, чем у любого полицейского на этой планете.

– Тебе повезло, фаг... – внезапно сказал бандит. – Тебе просто случайно повезло.

Голос у него был почти нормальный, как у здорового и уверенного в себе человека. Я уже шел к двери, но тут не выдержал и остановился. Стась бросил на меня короткий

взгляд, но ничего не сказал.

– Моя работа состоит именно в том, чтобы использовать удачу, – сказал Стась. – Твоя, похоже, наоборот. Ты будешь говорить?

– Может быть, еще и станцевать? – Бандит осклабился.

– Не стоит, у тебя плохое чувство такта. – Стась подвинул стул и уселся напротив пленника. – Мальчишку-то зачем хотел убить? Он случайно здесь оказался и тебе не противник.

– Он не имеет никакого значения, – равнодушно ответил бандит. – Ты – враг, а он – никто.

– Знакомая логика, – кивнул Стась. – Но обычно вы считали «никем» стариков, а детей, напротив, сохраняли живыми.

– Бывают исключения, – сказал бандит. – Может быть, и впрямь вызовешь врача, джедай?

– Зачем тебе врач? – удивился Стась. – Кровотечения нет, эндорфинами ты и сам накачался.

Бандит снова ухмыльнулся.

– Я не собираюсь тебя убивать, – сказал Стась. – Ты пешка. Пусть и стоящая в нужном месте. Но кое-что я хотел бы выяснить. Тиккирей!

– Да, капитан, – быстро ответил я.

– Ты прав, что не уходишь. Подожди немного.

Он встал, подошел к бандиту вплотную. Положил руку ему на лоб. Может быть, мне показалось, но в глазах бандита вдруг мелькнул страх.

– Ты ведь заблокирован, – сказал Стась. – Так?

Бандит молчал. Только ерзал, будто пытался отлепиться.

– Но если я задам тебе особые вопросы, тебе очень захочется ответить... – ласково продолжал Стась. – Очень-очень... и ты начнешь говорить и умрешь... Верно?

– Да. – Бандит облизнул губы.

– Повторяю – у тебя есть шанс остаться в живых. Я могу задать тебе несколько других вопросов... ответы на которые не приведут к твоей смерти. Так что выбирай. Сделка выгодна мне – я получу хотя бы часть информации. И тебе – ты сохранишь жизнь. Если ты агент высокого класса, а мне сдается, что это так, то инстинкт самосохранения тебе не стирали. Решай.

– Какие вопросы? – спросил бандит.

– Твой ранг?

– Лейтенант внешней безопасности Инея.

– Имя?

– Карл.

Стась кивнул:

– Ты не мог бы дать совет этому мальчику, лейтенант Карл? Он собирается принять гражданство Нового Кувейта. Стоит ему это делать?

– Этот вопрос на грани блока! – быстро ответил Карл.

– Но ведь не за гранью? Представь, что этот ребенок твой сын или чем-то тебе очень сильно помог. Что ты ему посоветуешь?

– Брать билет и улетать на Авалон, – резко ответил Карл. – Все, джедай?

– Сейчас ему следует отправиться спать или лучше вызвать машину и поехать в космопорт?

– Вот этого я не знаю. – Карл подался вперед. – К счастью, не знаю, иначе ты убил бы меня! Фаг, нечестная игра!

– Хорошо-хорошо, заканчиваем! – успокаивающе сказал Стась. Его голос вдруг изменился, завибрировал, будто пропущенный сквозь трюковую компьютерную программу. – Кстати, почему этот мальчик – никто для Инея?

– У него... – так же быстро ответил Карл. И замолчал – глаза его остекленели, челюсть обвисла, и сам он мертво повис на стене.

– Обидно, – сказал Стась, глядя на безжизненного лейтенанта с планеты Иней. – Как обидно.

– Вы знали, что он умрет от этого вопроса! – крикнул я. – Капитан Стась, вы его убили!

– Да. – Стась кивнул. – Я надеялся, что он успеет ответить, его организм сейчас накачан гормонами... но слишком хороший блок.

– Вы его убили, – повторил я.

– Да, Тиккирей. – Стась посмотрел на меня. – На его совести – десятки жизней, поверь. И еще кое-что похуже простых убийств.

Я отвернулся. Мертвый голый мужчина с обгорелой культей вместо руки висел на стене, словно какая-то букашка в

коллекции. Пусть Стась был прав и он бандит, но нельзя же убивать бандита без суда! Какой же он после этого рыцарь!

– Тиккирей... – Неправильный рыцарь подошел, обнял меня за плечи. Он понял, о чем я думаю. – Ты еще убедишь-ся, что я был прав. Наверное. А сейчас я вызову тебе такси, ты соберешь свои вещи и улетишь.

– Куда? – прошептал я.

– Сейчас попытаюсь придумать. Тебе нужна молодая, добрая, гостеприимная планета. Такая, где есть леса, горы, моря. Где можно работать, учиться и не забивать голову такими проблемами, что вовсе не нужны для счастья.

– Ну почему я должен улетать! – выкрикнул я. – Мне тут нравится, у меня тут друзья!

– Ты слышал, что тебе посоветовал Карл?

– Да...

– Поэтому и улетай. Новый Кувейт вот-вот будет захвачен Инеем.

Я даже фыркнул.

– Это ведь богатая планета, тут Имперский Флот на орбите! Никакая колония не станет бунтовать против Императора!

– Да, но за последние полгода четыре планеты присоединились к Федерации Инея. Большие, богатые, процветающие колонии... Ты будешь слушаться моих советов, Тиккирей?

Как же мне было паршиво...

– Да, капитан Стась.

– Иди и собирай свои вещи. Быстренько, ладно? Я вызову машину и посмотрю расписание рейсов.

Мне и собирать-то было почти нечего. Фотография, которую я успел поставить на стол, – я с родителями, два года назад, в городской оранжерее, перед клумбой с розами. Полотенце, которое я повесил в ванной – чтобы немножко напоминало дом. Планшетка, которую я подключил к терминалу. И мои старые, глупые, детские часы в виде робота.

Но я почему-то еще несколько минут шатался по комнате, заглядывал в шкафы и на полки. Я даже не сразу понял, что тихонько хнычу при этом, не плачу, а именно хнычу – без слез. Ведь я уже привык к своему коттеджу...

А как же Лион?

Я закрыл чемодан, захлопнул дверь и быстро пошел к коттеджу, где жила семья Лиона. Было тихо, даже из ресторана, хоть там и горел свет, не доносилось ни звука. Все уже угомонились и давным-давно спали. Но я должен был попрощаться с Лионом... и предупредить его. То есть не самого Лиона, а его родителей.

На звонок никто не отвечал. Вначале я звонил в дверь вежливо, коротко – чтобы сразу дать понять, что час поздний и я это знаю. Потом прижал палец к сенсору, слыша, как внутри заливается трелями сигнал.

Никто не открывал. Неужели они куда-то уехали?

И Лион не захотел меня предупредить?

Оставив чемоданчик у двери, я обошел коттедж. Вот это окно комнаты, в которой живет Лион с братом и сестрой. Оно даже было приоткрыто.

Подпрыгнув, я уцепился за подоконник, подтянулся, тихонько вполз в комнату. Ох, проснется сейчас мелкий братишка Лиона и подымет рев...

В комнате был полумрак – на стене светился ночник, сделанный в виде морды динозавра. Вот уж придумали, я бы при таком ночнике не уснул от страха.

И Лион, и его брат, и сестренка спали. Я подсел на кровать к Лиону, потряс за плечо, шепотом сказал:

– Это я, Тиккирей. Просыпайся!

Горазд же он спать!

– Лион!

Его голова уже моталась по подушке от моих толчков. Из полуоткрытого рта свесилась ниточка слюны. Лион не просыпался.

В безумной панике я бросился к кроватке его брата. Сдернул одеяльце, приподнял, потряс. Любой малыш бы от такого проснулся!

А вот брат Лиона болтался у меня в руках, словно ватная кукла. Пижамные штанишки у него были мокрые, лоб блестел от испарины.

– Мистер Эдгар! Миссис Аннабель! – закричал я, опуская ребенка в кроватку, зачем-то укрывая одеялом. – Идите сюда!

Что сейчас начнется...

Только ничего не начиналось. Тишина.

Я заметался по комнате, включил свет, выглянул в гостиную, зажег свет и там, а потом, не выдержав, метнулся в спальню взрослых. Распахнул дверь, хотя и понимал, как невоспитанно поступаю.

Родители Лиона лежали на широкой двуспальной кровати. Глаза их были полуоткрыты и поблескивали белками.

С ними со всеми что-то случилось!

– Я сейчас, я быстро... – прошептал я, отступая. – Честное слово, вам помогут...

Может быть, они чем-то отравились?

Но я уже понимал, что такие простые объяснения перестали работать. Это как уверенность Лиона в том, что мне примерещился бандит, агент планеты Иней... Похоже на правду, но ею не является.

Разблокировав дверь, выскочив из коттеджа, я кинулся к капитану Стасю. Кинулся в полной уверенности, что и неправильный рыцарь с Авалона лежит на полу, пуская слюни и тупо глядя в никуда.

Капитан Стась жег свои вещи. Из его протянутой руки бил пылающий шнур, плясал по комнате, словно огненная змея, обвивая компьютерные блоки, сумки, чемоданчики. Пламя даже не успевало вспыхнуть – все мгновенно рассыпалось в пепел. Пожарную сигнализацию он отключил, потому что

сирена молчала.

– Капитан Стась! – закричал я. Рыцарь повернулся, огонь погас. Я успел заметить, что в рукав его куртки скользнуло что-то гибкое, покрытое серебристой чешуей. Но мне было не до того. – Там, там что-то случилось! Лион спит, и его семья вся спит, и они не просыпаются...

– Я знаю. – Стась подхватил с пола единственную сумку, которую не стал жечь. – Служба такси не отвечает. Началось вторжение Инея, Тиккирей.

– Стась...

– Идем, Тиккирей. Попробуем пробиться в космопорт.

Я замотал головой. Мертвый шпион с Инея все так же висел на стене, но он меня больше не пугал.

– Капитан Стась, там же Лион и его родители! Помогите им!

– Тиккирей! – резко сказал Стась. – Я помогу выбраться тебе, раз уж ты так глубоко завяз во всем этом. Но я не собираюсь никого спасать. Ни детей, ни женщин, ни стариков. На этой планете семьсот миллионов человек, и все они нуждаются в помощи. Помочь надо всем, а не только твоему другу.

– Но, капитан...

– И никаких споров! Ты идешь со мной?

Я отступил к двери. Мне было страшно, очень страшно. И капитан Стась, фаг с Авалона, был моей единственной защитой на чудесной планете Новый Кувейт, в один миг погружившейся в кошмарный сон.

– Вы так хорошо говорили, капитан Стась... – прошептал я. – Про то, что мы все логичны... и что это плохо. Я вам поверил, наверное.

Капитан Стась молчал.

– Извините, – сказал я.

– Где живет твой друг? – спросил Стась.

– Это рядом, это близко! – закричал я. – Пойдемте, это одна минута!

На самом деле идти было минут пять. Но мне показалось, что мы шли четверть часа. Стась широко шагал, а я бежал рядом, едва успевая. Стась все время держал правую руку чуть наотлет от тела, и я понял, что в любой момент может вспыхнуть огненный шнур.

– А это все-таки меч... – часто дыша, сказал я.

– Сколько тебе говорить, это не меч, – резко ответил Стась. – Плазменный бич гораздо универсальнее.

Дверь в коттедж так и оставалась открытой. Стась быстро заглянул в спальню родителей Лиона, пощупал им пульс, провел ладонью над лицами, нахмурился. Ничего не говоря, прошел в детскую спальню.

– Это твой друг?

– Да!

– Мы еще не наблюдали за людьми в фазе перерождения, – сказал Стась. – Я бы предпочел взять младшего мальчика, его легче нести. Но если ты хочешь, мы возьмем твоего друга. И... и попробуем ему помочь. Но никаких гарантий нет,

сам понимаешь.

Я понимал, что задавать вопросы о родителях Лиона бесполезно. И о его тихой, молчаливой сестренке, и о его непоседливом братишке – тоже. Но все-таки спросил:

– А если еще...

– На этой планете, – устало повторил Стась, – миллионы детей, попавших в ту же беду. Можно помочь всем или не помочь никому. Я и так согласился взять твоего друга, Тиккирей.

– Я сам его понесу, – отважно сказал я.

– Угу, – буркнул Стась, сбрасывая сумку. – Утащишь?

Я поднял – тяжелая. Но легче, чем Лион, ясное дело.

– Да, конечно.

В несколько движений Стась спеленал Лиона одеялом, закинул на плечо. И молча вышел.

– Извините, – сказал я маленькому мальчику и маленькой девочке, которые спали в своих кроватках странным, нечеловеческим сном. – Простите нас, пожалуйста.

Мой чемоданчик стоял у порога, его я тоже подхватил. И, весь согнувшись от тяжести, побежал за Стасем.

* * *

Мы прошли мимо нескольких машин, прежде чем Стась что-то довольно пробурчал и подошел к скромному джипу. Открыл дверь – замок даже не пискнул, секунду повозился

с контрольной панелью – и та тоже разблокировалась. Лиона он положил на заднее сиденье, кивнул мне:

– Садись.

Я сел рядом с Лионом и положил его голову себе на колени, чтобы не так болтало. Он по-прежнему был в своем тяжелом сне.

– Что с ним, капитан Стась?

Машина резко рванула, выезжая на дорогу, идущую через весь мотель.

– Он в перерождении, Тиккирей, – неохотно ответил Стась. – По нашим данным, подобный сон, длившийся пять-шесть часов, охватывал все... почти все население атакованных Инеем планет. После этого они добровольно присоединялись к Инею.

– Ему можно помочь?

– Не знаю.

Машина вырвалась на дорогу, но, к моему удивлению, Стась поехал не к космопорту, а к городу.

– Зачем мы туда едем? – испуганно спросил я. Мне хотелось куда угодно, хоть обратно на Карьер, но подальше от Нового Кувейта.

– Хочу глянуть на дворец султана. Вчера, по моему совету, в нем был включен защитный силовой купол. Может быть, правительство уцелело... тогда есть шанс вызвать на помощь Флот.

– Вы знаете самого султана? – поразился я, несмотря ни

на что.

– Да.

– Капитан Стась... значит, вы могли просто попросить, чтобы мне дали здесь гражданство. Да?

– Я не занимаюсь улаживанием мелких проблем маленьких мальчиков, – устало сказал Стась. – Если ты думаешь, что, разговаривая с султаном, я помнил о твоём существовании, то ты себе льстишь.

Я замолчал, обхватив Лиона и придерживая его покрепче. Дорога была шикарная, и машину Стась водил здорово, но с такой скоростью, что нас все равно бросало из стороны в сторону.

– Есть такая старая книжка, «Дон-Кихот», – неожиданно сказал Стась. – Так вот, ее герой считал необходимым исправлять все несправедливости, встретившиеся ему на пути. Например, злобный хозяин бьет маленького мальчика, находящегося у него в услужении. Значит, надо наказать хозяина. И уехать дальше. О том, что будет, когда хозяин снова окажется наедине с ребенком, наивный рыцарь не подумал. Аналогия ясна?

– Разве султан такой злобный?

– Нет, но от пристального внимания его спецслужб, удивленных моим поступком, ты бы скоро на стену стал лезть. И второе... я не занимаюсь...

– Улаживанием мелких проблем, – закончил я. – Спасибо, капитан Стась.

Мы въехали в город. Потянулись кварталы небольших, этажей в десять-двенадцать, домов, наверное, жилой район. Вроде бы все здесь было в полном порядке – горели фонари, огни реклам, светились почти все окна. Я радостно завопил: – Смотрите, Стась, здесь все в порядке!

Действительно, почти в каждом окне были видны люди. Празднично одетые, танцующие или сидящие за столами, беседующие у каминов. Наряжающие новогодние деревья или собирающие модели ракет ко Дню звездоплавания...

Я замотал головой, ничего не понимая.

– Ты рос на очень отсталой планете, Тиккирей, – мягко сказал Стась. – Это проекционные окна, они лет десять как вошли в моду... на Новом Кувейте ими оборудован почти каждый дом. Понимаешь, ты записываешь на свое окно какой-то хороший славный праздник... свадьбу, Новый год, день рождения... А потом по вечерам твое окно транслирует наружу это изображение. Каждый старается показать окружающим, как здорово умеет веселиться, как у него хорошо и уютно. Не хватает своей фантазии или умения создавать уют – значит, заказывают изображение у дизайнеров.

– Угу, – сказал я. – Я читал. Я уже понял. Нигде нет людей на улицах и машин нет. Совсем. Не могут же все спать, верно?

В каком-то окне как раз была свадьба. Молоденькая невеста, лет семнадцати, наверное, целовалась с таким же юным пареньком. Вот странно... ведь на самом деле они уже со-

всем взрослые люди, у них могут быть дети старше меня... а их свадьба продолжается. Свадьба идет... а они лежат в кроватях, пуская слюну...

– Тебе нравится эта мода? – спросил Стась.

– Нет, – прошептал я.

– Мне тоже – нет. Я даже обычное видео не люблю, Тиккирей. Даже обычные фотографии. Память – это то, что внутри тебя.

Машина выехала на широкий проспект, а еще минут через пять мы подъехали к дворцу султана. Очень красивому, очень большому, может, только у Императора на Земле дворец больше.

Стась тихо застонал. Длинно и грязно выругался на незнакомом языке – я ни слова не понял, но что он именно ругается, сомнений не было.

– Над всеми этими башенками и куполами, Тиккирей, – сказал Стась, – сейчас должно было мерцать силовое поле. Тоже красиво, по-своему. И абсолютная защита. Я недооценил разведку Инея.

Машина развернулась на середине пустого проспекта и ринулась назад.

– А если и в порту все спят? – тихо спросил я.

– Ну и что?

– Разве можно взлетать без разрешения портовой службы?

Стась невесело засмеялся. Потом сказал:

– Значение слов «можно» и «нельзя» в критической ситуации меняется на противоположное.

– Капитан Стась, а почему с нами ничего не случилось? – рискнул я задать вопрос, который мучил меня уже с полчаса.

– Не знаю, Тиккирей. У меня есть некоторые особые способности. Но ты самый обычный мальчик. И при этом агент Инея не смог стать для тебя невидимым, и то оружие, которым они захватывают планеты, тоже на тебя не подействовало.

Меня словно ледяной водой окатили.

Я крепко сжал руку Лиона – вялую, безжизненную.

А я-то подумал... почти подумал, что капитан Стась тоже мой друг.

На самом деле он всего-то выполняет задание. Не смог помешать агентам Инея – зато получил двух пацанов. Один – «в фазе перерождения». А на другого не подействовало загадочное оружие врага.

– Как там твой приятель? – спросил Стась.

– Ничего, – ответил я. – Спит.

– Я сейчас прибавлю скорости, – сообщил Стась, словно мы и так не гнали под двести километров. – Так что держи его покрепче, хорошо?

Я даже не ответил. Но обнял Лиона покрепче. Дома мелькали, уносясь вдаль, в светящихся окнах танцевали, ели, разговаривали люди, которые скоро станут беспомощными марионетками.

Они, наверное, и не поймут, что случилось.

Глава 6

Космопорт был таким же пустынным, как и город. Вот только здесь мы все время наталкивались на спящих людей: в такси у стоянки, у входов и выходов, в будочках охраны, сделанных из темного матового стекла.

– Они погрузились в сон не сразу, – сказал Стась, оглядываясь. – Видишь, нигде нет столкнувшихся или разбившихся машин, никто не поранился при падении. словно всем захотелось уснуть... и они торопливо прилегли где придется.

Он был прав. Я даже заметил несколько человек, которые лежали на тротуарах, подложив под голову дипломаты, сумки, портфели. А один пожилой мужчина даже расстелил на траве свой плащ, а из раскрытого чемодана достал ночной колпак – да только не успел его надеть. Над этим можно было бы похихикать, если бы это была комедия по ти-ви.

Торопясь за Стасем, я все-таки оглядывался, стараясь запомнить как можно больше. Сам не знаю уж зачем. И поэтому нормального человека увидел одновременно с рыцарем.

Это был старик в инвалидной коляске. Он медленно ехал от одного из корпусов порта, поглядывая по сторонам. И, увидев нас, немедленно завопил, неожиданно пронзительно: – Стойте! Стойте!

Мы остановились. Я обратил внимание, что Стась очень

спокоен, словно не ждет никакого подвоха.

Коляска набрала скорость, подъехала к нам. Старик сразу же подозрительно уставился на Стася и спросил:

– Куда вы тащите этого беспомощного ребенка?

– Догадайтесь с трех раз, куда сейчас можно кого-то тащить? – вопросом ответил Стась. – В приют для умалишенных детей? На рабовладельческий рынок? Или все-таки куда угодно, но подальше отсюда?

Старик кивнул. Был он очень старый, но не дряхлый. И одет в какой-то роскошный костюм с запонками из драгоценных камней, переливчатый галстук, ботинки из светящейся в темноте кожи авалонской ящерицы. И коляска у него стояла, наверное, побольше любой автомашины. Только шунт у него был древний, как он сам, сантиметров пять диаметром, под несколько типов разъемов, которые уже давно не использовались. Я даже на Карьере такие шунты редко видел.

– Меня зовут Юрий, – сказал старик. – Юрий Семенский-младший, всецело к вашим услугам.

– Стась, – ответил фаг. – Это Тиккирей, а спящего мальчика зовут Лион. Вам нужна помощь?

Старик замотал головой:

– Нет, благодарю вас. В порту нас около двухсот человек, тех, кто не уснул. Мы все собираемся в лайнере «Астрахань», он наиболее вместителен. Поскольку я мало способен к переноске тяжестей, то объезжаю территорию порта в поисках нормальных людей. А остальные грузят в корабль спящих.

Сколько успеем за оставшееся время... через полтора-два часа будем стартовать.

– Ого. – Стась явно был удивлен. – Это хорошо. Удачи вам.

– Вы не собираетесь к нам присоединиться? – удивился старик.

– Нет, спасибо. У меня свой корабль. Сверхмалый, так что экипаж мне не нужен. Ребят я тоже заберу с собой.

– А не разумнее ли присоединиться к нам? – спросил Юрий. – У нас есть пилоты, навигаторы...

– Нет, – отрезал Стась. – Я предпочитаю полагаться на свои силы. И вам бы советовал стартовать быстрее, а не заниматься опасной благотворительностью.

– Не надо грязи! – воскликнул старик. – Пускай в масштабах планеты все это мышьяная возня, но мы сделаем, что сможем.

– Вы хотя бы вооружены? – осведомился Стась.

Старик усмехнулся.

– Будьте очень осторожны, – сказал Стась. – Очень осторожны...

На последнем слове его голос опять неуловимо изменился, и с лица старика сползла улыбка. Он как-то растерянно поправил кабель нейрошунта и завопил:

– Твою мать, так ты ж авалонский фаг! Что происходит? Эпидемия? Вторжение Чужих?

– Еще не знаю. Пойдем, Тиккирей!

Я побежал за Стасем, мучительно обдумывая только что пришедшую в голову идею. Безумную, но...

– Побыстрее сообщите Императору, что случилось! – закричал нам вслед старик. – Ясно? Я вашему дурацкому ордену семьдесят лет деньги жертвую! Хоть на что-то вы годны?

Мы вошли внутрь – автоматика дверей работала как обычно. Старик продолжил свой путь.

– Я его видел пару раз на Авалоне, – сообщил вдруг Стась. – Скотопромышленник, свиновод. Занесло же его сюда в недобрый час...

– Они успеют? – спросил я.

– Не знаю.

Сквозь залы, заполненные спящими людьми, мы прошли к терминалу посадочного контроля. Там спали охранники, девушки-диспетчеры, официант с подносом, полным чашками кофе. Наверное, почувствовав странную сонливость, персонал попытался разогнать ее кофейком...

– А вон и его товарищи... – пробормотал Стась. Действительно, в отдалении десятков человек, в основном пожилых, обходили спящих и некоторых, как правило, детей, клали на носилки.

– Я знаю, в чем дело, – сказал я. – Капитан Стась... я знаю, кто уснул, а кто нет!

Стась вздохнул, разблокируя двери, ведущие в пассажирский накопитель. Там тоже спали.

– Хочешь сказать, что все дело в старых нейрошунтах?

Без радионасадки?

– Д-да... – Весь мой энтузиазм пропал.

Стась обернулся. Посмотрел на мое кислое лицо, потрепал по голове.

– Не переживай. Ты сделал верное в принципе наблюдение, но... Радионасадка – средство управления механическими эффекторами. Машинами, компьютерами, инвалидными колясками... Она работает и на прием, но пропускной канал столь узок, что воздействовать на психику человека невозможно.

– Совсем? – глупо спросил я.

Стась пожал плечами:

– По нашим данным – совсем. Потребуется несколько месяцев непрерывной, подчеркиваю – непрерывной трансляции данных на шунт, чтобы повлиять на психику хотя бы едва ощутимо! А подобный информационный поток, идущий на планету, будет неизбежно обнаружен. Когда создавали нейрошунт с дистанционным подключением, вопрос о безопасности стоял на первом месте. Именно поэтому входной канал до безобразия узок. Идем, Тиккирей.

– И все-таки дело в шунте... – пробормотал я. – Ведь у всех...

– У меня шунт с радионасадкой, – сообщил Стась. – Начиная с третьей версии чипа, «Креативы» оснащены радиоблоком. И что?

Теперь мне совсем расхотелось спорить.

Наружные двери накопителя Стасю с ходу не поддались, и поэтому он просто вырезал кусок стекла своим плазменным бичом. Я в это время стоял в стороне, глядя на парнишку чуть старше себя, спящего в обнимку с дорогим музыкальным синтезатором. Интересно, зачем он достал его из чехла? Внешность у паренька была как у любого юного гения, чьи концерты транслируются на всю Империю, восторгая домохозяек. Наверное, у него на счету несколько миллионов кредиток, личный охранник, дорогой особняк, а уши, пальцы и шунт застрахованы на немыслимые деньги. Вот только он лежит весь обслюнявленный и обмочивший белые брюки, а я жив и здоров. Почему-то.

– Тиккирей!

Я бросился вслед за Стасем. Лион безвольно покачивался у него на плече. Может быть, если мы улетим с планеты, он придет в себя?

Возле выхода стоял маленький автобус. Стась выволок шофера, Лиона уложил на кресла, я сел рядом, и мы поехали по пустынному полю.

– Статистики нам не хватает, – сказал неожиданно Стась. – Понимаешь, малыш? Еще ни с одной захваченной Инеем планеты не вырывалось больше пяти-шести человек. И те... совершенно разные люди. Никакой корреляции. Да, большинство без радионасадки. Но были с новейшими чипами, не поддавшиеся воздействию.

– Вы знали, что все будет именно так? – спросил я, огля-

дываясь на сияющие огнями здания.

– Догадывались... Ну скажи мне, юный и любознательный Тиккирей, глядящий на мир незашоренными глазами: что общего у молодого компьютерного гения с новейшим шунтом и у дряхлого старика, вообще не имеющего шунта? У проповедника-квакера, преуспевающего бизнесмена, богатенького молодого бездельника и многодетной матери... у всех обычные, среднего класса шунты.

Я молчал, мне нечего было ответить. Лион мерно дышал, одеяло, в которое он был запутан, сползло. Я вдруг заметил, что он тоже обмочился.

– Капитан Стась... знаете, Лион... в общем, он...

– Знаю. Я заметил, когда его нес, – с иронией ответил Стась.

– Нет, вы не поняли! Это ведь как при работе в потоке! Понимаете? Когда меня первый раз подключали, на пробу... я тоже. И когда в бутылке лежишь, там себя не контролируешь, там даже устроено все так, специально...

Стась быстро посмотрел на меня, снова сосредоточился на управлении. Потом сказал:

– Похоже. Но откуда здесь потоковое подключение, Тиккирей?

– Не знаю. Но это поток! – твердо сказал я. – Я в нем был, я уверен!

– Знаешь, мне нравится твое упрямство, – задумчиво сказал Стась. – Хотя чего еще можно ожидать от мальчишки,

убежавшего с каторги, а потом разжалобившего бессердечных космонавтов-торговцев?

Комплимент был сомнительный, но все-таки мне стало приятно.

– Приехали, – останавливая автобус у совсем маленького, метров десять диаметром, корабля, сказал Стась.

– Я думал, у вас корабль большой, – не удержался я.

– Сверхмалые корабли позволяют пилотирование в одиночку, – сказал Стась. – Без расчетных модулей, понимаешь?

Я вздрогнул. Я как-то даже и не подумал, что если у Стася свой корабль, то там должны быть «мозги в бутылках»!

– У меня нет расчетных модулей, – мягко сказал Стась. – Расслабься... В случае необходимости можно подключить несколько человек в поток, но обычно в этом нет нужды. Чем меньше размер корабля, тем проще математический аппарат навигации в канале.

В корабле открылся люк. Мы вошли в крошечную шлюзовую, Стась немедленно закрыл люк, повертел головой – на стенах стали оживать какие-то приборы. И впрямь у него радиошунт.

– Комфорта не обещаю, но зато скроемся, – сказал Стась. – Так, что бы придумать с твоим другом...

– У вас есть приборы, чтобы проверить его мозг? – спросил я.

– На предмет работы в потоке? – спросил Стась.

Я кивнул.

– Тиккирей, наше время, вероятно, крайне ограничено... – начал Стась. Потом махнул рукой и понес Лиона в одну из дверей.

Там оказалась рубка – тоже маленькая, с тремя креслами перед пультом. Сзади, за креслами, было небольшое помещение, даже не отделенное стеной. И в нем – два полупрозрачных цилиндра темного стекла со знакомыми кроватями внутри. Меня сразу пробило дрожью.

– Извини, но это наиболее простой способ диагностики, – буркнул Стась, открывая один цилиндр и укладывая туда Лиона. Достал кабель и вставил Лиону в нейрошунт.

Я молча ждал, глядя на друга и кусая губы. Он мне еще завидовал, что я побывал в потоке, дурак!

– Иди сюда, Тиккирей, – позвал меня Стась. – Гляди...

У изголовья кровати светился маленький экран. Я ничего не понял в символах, и Стась объяснил:

– Его мозг работает. Я не рискнул бы назвать это потоком, ведь он работает изолированно, но структура очень похожа на потоковые вычисления.

– А что он считает?

Стась пожал плечами:

– Если бы знать... сейчас промерим нагрузку...

Его пальцы заскользили по сенсорам.

– Хорошо считает, – с некоторым удивлением сказал Стась. – Ого, глюкоза как упала... твой друг очень занят сейчас... Понимаешь, Тиккирей, человеческий мозг любит ра-

ботать. Любит думать. И при работе в потоке отдает все свои ресурсы на обработку данных, но беда в том, что никаких решений при этом не принимает, и те области, что отвечают за процесс целеполагания, оказываются излишними. И начинают отмирать как ненужные, перестраиваться... Дьявол!

Он замолчал, глядя на цифры.

– Что случилось? – жалобно спросил я.

– Тиккирей, это не просто поток, это водопад какой-то...

– Ему плохо?

– С ним совсем беда. – Стась взял меня за руку. – Он работает на три порядка интенсивнее, чем в потоке... ну да, ему ведь не нужно обмениваться информацией с внешним миром... Тиккирей, через несколько часов твой друг будет беспомощен, словно человек после двух-трех лет в потоке.

– Капитан Стась...

– Сорок лет, как Стась. Тиккирей, я не знаю, что делать.

– Его можно остановить? Усыпить?

– Он и так спит, Тиккирей. Чтобы прервать работу мозга, его придется убить.

– Анабиоз! – закричал я. – У вас есть камера?

– Есть. Но к анабиозу готовят около суток. Его нельзя замораживать.

Я и сам понял, что сказал глупость. Чтобы человек выжил в анабиозе, чтобы не лежал «с льдинками на глазах», надо связать всю воду в организме, соединить ее со специальными добавками. К анабиозу готовятся часов десять, не меньше.

– Так что же, он станет дебилом? – спросил я.

– Он станет таким, как это нужно Инею. – Стась выпрямился, развел руками. – Это что-то другое. Изменение сознания близкое к потоковому, но другое.

Я погладил Лиона по руке. Посмотрел на Стася. И сказал.

– Включайте его в поток. И нагружайте расчетами. Какими угодно.

– Что? – Стась нахмурился.

– Может быть, одна задача вытеснит другую?

Стась прищурился. Посмотрел на Лиона – с легким сомнением.

– А если это его убьет? Ты готов решить за своего друга?

– Готов, – сказал я, и это было самое трудное слово, которое я когда-нибудь произносил.

– Тиккирей, я ведь никогда не пользовался расчетными модулями... – Стась махнул рукой. – Сумеешь его закрепить?

– Наверное. Я сам так лежал.

Через несколько минут за Лионом закрылся прозрачный колпак. Стась уселся за пульт, небрежно подключил собственный кабель. Корабль будто вздрогнул – разом заработали все устройства, дремавшие до того момента. Глаза у Стася будто заволокло пеленой – сейчас он был кораблем, чувствовал каждый его блок, каждый кабель и процессор.

– Садись, пристегнись, подключи кабель... – медленно, с натугой произнес Стась. – Мы готовимся к старту, Тиккирей.

Я плюхнулся в кресло, немедленно начавшее подстраиваться под мое тело. Опустил страховочные ремни, тут же уплотнившиеся и спеленавшие меня. О том, как надо вести себя в настоящем пилотском кресле, я знал только из фильмов, но пока все получалось.

– Входи в сеть... – так же тяжело сказал Стась. – Я дам тебе внешний обзор, попробуй привыкнуть.

Поправив волосы, я подключил разъем. И шумно выдохнул, потому что передо мной распахнулся совсем новый мир.

Рубка корабля померкла, стерлась. Теперь я будто смотрел сразу во все стороны, поднявшись метров на десять над землей. Видел и город вдаль, и людей, медленно буксирующих к огромному пассажирскому лайнеру носилки. И другие корабли – мертвые, безжизненные.

А еще рядом было чье-то присутствие. Кто-то большой, дружелюбный и очень занятый... словно сгусток синего огня, пылающий на периферии зрения – на периферии, хотя я и мог теперь видеть во все стороны.

– Капитан Стась? – прошептал я. И понял, что говорю это не вслух.

– Да, Тиккирей. – Пламя стало чуть заметнее. – Я очень занят, просто осматривайся, хорошо?

Я осматривался. Я упивался происходящим. Это ничуть не походило на подключение к школьному компьютеру с его жалким десятком старых видеокамер. Там мир делался похожим на лоскутное одеяло. А тут – обрел цельность.

– Здорово... – прошептал я. И всполошился: – Стась, а Лион?

– Сейчас я его нагружу.

Успокоенный, я стал осматриваться дальше. Посмотрел вверх – и увидел высоко-высоко в небе зев гиперпространственного канала. Это был словно клочок абсолютной пустоты посреди вакуума.

Здорово...

– Если пассажирский корабль тоже вырвется с планеты, это будет большой удачей, – сказал Стась. – Новая статистика.

– Тогда я стану вам не нужен, – сказал я.

Стась ответил не сразу:

– Вот ты о чем...

– Ведь это правда? – спросил я. – И я, и Лион – мы вам нужны для изучения.

– Зачем бы тогда я стал подключать твоего друга в поток?

– Тоже... эксперимент.

Только здесь, в виртуальном пространстве корабля, я мог сказать Стасю эти слова. Лицом к лицу бы не рискнул. Не потому, что боялся... но не смог бы – и все.

– Тиккирей, – после паузы произнес Стась. – Наверное, с твоей точки зрения, все выглядит логично и убедительно. Но это не так. Мы считаем, что в ситуации неопределенности надо совершать наиболее этичные поступки. Так уж повелось, что они оказываются и наиболее верными. Никто не

собирается тебя изучать. И твоего друга – тоже. Если ты ответишь на ряд вопросов – нам это поможет. Не захочешь – твое право. Я доставлю вас на Авалон и помогу с гражданством. Вот и все.

И он исчез из моего зрения. Заблокировался.

Даже космические рыцари умеют обижаться.

Я с трудом ощутил собственное тело. Нашел рукой шунт, вынул кабель – голова отозвалась болью. Бросил взгляд на Стася – он смотрел в пустоту, его лицо подергивалось. Сейчас ему приходится готовить корабль к старту. В одиночку. Пусть даже он использовал, впервые в жизни, расчетный модуль. А ему еще приходится выслушивать упреки трусливого пацана.

Может ли такое быть – на самом деле, – что Стась готов помочь мне просто так? И помочь не так, как должны помогать друг другу честные граждане Империи, а больше? Неразумно, нелогично и бесполезно для всего мира!

Если так бывает – то весь наш мир неправилен. Все в нем неверно. И мои родители вовсе не должны были умирать. И злобная женщина-чиновник из социальной службы на самом деле желала мне добра.

И значит, мне тоже придется жить по-другому. Жить в мире, где главное – вовсе не закон и порядок. Где придется думать над каждым поступком.

– Капитан Стась... – сказал я. – Простите меня. Я, наверное, большой дурак. Но я учусь.

Стась повернул голову. И сказал:

– Проверь ремни, Тикки. Мы стартуем.

Я стал торопливо проверять ремни, хотя и знал, что они в порядке. Меня очень давно не называли Тикки. С тех пор как закрылась дверь за родителями.

Первый раз я летел на космическом корабле и был в сознании. Это оказалось интересно, только я все-таки ожидал чего-то большего. А может быть, я просто слишком переживал из-за Лиона, из-за планеты, так и не ставшей для меня новой родиной, из-за того, что впереди была полная неизвестность?

Стась привел корабль к гиперканалу и остановился. В канал нужно нырять под определенным углом и с определенной скоростью, иначе можно прилететь совсем не туда, куда собирался.

– Рассчитываем курс? – спросил я.

Стась покачал головой. Он явно вышел из навигационного режима и двигался живее.

– Ждем «Астрахань», Тиккирей. Возможно, им удастся вырваться с планеты...

– А они еще не стартовали?

– Нет.

Мы ждали долго. Часа два. Ни один корабль не вошел в канал и ни один из него не появился.

Лайнер тоже не стартовал. Бодрый инвалид на коляске и

все остальные – они так и остались внизу.

Стась мрачнел все больше и больше. А потом скривился, как от боли, и включил один из видеоэкранов.

По информационной сети Нового Кувейта шел экстренный выпуск новостей. Султан выносил на общенародное обсуждение вопрос о присоединении планеты к Федерации Инея.

Он выглядел совсем нормально. Я бы никогда не подумал, что этот человек находится под каким-то воздействием. И говорил он очень умные вещи – о том, что федерация из шести планет («и это не предел») позволит Новому Кувейту занять подобающее ему место в Империи. О том, что между Инеем и Новым Кувейтом существуют давние дружеские отношения, культурные и торговые связи. О том, как долго народ планеты ждал подобного решения.

– Славно им промыли мозги, – сказал Стась. – Вот почему не стартовала «Астрахань». Спящие, которых они загружали в корабль, проснулись. И... – Он не закончил.

– Сложно загрузить человеку такую программу, чтобы он начал думать по-другому? – спросил я.

– Сложно, Тиккирей. В том-то и дело. Это должна быть чудовищно большая программа – чтобы не просто убить человека или лишить его воли, а полностью перестроить психику. Даже с хорошим шунтом – несколько суток подключения. Через радишунт ее загрузить вообще невозможно.

Я думал. Я очень напряженно думал. Сутками... и все на-

селение... да уж, тут ничего не сделают самые хитрые и коварные агенты с планеты Иней. Нельзя же насильно подключить человеку кабель!

Бывало, что я сидел с кабелем часами, когда совсем этого не хотелось, но так это перед экзаменами... И я сам, пусть и неохотно, подключался к школьному компьютеру.

– Стась, а что за планета – Иней? – спросил я. Стыдно было признаваться, но я почти ничего не знал о нашем враге.

– Самая обычная планета. – Стась покачал головой. – Средняя. Послабее Авалона или Эдема, примерно как Новый Кувейт. Климат, правда, похуже. Но опять же – в пределах нормы. Производила корабли, добывала что-то там... Развитая индустрия развлечений, выпускают виртуальные сериалы, мыльные оперы... да ты должен был видеть, например «Дорогами видений».

– Я не видел, – признался я. – У нас мало закупали развлекательных программ. Интересный сериал?

– Да я тоже не видел, – успокоил меня Стась. – Работа такая, Тикки, не до развлечений...

Он замолчал. Уставился на меня, и я впервые увидел фага растерянным. Поэтому сказал торопливо, чтобы успеть первым:

– Сериалы. Они же через шунт! Воткнул и сидишь, час за часом, каждый день. Информации идет много.

– Тикки... – Стась грохнул кулаком по колену. – Да мы же поняли! Радиошунт – лишь спусковой крючок. Сигнал

к началу выполнения программы! Они вшивают программу заранее, за месяцы, за годы перед захватом планеты. Потом – одиночный мощный импульс, и программа стартует!

Я обернулся, посмотрел на Лиона. Спросил:

– Теперь ему можно будет помочь?

– Пока не знаю. Но как же мы раньше... – Стась вдруг горько усмехнулся. – Человечество промывало себе мозги веками. Еще не было шунтов, по обычному ти-ви, через радио, через печатные книги. Тысячелетиями заставляли, пытались заставить людей делать то, что им вовсе не нужно! А Иней... он просто сделал следующий шаг.

Я сейчас был бы самым счастливым человеком на свете. Если бы не думал о Лионе, об одурманенной планете и о том, что все еще, наверное, только начинается.

– Спасибо тебе, Тиккирей, – сказал Стась. – Может быть, ты сэкономил нам день, может быть, неделю. А может быть – всего пару часов. Но этим спас какую-то планету. Только не пыжься!

– Почему? – нахально спросил я. – Ведь я... мы и впрямь вместе поняли...

– Тикки, никто и никогда не узнает о твоей роли. Так же, как никто не знает о причинах примирения с расой Цзыгу. Или о том, каким образом был прекращен католический джихад на Земле.

– Это вы делали? – растерялся я. Стась говорил о таких вещах, которые уже в первом классе все знают. – А как же мич-

ман Харитонов, который спас матку Цзыгу с корабля халфлингов и стал ее символическим супругом? А имам Иоанн, который сжег себя на площади, когда мятежники... Капитан Стась!

– Тиккирей, в твоём теле есть миллионы крошечных клеток-фагоцитов. Ты знаешь, какая из них спасла тебя от опухоли или инфекции?

– Вас же не миллионы!

– Конечно, меньше. Нас меньше тысячи, и это, кстати, почти тайна. Но мы – фаги. Тихо снующие по галактике в поисках опасности. Это тоже своего рода гордыня и своего рода изъясн: быть незаметными героями, служить поводом для остроумия и насмешек. Может быть, со временем это нас погубит. Но наши враги над нами не смеются, Тикки. Никогда. Теперь – спрашивай.

Я вскинул на него глаза. Замялся. Даже глупо задавать вопрос, когда его уже знают.

– Капитан Стась, я могу стать фагом?

– Почти наверняка – нет. Мне очень жалко, Тиккирей, но подготовка фага начинается ещё до его зачатия. Ты никогда не сумеешь двигаться с той скоростью, которая необходима нам в бою. Твои органы чувств слишком слабы. Ты – уже слишком стар. Ты – уже родился.

Я невольно рассмеялся. Но Стась был серьёзен.

– Мало быть честным, умным, здоровым человеком. У тебя есть и воля, и упрямство, и интуиция, но... Нужны ещё

самые примитивные физические возможности. Умение вести бой против двух-трех десятков вооруженных противников. Выдерживать нагрузки, непосильные для человека. Вот примерно так...

Он вынул из кармана монетку в полкредита. И двумя пальцами свернул ее в трубочку. Потом – сплющил в тонкую металлическую полоску.

– Держи.

Я поймал монетку. Металл был горячий, почти обжигающий.

– В нашей работе гораздо меньше таких ситуаций, чем принято думать, – мягко сказал Стась. – Но иногда они возникают. Тебя можно тренировать, учить, и ты станешь куда сильнее и ловчее обычного человека или даже имперского десантника. Примерно таким, как агент Инея, оставшийся в мотеле. Вот только фаг должен быть таким, чтобы никогда там не остаться.

– Угу, – сказал я. – Я понял, извините.

Стась кивнул.

– Фагом ты не станешь. Но можешь быть с нами. Для того чтобы один-единственный авалонский рыцарь мотался по планетам, соря деньгами и запросто заходя к правителям, нужна еще сотня человек, готовящих каждую операцию. И я буду очень рад, если где-то на тихом и мирном Авалоне ты будешь ломать голову над странностями, замеченными в секретных имперских сводках и провинциальных новостях

позабытых планет. Делать запросы, анализировать. А потом отдашь мне приказ, и непобедимый супергерой отправится на работу. В девяти случаях из десяти – совершенно попусту.

Я улыбнулся. Да, мне было очень обидно. Но и приятно.

Стась стал серьезен.

– А теперь нам надо лететь, Тиккирей. Надо сообщить то, что мы поняли. Посмотришь, на что похож полет в гиперканале... в первый раз это довольно интересно.

– Подождите, капитан Стась, – сказал я торопливо и стал отстегивать ремни. – Две минуты, можно?

Он улыбнулся, кивнул.

– Нет, вы не поняли, – сказал я. – Я – в поток.

Кажется, мне удалось его удивить по-настоящему!

– Зачем, Тиккирей?

– Там же мой друг. Он один. Ему плохо. Может быть, если я буду рядом с ним в потоке... ну, я понимаю, там нет ничего, но вдруг он почувствует? Вдруг это ему поможет?

Говоря, я уже стоял, раздеваясь, возле второго места для расчетного модуля.

– Ты же собственные мозги гробишь, – сказал Стась, помолчав. Он даже не повернулся, сидел напрягшийся и растерянный.

– Ну, за один прыжок ведь не испорчу, верно? Вы же сами говорили, что нельзя всегда поступать разумно... – Я улегся на дурацкую кровать для тяжелобольных и стал застегивать ремни.

– Мне очень жалко, что ты уже родился... – тихо сказал Стась. – Ты мог бы стать настоящим авалонским рыцарем. Удачи тебе, Тикки. Я постараюсь добраться до Авалона как можно быстрее. И не только из-за Инея и Нового Кувейта.

Я кивнул, хотя он и не мог это увидеть. Но ведь мог почувствовать, верно? Достал кабель, воткнул его в шунт. Посмотрел на Лиона – сквозь темное стекло его лицо казалось грустным, но не более того.

Это оказалось совсем не трудно – думать над каждым поступком. Чуть непривычно, чуть страшно. Но не трудно.

– Удачи, Стась, – сказал я, закрывая глаза.

Часть вторая

Зимние забавы

Глава 1

Когда я уже подходил к остановке, в затылок мне засадили снежком.

Никак не могу к этому привыкнуть! Мало того что холодно, так холодно, что надо носить специальную зимнюю одежду, но еще повсюду снег! Я про него знал, конечно, но одно дело знать, а совсем другое – видеть, щупать, идти по нему.

Или получить скатанный в ладонях комок снега за пазуху...

Я повернулся, приплясывая, засунул руку за воротник и вытащил уже подтаявший снежок. Розы и Роси уже подбежали ко мне, смеясь и вовсе не смущаясь своей проделки. Они двойняшки, а с именами, мне кажется, им не повезло, как и мне.

– Привет, Тиккирей, – сказала Розы. – Хорошо я попала?

– Ага, – признался я. От снежка за шиворотом осталось мокрое холодное пятно, но оно уже становилось теплым.

– Я ей говорил, что не стоит, – вставил Роси. – Но она же дура без тормозов, сам знаешь.

Почему-то мне казалось, что идея обстрелять меня снеж-

ками пришла в голову именно Роси. Он хоть и был тише и спокойнее сестры, но инициатива всегда исходила от него.

– Да ничего, – сказал я. – Просто я не привык. У нас никогда не было снега.

– Скучно без зимы! – выпалила Роза. Она и секунды не могла устоять на месте – то размахивала руками в ярких оранжевых варежках, то прятала их в карманы куртки, то поправляла сбившийся на затылок берет. Зима в этом году была теплая, так мне все говорили. Совсем немножко холоднее нуля.

Но я все равно мерз.

– Пошли с нами? – предложил Роси. – Мы хотим перекинуться в картишки, нам четвертый нужен. Еще придет Иван.

– Нет. Я не могу.

– А что так? – Роза схватила меня за руку, заглянула в глаза. – Ты сердишься, да? Извини, я не стану больше в тебя кидаться.

– Мне на работу через два часа, – объяснил я. – Сегодня я в ночную смену.

Роси поморщился:

– Ну да, ты же человек занятой, взрослый...

– Я не взрослый, – сказал я. – Но у меня гражданские права, и мне нужно зарабатывать себе на жизнь.

Странное дело, ведь мы и впрямь ровесники. Но когда я смотрел на Роза и Роси, ну и на остальных из класса, мне казалось, что они – глупые дети, а я – взрослый и мудрый.

Может быть, из-за того, что я побывал на Новом Кувейте? Или оттого, что вырос на Карьере? Ведь им никогда не приходилось думать о социальных службах, пае за жизнеобеспечение, не случалось следить за шпионами с Инея и помогать настоящему авалонскому рыцарю. Их родители были живы, заботились о них, любили, помогали, если надо. И работать никому из них не требовалось, разве что ради карманных денег постоять в каникулы за стойкой в «Мак-Робинсе»...

– Жалко, – сказал Роси. Он хороший парень, не злой, хотя иногда у него слишком уж едкие шуточки. – Ну, давай тогда завтра? Завтра выходной, можно что хочешь делать.

– Давайте, – согласился я. – Утром обсудим, хорошо?

Подъехал мой автобус, я за руку попрощался с двойняшками и нырнул в салон. Можно было подождать час и уехать на школьном автобусе, бесплатно. Но я торопился.

Как и обещал Стась, я теперь работал на авалонских фагов. Точнее – на одну из принадлежащих им служб, с маленькой конторой в центре Порт-Ланца, авалонского города, где я жил. Это маленький город, не то что столица Авалона – Камелот, но мне он очень нравился.

Даже несмотря на зиму.

Я сидел у окна, рядом с какой-то пухлой женщиной в шубе из серого синтетического меха. Женщина то заглядывала в сумку с покупками, то принималась считать что-то на своей кредитной карточке. Наверное, у нее расходы не сходились – она морщилась все сильнее и сильнее. Потом доста-

ла из кармана маленькую коробочку с видеодисками, сразу просветлела, спрятала кредитку, сложила руки на коленях и угомонилась.

Мне бы тоже не помешало посчитать расходы. У меня еще оставалось немного денег из тех, что дал мне на Новом Кувейте Стась, и через три дня я должен получить свою первую зарплату, но все-таки... Это оказалось очень трудно – самому вести хозяйство, оплачивать все счета, покупать продукты и нужные вещи. Я просто не понимаю, как с этим родители справились!

Повернувшись к окну, я стал смотреть на улицы Порт-Ланца. Маме бы здесь понравилось. Именно из-за снега, она всегда говорила, что смена времен года – это очень правильно. Наверное, понравилось бы и папе.

Как же я ненавижу Карьер!

А ведь мог бы прожить там всю жизнь, даже не подозревая, что мир – совсем другой. И сейчас на Карьере живут мои друзья, там Глеб и Дайка, там все остальные. У них наступает зима, но это значит лишь то, что солнце светит тусклее. Они платят за воздух, которым дышат, рассказывают друг другу байки про злых мутантов и смотрят старые развлекательные передачи, потому что на новые у администрации нет денег.

Я все понимаю. В Империи – двести с лишним планет, и на всех живут по-разному. Есть богатые и хорошие, вроде Земли, Эдема, Авалона... Есть такие, как Новый Кувейт, где тоже очень хорошая природа, но с планетой случилась

какая-нибудь беда. А есть планеты вроде моей родины. Когда-то ее колонизировали, потому что надо было куда-то девать каторжников и добывать радиоактивные руды. Потом уже и руда стала не очень нужна, и преступников в Империи стало поменьше, и про Карьер все позабыли. Живите как хотите... Я все понимаю. Но мне очень грустно.

– Улица Радужная, – пискнул динамик в изголовье моего кресла. – Если вы желаете ехать дальше, внесите дополнительную оплату.

Я не собирался ехать дальше, я жил здесь. Протиснувшись мимо своей соседки, я вышел из автобуса.

В Порт-Ланце все названия очень красивые. Улица Радужная, Солнечный проспект, Тенистый бульвар, Вечерний сквер, набережная Туманов. Стоит только услышать такие названия, и сразу поймешь, что в этом городе живут хорошие люди. Говорят, здесь очень здорово весной, когда цветут земные каштаны и местные деревья со смешным названием «ротозейник». У ротозейника маленькие легкие плоды, которые реагируют на тепло, когда кто-то проходит мимо, отрываются от веток и падают на землю. Семена разлетаются во все стороны и на несколько минут прилипают к проходящему мимо человеку или животному. Они не липкие, они электризуются.

Но это будет потом. Еще должна пройти зима и начаться весна. А весной будет очень красиво, я знаю.

Возле дома я зашел в маленький продуктовый магазин,

купил упаковку готовых обедов – они недорогие и вкусные, батон и две бутылки лимонада. Продавщица меня знала, дружелюбно кивнула и спросила:

– Ты не мерзнешь, Тиккирей?

– Нет. – Я покачал головой. – Не очень холодно.

– Все равно не ходи без шапки.

– Она в сумке, – признался я. – Я не привык носить что-то на голове.

– Привыкай, Тиккирей. – Женщина улыбнулась, взъерошила мне волосы. – Ты же серьезный и самостоятельный человек.

Она вроде как надо мной подтрунивала, но не обидно.

– Ладно, я постараюсь, – пряча покупки в пакет, сказал я. – До свидания.

Квартиру мне предоставил муниципалитет. Во временное бессрочное пользование как вынужденному эмигранту с «планеты, объявленной зоной бедствия». Наверное, для авалонцев эта квартира считалась маленькой и бедной, но мне очень нравилась. Там было четыре комнаты, и кухня, и большая застекленная лоджия, откуда видны лес и озеро – говорят, летом жители Порт-Ланца любят устраивать там пикники. Сейчас озеро застывшее, покрытое тонким серебристым ледком. Ночью на нем отражается лунный свет.

На восьмой этаж я поднялся на лифте, хотя иногда просто бегал по лестнице – вместо физкультуры. Отпер дверь и тихонько вошел в прихожую.

В гостиной бормотал телевизор. Я прислушался:

– Это страж-киборг, Даймор!

– Прикрой меня!

Затрещал плазменный бластер, судя по характерным хлопам хладагента – армейская «Пума» в режиме сплошного разряда. Я выждал три секунды, но у «Пумы» почему-то и не думал кончатся боезапас. Тогда я выждал еще пять секунд, но хладагент тоже не кончался, и ствол у бластера даже не собирался расплавиться. А у нас в лаборатории, на испытательном стенде, больше десяти секунд не выдерживал ни один ствол.

Я скинул ботинки, снял куртку и прошел в холл.

Лион сидел в кресле и смотрел в экран.

– Привет, Лион, – сказал я.

– Привет, Тиккирей, – откликнулся он, не отводя глаз от экрана. Там прыгали человеческие фигуры в тяжелой броне – в которой не очень-то и попрыгаешь, обстреливая здорового паука, хищно щелкающего жвалами. Из паука во все стороны летели ошметки мяса и железяки, но он и не думал помирать.

Я сел на подлокотник кресла и посмотрел на Лиона.

Мой друг внимательно смотрел в экран.

– Ты хочешь в туалет? – спросил я.

– Да, – подумав, согласился он.

– Сходи, Лион. Сейчас встань, сходи в туалет и сделай все, что нужно.

– Спасибо, Тиккирей.

Лион встал и вышел. Совсем как нормальный человек.

Не смогли мы со Стасем его спасти. По-настоящему спасти. Подключение в поток все-таки перебило ту программу, которую запустил в Лионе Иней. Но волю он потерял. Стал примерно как Кеол из экипажа «Клязьмы», может, даже еще хуже. Ему все надо напоминать – не потому, что Лион забывает умыться или поесть, а потому, что не видит смысла в таких поступках. Не хочется ему ничего.

А самое ужасное, что он все понимает. И где-то там, в глубине души, мучается из-за случившегося.

Лион вернулся, снова сел в кресло. Будто меня и нет в комнате. Единственное, что он по-прежнему любил делать, к чему его тянуло будто магнитом, – это смотреть телевизор. С расчетными модулями тоже так бывает...

– Ты пообедал, Лион? – спросил я зачем-то.

– Да.

Я соскочил с подлокотника, заглянул ему в глаза. Словно он мог соврать.

– Правда? Ты поел, честно? Ты хотел есть?

– Честно поел, – ответил Лион. – Хотел.

Неужели так быстро?

Мне все говорили, что рано или поздно Лион восстановится, станет как прежде. Что мозг, особенно детский, очень гибкая система и воля возвращается. Вначале в самых простых потребностях, «витальных», как выразился врач. По-

том – полностью. Но никто не ждал, что это будет так быстро!

– Лион... – прошептал я. – Слушай, как я рад! Ты молодец, Лион!

Он ничего не ответил, ведь я не задал вопроса.

– Может, ты еще и посуду вымыл? – поинтересовался я, чтобы заставить его говорить.

– Надя вымыла, – охотно ответил Лион.

И вся моя радость куда-то исчезла.

– Так это Надежда тебя покормила?

– Да. Она пришла, спросила, хочу ли я есть, – спокойно ответил мой друг. – Я сказал, что хочу. Я пообедал. Потом она вымыла посуду. Мы поговорили. Потом я стал смотреть видео.

– Ты молодец, – снова сказал я, хотя никакой радости уже не осталось. – Я пойду на работу, Лион. Приду очень поздно. Когда видео выключится, – я поднял с пола ленивку и быстро запрограммировал таймер, – пойдешь спать. Разденешься, ляжешь под одеяло и будешь спать.

– Хорошо, Тиккирей. Я все понял.

Из квартиры я почти убежал. У меня было еще время, но я выскочил за дверь и остановился на площадке, кусая губы. Как обидно! Как плохо!

– Тиккирей...

Я повернулся, посмотрел на Надежду. Она медсестра и живет в соседней квартире. Вот мы и договорились, что она будет присматривать за Лионом. Наверное, у нее дверной

глазок был запрограммирован на мое появление.

– Здравствуйте, – сказал я. Надежда не очень старая, ей лет тридцать. У нее всегда очень строгий вид и грубый прокуренный голос, но она хороший человек... только почему-то я вечно перед ней теряюсь.

– Я заходила, покормила Лиона.

– Я понял...

Надежда шагнула ко мне, заглянула в глаза:

– Что стряслось, Тиккирей?

– Я... я подумал, что он сам поел...

Она вздохнула. Достала сигарету, щелкнула зажигалкой.

И сказала почти виновато:

– Господи, у меня и мысли не было...

– С ним все равно все будет хорошо, – упрямо сказал я.

– Да, Тиккирей. – Надежда затянулась, посмотрела на меня. – Но может быть, лучше отправить Лиона на лечение в государственный госпиталь? Они ведь согласны принять его бесплатно, и там хорошие специалисты, ты поверь!

– Верю. Но ему лучше со мной.

– Тебя пугает шоковая терапия?

Я кивнул. Она меня действительно пугала. Я был назначен официальным опекуном Лиона, и поэтому мне подробно объяснили, что будут делать с моим другом.

– Порой это выглядит жестоко, – согласилась Надежда. – И все эти тесты на голодание, и болевые раздражители... но ты пойми, Тиккирей, в госпитале большой опыт по реабили-

тации бывших расчетных модулей. Твой друг выиграет год или два полноценной жизни. Пусть даже ценой некоторых неприятных процедур.

– Он будет сидеть голодный, а перед ним будет стоять еда, – пробормотал я. – Так ведь? И только когда Лион начнет сознание от голода терять, ему прикажут поесть!

– Не прикажут. А покормят принудительно. Но от него будут добиваться принятия самостоятельных решений, и он начнет их принимать.

– Да, и кресло будет бить его током, и еще он будет спать под грохот и вой сирен, и еще... – Я замолчал, потому что даже перечислять было противно.

Надежда затушила сигарету прямо о стену – противопожарная краска взвизгнула и пошла пеной, мгновенно погасившей огонек. Вот отчего у нас все стены в лопнувших пузырьках! А старший по подъезду с таким подозрением на меня поглядывал, спрашивая про них!

– Тиккирей, как медицинский работник, я с тобой не согласна, – сказала она. – Но ты умница. И хороший друг. Вот подрастет Леночка, обязательно постараюсь тебя на ней женить.

Я глупо ухмыльнулся. Леночке, дочке Надежды, лет пять всего, я и не знаю, куда деваться от ее поцелуев и обнимашек. Она сразу объявила меня своим старшим братом, за которого после школы выйдет замуж. Лучше бы на Лиона запала, ему-то все равно!

– Ладно, не бойся, скоро уже она перестанет кормить тебя облизанными конфетами и требовать рассказывать сказки про отважных фагов, – пообещала Надежда. – Хочешь, подвезу тебя до работы?

– Нет, спасибо, я на автобусе, – быстро ответил я. – Лучше вы вечером посмотрите, как там Лион. Вдруг он опять не ляжет спать, а будет смотреть ти-ви?

– Обязательно посмотрю, – сказала Надежда. – И посмотрю, и уложу. Не беспокойся.

В маленьком тамбуре на входе в офис я поспешил палец и засунул в отверстие детектора. При этом я смотрел в окуляр камеры, сканирующей сетчатку глаза, но это была ерунда. Самая надежная проверка – генетическая, потому что любые отпечатки пальцев можно подделать, сетчатку пересадить чужую, пароль – узнать под пыткой. Куда надежнее проверить клетки эпителия и эритроциты, которые обязательно есть в слюне.

Каждый раз прижимая палец к подушечке детектора, я немного нервничал. Там, под подушечкой, игла со специальным средством, которое вырубает человека за две секунды. Если генный анализ покажет, что в тамбур вошел чужак, то игла выдвинется.

Конечно, все было нормально. Дверь открылась, над ней вспыхнул зеленый огонек. Я вошел и поздоровался с охранником.

– Привет, Тиккирей, – ответил он. – Ты рановато сегодня.

– Да нечем было заняться, – признался я.

Мне очень нравится, как относятся ко мне на работе. Никто не иронизирует над возрастом или над тем, что я с чужой планеты. И наоборот тоже – никаких скидок не делают.

Стась, когда договаривался насчет меня, предложил три работы на выбор. Одна – в аналитическом центре, который собирает информацию со всех планет Империи. Другая – техником на космодроме фагов: поработав там, очень легко поступить в пилотскую школу. И третья здесь: в фирме, которая изучает и разрабатывает вооружение.

Я выбрал оружейную фирму.

В основном потому, что здесь меньше придется работать, а значит – не нужно будет отдавать Лиона в госпиталь. И в общем, не жалел. У меня была должность младшего техника и кабинет – ну, не совсем мой, на двоих с Борисом Тарасовым, старшим техником и моим начальником.

Он уже был на месте. Худой, высокий, выбритый налысо – только на макушке торчит длинный пучок волос, – вначале я немного пугался его вида. Ну, не пугался, скорее смущался. Впрочем, недолго: Тарасов оказался хорошим человеком. Наверное, в мире куда больше хороших людей, чем плохих.

– Здравствуй, здравствуй... – пробормотал Тарасов, едва я вошел. Он пялился в экран генного сканера, на котором крутилась замысловатая пептидная цепочка. В отражении на дисплее, что ли, меня заметил?

– Здравствуйте, Борис Петрович, – сказал я громко. – Ничего, что я рано?

Тарасов подпрыгнул в кресле, повернулся, вытаращился на меня:

– Тиккирей? Ну нельзя же так подкрадываться, до инфаркта доведешь!

– Вы же со мной поздоровались... – растерялся я.

Тарасов удивленно приподнял брови, воскликнул:

– Поздоровался? Я? А... Иди сюда, Тиккирей.

Я подошел, мельком глянув на площадку анализатора. Там лежал плазменный бич, тихонько так лежал. Вот что изучал Борис Петрович...

– Я поздоровался с этим вот опероном, – объяснил Тарасов, тыча пальцем в экран. – Видишь?

– Вижу, но не понимаю, – признался я.

– Бракованный бич, – объяснил Тарасов. – Просто беда какая-то. Бич привязывается к хозяину и работает только с ним, ты ведь знаешь?

– Да.

– Ну, так вот у этого импринтинг не произошел. Ни на первого фага, ни на второго, ни на третьего. Индивидуальная неприязнь бывает, конечно, квазизивые механизмы – штука сложная. Но этот никого не хочет принимать. Генетический дефект, к сожалению. Какой-то сбой на стадии производства.

– Его можно вылечить? – спросил я, косясь на оружие.

Больше всего плазменный бич фагов походил на змею – с метр длиной, покрытую серебристой чешуей, с плоской головой. Голова время от времени приподнималась, но бич лежал смирно.

– Починить, Тиккирей. Бич – более машина, чем живое существо... Нет, нельзя. Теоретически... – Тарасов задумался. – И теоретически нельзя. Кроме того – невыгодно экономически. Ты знаешь, почему плазменные бичи не используются никем, кроме фагов?

– Это военная тайна.

– Ну, ряд разработок действительно секретны, но мы передавали образцы имперским службам, а иногда фаги гибнут... и оружие попадает в руки врагов. Дело в том, Тиккирей, что управлять бичом – крайне сложно, а в производстве он неимоверно дорог. Любые террористы или агенты предпочтут вооружиться более простым и при этом более мощным оружием.

– Так зачем фаги используют бичи?

– Ты видел бич в работе? – иронически спросил Борис Петрович. – Не на стенде, а в реальной обстановке, в руках опытного фага?

– Да, видел.

Тарасов прекратил улыбаться. Кивнул:

– Прости, Тиккирей, не подумал... Так вот, эффектно это выглядело?

– Еще как!

– В том-то и дело. Фаг должен быть окружен легендами. Почтением, страхом, непониманием. Поэтому плазменный бич куда полезнее самого лучшего бластера. Поэтому фаги вооружаются бичами... каждый из которых стоит как хороший имперский танк.

– Ого! – воскликнул я.

– А ремонт бича, – продолжил Тарасов, – обойдется как постройка десятка танков. Это же гениальная хирургия высочайшего уровня! Так что... – Он опустил руки на клавиатуру, из принтера выскользнул лист бумаги, экран погас. – Будем писать акт о списании.

Писать нам почти ничего и не пришлось. В готовую форму были уже впечатаны полные данные о дефекте бича, возможные причины появления дефекта, рекомендация – утилизировать. Мы лишь отметили несколько пунктов (отмечал Тарасов, а я послушно кивал в ответ на его объяснения), расписались и зафиксировали отпечатки пальцев в надлежащих точках акта. Потом Тарасов вложил форму в сканер и пошел в буфет за кофе.

Я подошел к анализатору и глянул на бич сквозь сверхпрочное стекло. Многим змеи не нравятся, мне вот тоже, но бич все-таки не совсем змея и не совсем живой. Это сплав биополимеров, механики и нервной ткани, взятой, кстати, вовсе не у змеи – у крысы. Говорят, что и по интеллекту плазменные бичи близки к крысам.

– Не повезло тебе, – сказал я бичу. – Бедолага.

Бич свернулся кольцом, засунул треугольную голову в центр. Будто понял мои слова. Крошечные точки зрительных датчиков поблескивали в свете ламп.

Зашуршал принтер, выплевывая новую копию акта о списании. Уже с резолюцией бухгалтерии.

– Будешь кофе, Тиккирей? – спросил вернувшийся Тарасов.

Я помотал головой.

– Тогда я пару чашечек... – довольно заключил мой начальник. – Спал сегодня отвратительно. То ли давление скачет, то ли что...

– У вас гипертония?

– Какая еще гипертония, бог с тобой! Атмосферное давление скачет, Тиккирей.

Я покраснел. Объяснил:

– У нас все под куполом жили, там давление стабильное... я забыл.

Тарасов ухмыльнулся. Отхлебнул кофе, оставил чашку, вскрыл ящик анализатора. Взял бич за хвост, протянул мне:

– Держи. Да не бойся, у него вынут главный аккумулятор, так что плазмой плевать не сможет.

Я осторожно взял бич обеими руками. Он был теплый и мягкий на ощупь.

– Утилизатор где, знаешь? – спросил Тарасов. – Тогда вперед. Полная деструкция, квитанцию принесешь.

Я кивнул и, держа бич перед собой на вытянутых руках,

вышел из кабинета. Утилизатор был в конце коридора, в маленькой комнатке рядом с туалетами.

Лучше бы Тарасов сам утилизировал бич! Он ведь все-таки немножко живой... Но с другой стороны, если я собираюсь тут работать, то должен сам все делать. Даже если это очень неприятно...

В комнате с утилизатором никого не было. Большой металлический агрегат довольно урчал, перемалывая какой-то мусор. Я нажал на кнопку, выдвинулся приемный лоток – здоровенный керамический поднос.

– Никто же не виноват, что тебя починить – словно десять танков сделать! – сказал я бичу и опустил его в лоток. На табло тут же высветились цифры – вес и процент металла в объекте. Я выбрал метод – полная деструкция, это значит, что бич вначале перемелет жерновами, потом расплавит, а потом снова размелет в дисперсную пыль. Стараясь не глядеть на вяло шевелящийся бич, я подтвердил программу и повернулся, чтобы побыстрее уйти и ничего не слышать.

Что-то цепко схватило меня за запястье!

Я вскрикнул, поворачиваясь. Лоток уже начал было закрываться, но бич внезапно выскользнул оттуда и прочно обвил меня вокруг руки. На какой-то миг, совсем одурев от ужаса, я решил, что меня сейчас затянет в утилизатор вместе с ним! Ну, или руку оторвет!

Но утилизатор делали не дураки, и когда лоток наткнулся на тело бича, то тут же остановился и пошел назад. На табло

вспыхнула надпись: «Проверьте положение объекта в лотке, герметизация невозможна».

А бич уже торопливо выползал из лотка и забирался мне под свитер!

Первой моей мыслью было – заорать. То ли бич взбесился, то ли понял, по-настоящему понял, что его хотят убить! Но он ведь не настолько умный!

Но я не заорал. И правильно сделал, потому что бич уже сплющился, мягкими, почти неощутимыми кольцами обвивая мне руку. На мгновение из рукава высунулась головка бича. Открылось и закрылось дуло плазменной пушки – будто змея разинула рот и зашипела на утилизатор...

Бич ко мне привязался!

У него прошел на меня импринтинг!

Я стоял оцепенев. И пытался понять, что же делать. Бежать к Тарасову? Так все равно бичу одна дорога – в утилизатор. Это же не живое существо, это машина... а раз он к кому-то привязался, так больше никому служить не будет... а я не фаг и никогда им не стану... а бичи разрешено носить лишь фагам...

У меня даже коленки задрожали.

Я тряхнул рукой, будто надеялся, что бич отцепится и упадет. Куда там! Проще было бы пальцы оттрясти!

– Пошел вон! Слезай! – закричал я.

И мягкие кольца вдруг спали с моей руки. Бич начал медленно выползать... и укладываться обратно в лоток. По-

слушно и безропотно. Не как машина... как послушный щенок, например...

– Стой... – прошептал я. – Стой!

Бич втянулся обратно. Он уже начал понимать мои приказы!

Цифры, показывающие вес бича, все еще светились на экране. Я торопливо достал кредитную карточку, включил калькулятор и занес в память: «607; 9 %». Вес в граммах и процент металла.

Рядом с утилизатором стояла мусорная корзина, в которую ссыпали всякий несекретный мусор – чтобы вечером уничтожить его весь разом, а не включать агрегат из-за каждой мелочи. Я стал доставать оттуда рваные листы бумаги, стаканчики из-под кофе, обертки от шоколадок, какие-то винтики с сорванной резьбой и сломанные платы. Что же я делаю? Меня под суд отдадут! Меня с планеты выгонят!

Ну не мог я теперь бросить бич в утилизатор!

У меня никогда не было своего зверька. На собаку или кошку нужен большой социальный пай, родители не могли себе этого позволить. Они обещали в четырнадцать лет подарить мне настоящего живого мышонка, на него пай совсем маленький. Но ничего не получилось...

Я загружал лоток до тех пор, пока вес снова не стал шестьсот семь граммов. Труднее было подогнать проценты металла. Не знаю, справился бы я... вот только когда я попытался сломать какую-то стальную проволоку (настоящий фаг ее бы

легко сломал, а может, и обычный взрослый человек справился бы), из рукава выскользнул бич, на миг припал к проволочке – и та развалилась на две половинки.

«Девять процентов», – подтвердило табло.

Я стоял, держа палец на кнопке и пытаюсь справиться с сумбуром в голове. Но тут в коридоре послышались шаги, и я невольно нажал кнопку.

Лоток втянулся, и утилизатор радостно загремел своими жерновами.

Выскользнула квитанция об утилизации.

На негнущихся ногах я пошел обратно. Бич тихо дремал на моей правой руке, совсем как у фага. Плоский, незаметный. Его даже обычные детекторы не фиксируют, он очень умно устроен. Металлические детали распределены так, чтобы, когда бич свернется вокруг руки, походить на браслет от часов и сами часы. А мои настоящие часы самые дешевые: пластиковая наклейка на руке, там металла вообще нет...

– Возьмите, Борис Петрович... – Я протянул Тарасову квитанцию.

Мой начальник задумчиво посмотрел на бумажку. Неторопливо подклеил ее к акту о списании. Спросил:

– Не переживал, Тиккирей? Не жалко было бич?

– Это же просто сломанная машина... – пробормотал я.

Тарасов кивнул:

– Да, ты прав. Садись... обрабатывай данные вчерашнего эксперимента. Методику понял?

– Понял.

– Это не спешно, но если сегодня закончишь – хорошо. Я пока отойду...

Прихватив акт о списании, Тарасов вышел. А я сел за свой компьютер, подключил кабель к нейрошунту.

Меня всего трясло.

Что же я наделал?

Глава 2

Домой я вернулся уже поздним вечером. В квартире было тихо, значит, Надежда зашла, покормила Лиона и уложила спать.

Бич по-прежнему обвивал мою руку.

Его не заметили детекторы на контроле, я преспокойно ушел, унося с собой очень дорогое и секретное оружие. Я украл! Причем украл у своих друзей, у авалонских фагов, которые спасли меня с Нового Кувейта и приютили на хорошей планете.

Наверное, если бы я мог повернуть время обратно, я бы не взял бич. Но теперь уже ничего не поделаешь. Абсолютно ничего. Можно попробовать уничтожить бич, но тогда зачем было его воровать?

Значит, я теперь преступник, который даже не может воспользоваться добычей. Если меня кто-то увидит с бичом – сразу пойдут слухи. На такой планете, как Авалон, дети не

ходят с оружием.

Я долго слонялся по квартире. Пробовал посмотреть телевизор – там шли всякие развлекательные программы, но от них стало только хуже. Сделал себе бутербродов и вскипятил чайник, но есть не хотелось. Тогда я пошел в спальню.

Лион мирно спал в своей кровати. Я разобрал свою постель, разделся, лег. Бич на руке почти не ощущался. Наверное, фаги тоже привыкают к своему оружию и перестают его замечать...

– Спокойной ночи, Лион! – сказал я в темноту. Но он не ответил.

Тогда я уткнулся в подушку и разревелся. Тихо, чтобы Лион не слышал. Как бы я хотел, чтобы мама и папа были рядом! Чтобы можно было рассказать им все, и пусть они придумывают выход. Взрослым проще, они всегда знают, что делать.

Но даже взрослые иногда ошибаются. Или не находят выхода и тогда делают вид, что их ошибка – правильный поступок.

Я даже не стал молиться перед сном. Теперь я очень редко молился. Может быть, потому, что понял – ни от чего молитва не спасает.

Под утро я проснулся от шепота. Открыл глаза, посмотрел на другую кровать, где спал Лион. Конечно, говорил он. С ним это иногда бывает по ночам. Только обычно он говорит

неразборчиво, а теперь я различал слова:

– Сейчас... сейчас... сейчас...

Меня пробил озноб. Лион бормотал сквозь сон, и я вспомнил, что точно так же порой отбрыкивался от тормошившей меня мамы. «Сейчас... сейчас я встану... еще минуточку...»

– Лион! – громко позвал я.

– Ну сейчас... – недовольно пробормотал он.

Казалось, что он – совсем нормальный. Что можно его затрясти, разбудить, он завопит: «Ну вот, не дал сон досмотреть!» – и вмажет мне по голове подушкой.

– Лион! – крикнул я, вскочил, подбежал к его кровати и затряс Лиона за плечи. – Просыпайся! Пора!

Он открыл глаза.

– Лион, вставай, – жалобно попросил я.

И он послушно встал. Зевая, дрожа от холода – на ночь я выставил в комнате слишком низкую температуру и отопление еще не включилось.

– Лион...

Он терпеливо стоял.

Я сел на его кровать и сказал:

– Ты прости, это мне показалось, что ты поправился. Понимаешь?

Лион молчал.

– Ты все понимаешь, я знаю, – сказал я, глядя даже не на него, а в окно, где занимался рассвет. – Ты все понимаешь и мучаешься... Лион, пожалуйста, борись с собой. Застав-

ляй себя, Лион. Ты обязательно поправишься, это все говорят. Но может пройти несколько лет. Мы станем взрослыми и совсем другими. А мы ведь только успели подружиться... Правда?

Он молчал.

– Сядь, – попросил я, и Лион сел. Я набросил ему на плечи одеяло и сказал: – Ты знаешь, у меня ведь совсем никого нет. Есть Глеб, Дайка... это мои друзья с Карьера. Но они далеко, их словно бы и нет теперь. Можно только вспоминать. А мама и папа умерли. Чтобы я мог жить. Есть еще Стась, но у него своя жизнь и свои дела, я его уже две недели не видел. Есть еще Тарасов, я рассказывал, но он просто товарищ по работе. Есть Розы и Роси, но они такие... они совсем дети, понимаешь? Они ничего не понимают, если честно! У них слишком хорошая планета. Я бы хотел таким быть, но не смогу... я уже родился. А ты другой, ты меня понимаешь, я чувствую.

Лион не говорил ни слова.

– А еще я сделал глупость... – прошептал я. – Ужасную глупость...

Я поднял правую руку и показал Лиону обвивавший ее бич. Словно ждал, что он скажет что-нибудь.

– Они узнают, – сказал я, потому что вдруг понял – узнают. – Рано или поздно всё узнают. И тогда у меня совсем никого не останется. Стась со мной даже разговаривать не захочет. И с работы меня выгонят. Лион, ты постарайся, по-

жалуйста. Постарайся поправиться быстрее. Может быть, мы вместе чего-нибудь придумаем...

Лион молчал.

– Ложись, – попросил я. – Ложись, поспи еще, если хочешь. Мы сегодня пойдем к Розе и Роси в гости. Будем во что-нибудь играть. Ты ведь не против, они ведь тебя не обижают?

– Не обижают, – сказал Лион, потому что понял мои слова как настоящий вопрос.

Я поправил на нем одеяло и выбежал в гостиную. Включил телевизор, забрался с ногами в кресло. В гостиной было теплее.

Что же мне делать?..

Бич на моей руке приподнял голову, словно выискивал – откуда опасность?

– Ты бы хоть унялся! – сказал я сквозь слезы.

К Розе и Роси мы не пошли.

Роси позвонил часов в восемь. Наверное, если бы он знал, что я проснулся в пять утра, так в пять бы и позвонил.

– Тиккирей, есть идея! – даже не здороваясь, выпалил он.

– Сразу согласен, – сказал я. Мне уже опротивело сидеть за телевизором.

Роси захихикал:

– Нам отец дал машину! Поехали в лес, на пикник?

– Ты что, умеешь водить? – удивился я.

– Я – нет. – Роси немного скис. – Розы умеет, у нее есть права. Только ограниченные, «в сопровождении взрослых».

– А кто с нами поедет? – не понял я.

– Кретин! Ты поедешь! Ты юридически – взрослый, так что никто не придерется!

– Вам разрешили?

Роси опять захихикал:

– Еще бы! Знаешь, как родители тебе доверяют? «Очень серьезный юноша, а ведь немногим вас старше!»

Манеру своего отца говорить он скопировал здорово.

– Я и впрямь серьезный, – сказал я, торопливо размышляя. – Давайте.

– Мы через четверть часа заедем, – сказал Роси. – Отец с нами до тебя доедет, чтобы не придирались. Вот. Нет, не через четверть часа, через полчаса, он кричит, что ему еще бриться надо!

– Хорошо, я как раз пока Лиона соберу, – согласился я.

Роси, по-моему, немного скис. Но ответил достойно:

– Правильно, ему очень полезен свежий воздух. Собирай. Теплее одевайтесь! И это...

Он снизил голос до неразборчивого шепота:

– Бухала возьми!

– Чего?

– Ну пива... не знаю чего. Пива или вина, сам реши чего! Тебе-то продадут! Ну пока, жди.

Я выключил трубку и ухмыльнулся. Они что, думают, в

выпивке есть что-то интересное?

– Дети... – сказал я и пошел будить Лиона. Пиво у меня было в холодильнике – целая упаковка. Не для себя, а на тот случай, если вдруг прилетит на Авалон Стась и решит к нам зайти.

Лион выглядел нормально. Как «очень-воспитанный-ребенок», который стоит у подъезда, тепло одетый, аккуратный, и терпеливо чего-то ждет.

Я был с сумкой через плечо, где лежали пиво, бутерброды и упаковка с саморазогревающимся копченым цыпленком.

Роси не подвел – они подъехали точно через полчаса. Впереди, за рулем, сидела Роза, очень гордая, в вязаной шапочке и яркой шерстяной куртке. Приделась она так, словно на концерт собралась, а не в лес на пикник. Роса оделся проще и удобнее: в синтетический комбинезон, в котором можно хоть на снегу спать, хоть в ледяной воде купаться.

Отец их сидел спереди, рядом с дочкой. Он очень крупный, широкоплечий, с гривой пышных волос, и никогда не подумаешь, что у него мирная и тихая профессия: театральный критик. Как он всем представляется, и мне тоже: «Театральный критик самых широких взглядов».

Он и вылез из машины первым. Роза еще возилась, отстегивая ремень, Роса, по-моему, запутался в собственных руках и ногах, а их отец уже пожимал мне руку и басовито изрекал:

– Доброе утро, молодой человек.

– Доброе утро, Вильям, – ответил я. Он требовал звать себя только по имени и «не обращать внимания на разницу в возрасте». Вроде как от этого я должен был чувствовать себя свободнее... Не знаю, вот Стась разницу в возрасте не игнорировал, но с ним было гораздо проще.

Вильям откашлялся и заговорщицки прошептал:

– Прекрасное утро, чтобы мои оболтусы получили небольшой урок взросления, верно, Тиккирей?

– Да, Вильям, – покорно сказал я.

Покосившись на своих «оболтусов», Вильям подмигнул мне и тихо сказал:

– Наверняка вы взяли с собой пиво или вино. Нет, не надо отвечать, Тиккирей, я ведь прекрасно помню, как сам был подростком! Но я прошу тебя, как самостоятельного и ответственного человека, пронаблюдать, чтобы Роза села за руль не ранее чем через три часа после употребления алкоголя!

– Я... я прослежу, – сказал я.

Только после этого удовлетворенный Вильям повернулся к Лиону. Громко сказал:

– Доброе утро, мальчик!

«Молодым человеком» для него был только я.

– Доброе утро, – послушно ответил Лион.

– Кхм. Ну, я не буду больше мешать вам своими стариковскими наставлениями. – Вильям приобнял подошедших наконец-то Роза и Роси. Улыбочка у него при этом была та-

кая лукавая, что сразу становилось ясно: он и через двадцать лет стариком себя считать не намерен.

– Папа, мы поедем, – быстро сказала Роза.

– Блок безопасности в машине включен, – тем временем перечислял Вильям. – Аптечка на месте. Телефоны все взяли? Не забудьте пристегнуться!

– Хорошо-хорошо, – подпрыгивая на месте, выпалила Роза. – Ну папа, ты же опоздаешь!

– Спектакль через полтора часа, – поморщился Вильям.

– А кафе при театре уже открыто... – невинно сказала Роза, глядя в небо.

Ее отец немного принужденно рассмеялся:

– Что поделать, родная дочь гонит... Хорошего уик-энда, молодые люди!

Он потрепал Розу и Роси по щекам, пожал мне руку, Лиона тоже удостоил легкого похлопывания по затылку и двинулся по улице.

– Во зануда, – пробормотала Роза, едва отец отошел метров на десять. – Все, в машину!

Я тоже иногда говорил про отца, что он – зануда. Раньше.

Но я не стал этого объяснять Розе, она бы все равно не поняла.

– Пошли, Лион, – беря его за руку, сказал я.

Машина была хорошая. Колесный джип, не очень большой, но напичканный автоматикой под самое не хочу. Я сразу понял, почему родители не побоялись отпускать мо-

их приятелей на пикник, – в машине стоял блок автоводителя, который перехватит управление, если Роза что-то сделает неправильно. На такой машине даже пьяным разрешают ездить... может, поэтому Вильям такую и купил.

Мы с Лионом забрались на заднее сиденье, Роза и Роси устроились впереди. Пока Роза снова запускала мотор – и зачем было ей его вообще выключать, – Роси повернулся к нам и ехидно сказал:

– Представляешь, на какой спектакль папенька пошел? Рождественский утренник «Звездочка ясная, звездочка добрая». Это для самых малышек, про то, как первый корабль с переселенцами на Авалон едва не разбился, но боженька его спас и посадил благополучно!

Он захихикал.

– Нью-нью, – презрительно сказала Роза, газуя. – Кто-то в прошлом году визжал от восторга на этом утреннике!

– Неправда! – взвыл Роси. – Я от хохота визжал!

– А корабль и впрямь чудом сел, – продолжала Роза. – Он ведь был совсем примитивный, с ядерным двигателем... он через гиперканал полз четыре месяца, и запас рабочего тела не рассчитали.

Роси умолк. У него с сестрой все время велись споры на религиозной почве. Роза считала, что Бог есть, а Роси – что навряд ли, в лучшем случае – был раньше, но давно отошел от дел.

Тем временем мы выехали на трассу. Роза небрежно

щелкнула по кнопкам, и верхняя часть кузова стала односторонне прозрачной. Теперь снаружи джип выглядел однотонно-черным, зато мы видели все и неслись словно на открытой платформе.

– Ну чё, ты пива взял? – спросил Роси. Его сестра выплескивала энергию, управляя машиной, а вот ему явно требовался выход эмоций.

– Взял, – сказал я.

– Так доставай!

Я подумал и решил, что ничего плохого в этом не будет. Дал одну бутылку Роси, одну Лиону – он бы захотел попробовать, наверное, и одну взял себе.

Рози протянула назад руку.

– Тебе не дам, – сказал я. – Ты за рулем.

– Дурак, тут же автоматика сплошная! – удивилась Рози.

– Все равно не дам. Я твоему отцу обещал, что за рулем ты пить не будешь.

– Вот, я так и знала, что он тебя услышал! – напустилась Рози на брата. – Орал на всю квартиру! Дай плотнуть!

Роси открутил пробку, отпил, блаженно ухмыльнулся и сказал:

– Не-а. Ты за рулем, Тиккирей прав. Он взрослый, мы его должны слушаться.

– Ну-ну, – угрожающе пообещала Рози. Запустила руку под куртку и достала маленькую плоскую фляжку. Роси выпучил глаза:

– Это же мамина!

– И вовсе не мамина, а моя. Мама свою на той неделе где-то потеряла. – Роза повернулась ко мне и подмигнула. – Прямо с коньяком, представляешь?

– Роза, не надо, – попросил я.

Наверное, она бы меня послушалась. Я по глазам видел, что Роза колеблется и вовсе ей не хочется пить крепкий коньяк. Но тут Роси ехидно сказал:

– Слушай, что старшие говорят!

Роза мгновенно скрутила колпачок, глотнула. У нее глаза просто на лоб полезли, я подумал, что сейчас она бросит руль и сработает автоматика.

Но она закрутила фляжку, снова спрятала ее в карман и повернулась к дороге. Мы бы за это время раз десять вылетели в кювет или на встречную полосу, но автоводитель этого не допускал.

– Ты сильна, старуха! – восхищенно воскликнул Роси. – Тиккирей, ты гляди! Даже не закусывая!

– И ничего страшного, – хрипло сказала Роза.

Зря она так, конечно. В аварию-то мы не попадем, но ей же самой плохо будет!

– Роза, только больше не надо, пожалуйста, – сказал я. – Я понимаю, что тут автоматика, но я все-таки боюсь.

– Хорошо, не буду, – с готовностью согласилась Роза.

Минут через десять мы все развеселились. Наверное, из-за выпитого. Роси открыл окно со своей стороны и стал ма-

хоть рукой машинам, которые мы обгоняли. Лион тихонько сидел, временами отпивая глоток пива, но я чувствовал, что ему тоже нравится поездка.

– Мы к озеру поедem, – решила Рози. – Ага? Там есть кострища и скамейки. Найдем место, чтобы никого не было, и устроим там пикник.

Она говорила чуть громче, чем обычно, но в общем-то держалась хорошо. У меня даже возникло подозрение, что Рози не в первый раз пробует коньяк.

– Давай! – решил Роси. – Это клево. Зажарим колбаски на огне!

Я тоже не спорил. Я никогда в жизни не бывал ни на одном пикнике и не представлял, где и как его лучше проводить.

Вскоре мы свернули с трассы на узкую дорогу, где даже не стояли фонари. А потом вообще на «проселок» – грунтовую дорогу. Роси объяснил, что в лесу запрещено прокладывать нормальные дороги, чтобы не нарушать экологию.

Но джипу все было нипочем – что бетон под колесами, что земля, что снег. Мы перли вперед, Рози залихватски рулила, и в общем-то, когда она смотрела, что делает, автоводитель не вмешивался. Вскоре впереди показалось озеро.

Я даже присвистнул – так это было красиво!

У нас в куполе была река – которая текла по кругу, только на одном участке скрывалась под землей. Было маленькое озеро.

Только все это было ненастоящее. Сделанное людьми. И

пусть у реки были обычные берега, а озеро имело неправильную форму – все равно почему-то чувствовалось, что это не природа.

А здесь озеро было почти круглым. И при этом – настоящим! И старые деревья вокруг озера никто не высаживал, они росли сами: и земные, и остатки местной флоры, которая адаптировалась. И здесь наверняка жили настоящие зверьки: мыши, зайцы, лисы. И снег на ветках был не потому, что администрация купола перед выборами решила устроить всем настоящий Новый год, снизила температуру и включила на полную мощность водные распылители...

Это было озеро, лес и снег. Здесь можно было по-настоящему играть. А может быть, даже жить. В маленьком домике, который надо отапливать, сжигая куски деревьев, а на обед готовить зверей, которых удалось подстрелить в лесу.

Все настоящее!

– Как здорово, – сказал я.

Машина уже ехала вдоль берега, слева был лес, справа – заснеженный ледок.

– Ага, красиво, – согласился Роси.

Они не понимали. Они были богачами, такими немислимыми богачами, что дух захватывало! Рядом с ними жил своей жизнью целый мир.

А они только иногда выбирались к озеру на пикник.

Я посмотрел на Лиона. Взял его за руку, шепотом сказал:

– Ты меня понимаешь, я знаю. Вот ты – понимаешь.

Как жалко, что он не может мне ответить... без приказа. И не может завопить от восторга и запрыгать на сиденье, озираясь по сторонам. Ему ведь пришлось еще хуже, чем мне, у него совсем не было неба и солнца над головой.

Мы проехали мимо двух или трех машин, которые остановились у озера. Тоже на пикник. У машин были люди, они даже поставили большие теплые палатки и стол для барбекю. Четверо парней в одних плавках играли на снегу в футбол. Ничего себе! Я на градусник утром смотрел, было три градуса ниже нуля!

– Это моржи, – сказал Роси. – Они всегда по субботам ездят сюда отдыхать. Потом еще купаться будут, вот увидишь.

Миновав моржей, мы проехали еще с километр и остановились у заснеженного деревянного павильончика, где стояли стол и скамейки, тоже из настоящего дерева. Чуть дальше к лесу стояла будочка биотуалета. И никого, только дикая природа!

– Здесь и остановимся, – вырвав к павильону, сказала Рози. – Мы тут в прошлом году весной были, когда в грозу попали. Помнишь, как удочку потерял, растяпа?

На этот раз Роси нашлось чем ответить:

– Помню-помню! Это когда одну плаксу пчела укусила и визг стоял на все озеро?

Рози смолкла.

Мы выгрузились из джипа, оттащили под навес наши сумки. Стряхнули снег со стола и скамеек, потом вымели его

с пола наружу – у дверей стояло несколько веников. Розилловко раскрутила и опустила матовые пластиковые шторы, закрыв павильон от ветра, потом бросила в маленькую печку пару топливных брикетов и разожгла особыми туристическими спичками.

– Рози у нас специалист по выживанию, – сказал Роси. На этот раз без всякой насмешки, а с гордостью за сестру. – С ней в лесу не пропадешь.

– Через полчаса можно будет снять куртки! – гордо объявила Рози. – А теперь я вас на минутку покину, мальчики.

Она направилась к туалету, а мы с Роси принялись расставлять на столе продукты, подстраивать портативный телевизор, распаковывать наборы с посудой. Рози и Роси хорошо подготовились, ничего не забыли. Можно было бы придумать работу и для Лиона, но пришлось бы каждый раз давать ему задание.

– Мы как первопроходцы, – сказал Роси. – Как пионеры, что покоряли Авалон! С лазерным ружьем в руках и набором биокультур в пробирке – против целого мира, дикого и свирепого!

Фраза, наверное, была из учебника, а не его. Слишком уж напыщенная. Впрочем, Роси тут же о ней забыл, забеспокоившись:

– Ты пока разогрей бутерброды. Я должен маме позвонить, что мы добрались, а телефон в машине остался!

Я положил бутерброды в микроволновку, включил разо-

грев, наблюдая, как Роси, смешно подпрыгивая, бежит по снегу к машине. Он, конечно, бывает ехидным, но вообще-то славный.

Мне было очень хорошо сейчас. Я даже подзабыл о биче, из-за которого меня рано или поздно ждут неприятности.

– Лион, хочешь есть? – спросил я.

– Да, – ответил он. – Бутерброд.

Это было что-то новенькое! Раньше мне потребовалось бы задать Лиону еще один вопрос – что именно он хочет!

– Бери, – сказал я, протягивая ему бутерброд с ветчиной.

Он взял, но есть не спешил.

– Ты другой хочешь? – догадался я.

– Да. С сыром.

Я бросился к микроволновке так быстро, что чуть не упал. Достал бутерброд с сыром – горячий, шипящий, покрытый расплавленной сырной лепешкой. А тот, что с ветчиной, забрал себе.

– Лион, тебе уже лучше! Точно лучше, я вижу! – сказал я.

Но его словно вновь накрыло колпаком. Он стал молча жевать бутерброд, а тут одновременно вернулись Розы и Роси.

– Ага, еда готова! – выпалил Роси, пряча в карман телефон. – Это круто. Тиккирей, доставай пиво!

– А не рано? – спросил я.

Розы фыркнула:

– Ты же не хочешь, чтобы я пьяная машину вела?

Я не стал спорить и достал всем еще по бутылке пива.

В павильончике уже стало теплее, мы расстегнули куртки, а Роси распустил шов на комбинезоне.

– Тиккирей, а правда, что ты хочешь экстерном окончить школу? – спросила Роза.

– Правда, – сказал я. – Я посчитал, что за три года пройду полный минимальный курс.

– Ты лучше учись по-нормальному, – предложил Роси. – Вместе с нами. Куда ты торопишься?

Я пожал плечами. Ну как им объяснить, что мне смешно сидеть вместе с ними на уроках, слушать преподавателя... а потом идти на работу в оружейную лабораторию или заниматься домашним хозяйством? Никак я уже не смогу стать таким, как они.

– Тяжело учиться и работать сразу, – сказал я. – Чего ж тут непонятного? Лучше вы школу оканчивайте экстерном.

– В школе интересно, – сказал Роси. – Зря ты так. Интересно и нет лишней ответственности.

– Да, наверное, – согласился я.

Мы еще немного поспорили, но вяло. Они в общем-то меня понимали, просто им не хотелось, чтобы я уходил.

– Тебе надо пойти учиться на пилота, – сказала Роза. – Папа недавно говорил, что ты будешь хорошим пилотом, поскольку побывал среди расчетных модулей. Значит, будешь к ним относиться по-человечески. А это очень полезно для социальной гармонии общества.

На меня повеяло глухой тоской. Стась, когда уговаривал

меня пойти в обычную школу параллельно с работой, говорил, что «общение со сверстниками скажется на твоём гармоничном развитии». Я послушался, но так с ним и не согласился. И вот сейчас то же самое ощущение: вроде бы все правильно, но...

Не хочу я быть пилотом и относиться к расчетным модулям «по-человечески». Ведь это все равно подло – позволять людям становиться молчаливыми зомби. Разве что на сверхмалом корабле, как у фагов. Но таких кораблей почти что и нет...

– Пошли кататься по льду, – предложил Роси.

– Ты что, машина провалится! – вскинулась Роза. – Лед тонкий!

– Да не на машине, просто так!

Роза пожала плечами.

– Пошли, Тиккирей?

– Идем, – согласился я. Никогда еще мне не приходилось кататься по льду. А ведь это должно быть интересно, лед же скользкий!

Задернув за собой полог, мы выскочили из павильончика. Лиона я вел за руку, чтобы не вдаваться в долгие объяснения.

– О-го-го! – завопил Роси, отбрасывая пустую бутылку пива. Разбежался, с воплем прыгнул на припорошенный снежком лед и покатился. Я внимательно смотрел, чтобы запомнить, как это делается.

Вроде бы все было очень просто. Вначале разбег, потом на лед – и дальше уже ногами не шевелишь, только держишь равновесие. Наверное, трудней будет снова разгоняться на льду... ага, вот как это Роси делает: мелкими шагами, поднимая ноги, а потому будто прыгает вперед.

Рози бросилась вперед вслед за братом. Она равновесия не удержала, плюхнулась и поехала на мягком месте, хохоча и вращаясь.

– Лион, ты тут постой, – попросил я. Разбежался и тоже прыгнул на лед.

Забавно...

Это оказалось не очень сложно и действительно интересно. Я подумал о том, что в городе есть парк с катком и там на льду катаются на специальных приспособлениях, коньках. Надо будет туда походить, потому что у меня здорово получается...

И тут я тоже плюхнулся на спину, покатился ногами вперед, сбил смеющегося Роси. Рози, успевшая уже подняться, радостно потешалась над нами.

– Ой, извини, – сказал я.

– Ничего. – Роси встал на четвереньки, поднимаясь. Его спина смела весь снег со льда, и я увидел, что лед – прозрачный. Даже видно дно!

– Ого, гляди! – воскликнул я.

Роси глянул под ноги и как-то сразу перестал веселиться. Осторожно отошел на заснеженный участок.

– Ты чего? – спросил я, растянувшись на льду и наблюдая за подводным миром. Может быть, получится увидеть рыб?

– Лед совсем тонкий, оказывается, – виновато сказал Роси. – Знаешь... наверное, опасно кататься.

К нам ловко подъехала Рози. Завопила:

– Вы что встали?

– Рози, глянь, лед совсем тонкий! – Роси носком ноги показал на чистый участок. И тут же вскрикнул, отскакивая в сторону. Завопил: – Я когда на одной ноге стоял, у меня лед захрустел под ногами! Пойдемте!

– Да брось... – неуверенно сказала Рози. – Тиккирей, ты хоть не боишься?

– Нет, – сказал я. Я просто не мог понять, чего они боятся. Если мы ходим по льду и он не ломается, то с чего бы вдруг все изменилось?

– Вот видишь, Тиккирей не боится! – заявила Рози.

– Он не понимает просто. – Роси паниковал все больше и больше. – А помнишь, мама рассказывала, как у нее в детстве одноклассник утонул? Провалился под лед и утонул!

Я начал вставать. А Рози раздраженно сказала:

– Да прочный лед, прочный!

И подпрыгнула несколько раз на месте. Роси стих, втянув голову в плечи. Я так и застыл на четвереньках, потому что мне почудился тонкий хруст.

Рози его, наверное, не услышала.

– Вот видишь? – спросила она и подпрыгнула еще раз.

Прямо под ее ногами лед вдруг расколола трещина. Тонкая, ветвистая. Розы с визгом отскочила в сторону и бросилась к берегу. А я так и стоял на четвереньках, зачарованно глядя на бегущий ко мне зигзаг. Трещина все расширялась, было видно, что толщина льда – сантиметра четыре, а под ним – черная парящая вода.

– Тиккирей, беги! – закричал Роси. И тоже рванулся к берегу.

А я бежать уже не мог. Трещина пробежала как раз подо мной. Руки остались на одной стороне, ноги – на другой. И трещина медленно расширялась.

– Тиккирей, ты чего! – Розы стояла уже на берегу, метрах в двадцати от меня. – Вставай!

– Как? – закричал я в ответ. Мне ни капельки не было страшно, вот только я понимал, что подняться не смогу – я теперь мостиком выгибался над трещиной, в которой было сантиметров сорок.

И она все увеличивалась.

– Роси, Роси, ну придумай что-нибудь! – закричала Розы.

Я увидел, что Роси осторожно ступил на лед, пошел ко мне – и тут же бросился обратно, потому что лед начал трещать прямо у него под ногами.

– Тиккирей! – кричала Розы.

Я понял, что придется прыгать в воду. Вот ведь не повезло! Конечно, если я спрыгну, то потом легко выкарабкаюсь на лед и выбегу на берег. Придется сушиться, и все равно

можно простыть и заболеть, но другого выхода нет.

– Ребята, я прыгаю в воду! – крикнул я. – Потом выберусь!

– Не надо! – завопил Роси.

Но я уже прыгнул.

Ой...

Вода была – словно кипяток! Ничего себе! Как в ней моржи купаются! У меня перехватило дыхание, я ушел с головой, вынырнул, больно стукнувшись плечом о лед.

– Тиккирей!

– Сейчас, – пробормотал я, переводя дыхание. Вода больше не казалась горячей, а стала обжигающе холодной. Точно простыну...

Я вцепился в кромку льда, подтянулся, вытаскивая тело из воды. Вначале все шло хорошо, я даже высунулся из воды по пояс и почувствовал, как ветер холодит мокрую голову.

А потом лед хрустнул у меня под руками, раскололся, и я снова ушел под воду!

Вот теперь мне стало страшно. Я понял, что случилось: едва я высовывался из воды, как вес тела увеличивался и лед переставал меня держать.

Но что же мне тогда делать? Как выбираться?

– Ребята, помогите! – крикнул я.

Рози стояла у берега молча, схватившись за голову и оцепнев. А Роси метался туда-сюда, то бросался к джипу, то возвращался обратно и что-то сумбурно кричал.

Лион молча пошел вперед.

– Стой! – крикнул я. – Лион, стой, не двигайся!

Конечно же, он остановился. Только этого мне не хватало, чтобы он провалился...

Я стал осторожно, бочком забираться на лед. Так, чтобы площадь опоры была больше. И это у меня почти получилось – я даже выбрался полностью!

После этого кромка льда снова обломилась вместе со мной.

Я опять с головой ушел под воду, вынырнул...

И вдруг понял, что тело начало меня плохо слушаться.

Наверное, от холода. А может быть, еще от страха.

– Я не хочу... – прошептал я. – Не хочу...

Что-то шевельнулось на моей правой руке. Раздвинуло мокрый свитер и серебристой лентой выстрелило вперед. Впилося в лед в метре от края.

Бич!

Я не знал, какие в него вложены рефлексy. Может быть, он вовсе не умел спасать утопающих, а просто хотел сам выбраться из ледяной воды. Но он меня не отпускал, и я мог за него держаться... хоть как-то.

Им надо просто притащить веревку – понял вдруг я. Обычную длинную веревку, наверняка в джипе такая есть. Кинуть мне, я уцеплюсь, и они меня вытянут с берега. Надо им крикнуть.

Но я не мог. Язык будто отнялся, и все, что я мог, – это цепляться за лед и смотреть на такой близкий берег.

На Лиона, который лег на лед и стал ползти ко мне.

Это кто-то из них ему велел... Розы или Роси... вот труссы...

Он ведь даже плавать не умеет!

Лион полз быстро. Когда он оказался в метре от меня и его рука легла на голову бича, впившегося в лед, я собрался с силами и велел:

– Ползи обратно!

Лион с секунду молчал, глядя на меня. А потом очень серьезно сказал:

– Заткнись.

Если бы не бич, я бы сейчас разжал пальцы и снова ушел под воду. От неожиданности.

– Хватай меня за руку, – сказал Лион, протягивая руку. – И ложись на лед. Плашмя.

Как во сне я протянул ему руку, вцепился – и Лион медленно потащил меня за собой. Я уже едва мог двигаться, но все-таки стал ложиться на лед.

И тут мне помог бич. Уж не знаю, как он держался за лед, каким образом ввинтился в него – но тянул именно так, как надо. Плавно и сильно.

Через минуту я лежал на льду. Носками ботинок – еще в воде, но лед держал.

– Ползем, – сказал Лион. – Ползем быстрее.

Быстрее у меня не получалось. Но мы все-таки ползли – все дальше и дальше от полыньи. Бич помогал мне первые

метры, а потом втянулся в рукав.

И мы ползли, пока не уткнулись в ноги Розы и Роси. Близнецы так и стояли на берегу, боясь сделать на лед хотя бы шаг, – хотя там лед-то был до самого дна.

– Тиккирей... – радостно сказала Роза, размазывая по лицу слезы и сопли. В руках у нее был телефон – видно, вызвала помощь. Хоть до чего-то додумалась...

А Роси все так и суетился рядом – то пытаюсь подойти, то делая шаг назад.

Я повернул голову и посмотрел на Лиона. Тот часто дышал, облизывая губы.

– Ты нормально? – спросил я.

– Ага...

– Лион... ты совсем нормально!

– Угу... – Он вдруг улыбнулся. – Тиккирей... ты что, специально провалился?

Я сейчас лежал словно в холодильнике. Весь в мокрой одежде и на морозе. Но даже не чувствовал холода.

– Нет, не специально, – сказал я. – Но я бы прыгнул... если бы знал, что так получится.

Кое-как выпрямившись, я помог встать Лиону. И тут наконец к нам подскочил Роси, схватил меня за руку, выпалил:

– У тебя здорово получилось, мы всем скажем, что ты настоящий герой!

– А ты трус, – сказал я. И на негнущихся ногах побежал к павильону. Лучше было бы к джипу, там теплее. Но мне

сейчас не хотелось садиться в их машину.

– Тиккирей... – жалобно крикнул вслед Роси. – Ну ты же сам виноват, что провалился!

Я не ответил. Заскочил в павильон и стал скидывать мокрую одежду. Следом вбежал Лион. Спросил:

– У тебя есть что-то сухое?

Я покачал головой.

– Сейчас...

Он собрался было кинуться обратно, но тут влетел Роси. Весь переполненный раскаянием, с мокрыми красными глазами и вжатой в плечи головой. Выпалил:

– Тиккирей, там флаер летит...

– Снимай комбез, придурок! – крикнул на него Лион.

Роси оцепенел, часто мигая. До него только дошло, что Лион стал нормально разговаривать.

– А?

– Я тебе сейчас морду начищу, – воинственно пообещал Лион. – Снимай комбинезон!

Роси стал торопливо раздеваться. Под комбинезоном у него еще оказался теплый вязаный костюм. Я разделся догола, торопливо нырнул в комбинезон Роси... тоже неприятно, что этот трус мне помогает, но не замерзать же заживо! Я все-таки не морж!

– Возьми у сестры коньяк и тащи сюда! – Лион продолжал командовать Роси. И тот послушно кинулся из павильона. Я сел на скамейку, обхватил себя руками за плечи. Меня всего

трясло, тепло никак не возвращалось в тело. Бич беспокойно шевелился на руке. Заметили его близнецы или нет? А если заметили, то поняли, что это такое?

– Тиккирей, я чаю тебе налью. – Лион стал возиться с термосом.

Интересно, как он догадался лечь и ползти? Ведь это так и делается, я в одном фильме видел, как спасали человека, провалившегося под лед. А потом его поили горячим чаем и коньяком.

Где-то совсем рядом с павильоном сел флаер – по матовым шторкам скользнула тень, и они задрожали от порыва ветра. Через несколько секунд опустилась еще одна машина, подальше.

– А вот и «скорая помощь», – пробормотал я. Что же делать с бичом? Меня сейчас повезут в больницу, станут осматривать, сунут в горячую ванну... и это все правильно, наверное. Но они ведь увидят бич! Отдать Лиону? Это значит впустить его в мое преступление... тоже нельзя.

На миг заглянул в полог Роси, сунул Лиону фляжку. Тот молча взял ее, плеснул в кофе коньяку, протянул мне. Я выпил залпом.

Ого... никогда не думал, что спиртное может быть приятным!

– Что теперь будет... – прошептал я. Поднял глаза на Лиона и сказал: – Но зато ты поправился! Как это получилось, Лион?

– Словно... – начал было Лион. Но тут полог павильона откинулся и вошел Стась. Где-то в отдалении, за его спиной, маячили Розы, Роси и еще какие-то люди.

– Стась... – только и сказал я. У меня даже мысли не было, что он на Авалоне!

– А кого ты хотел увидеть? Императора? – в своей обычной манере ответил Авалонский Рыцарь. Подошел ко мне, потрогал комбинезон, удовлетворенно кивнул. Понюхал чашку из-под кофе, тоже кивнул.

– Стась... – повторил я.

– Коньяк еще есть? – вопросом ответил Стась. – Полагаю, вмешивать медиков нам не стоит... но растереть тебя необходимо.

– Есть. – Лион протянул ему фляжку. – Вроде бы хороший.

– Ого. – Стась секунду испытующе смотрел на Лиона, потом покачал головой. – Ладно, потом. Скидывай комбинезон. Приживлять отмороженные пальцы – скучное и дорогое занятие.

– Стась, – в третий раз повторил я. И почувствовал, что реву. – Стась, я тут такого натворил... не надо мне никаких растираний сейчас...

– Ты про украденный бич? – спросил Стась. – Я поэтому и запретил врачам входить. Слухов нам только не хватало...

Он приложился к коньяку, хмыкнул, тряхнул фляжкой, потом сказал:

– Лион, будь другом, сбегай к врачам и возьми у них флягу спирта. Переводить такой коньяк на растирания – преступление против виноделия.

– Ага, – крикнул Лион, выбегая.

Я посмотрел Стасю в глаза и спросил:

– Меня посадят? За бич?

Авалонский Рыцарь вздохнул:

– Кому ты собирался его передать, Тикки? Или хотел просто продать?

– Продать? – растерялся я. – Стась... он ко мне привязался... я не мог его бросить в утилизатор! Это же как убийство!

– Тиккирей, этот бич уже четыре года используют для проверки новых сотрудников на благонадежность. – Стась допил коньяк, аккуратно поставил фляжку на стол. – Там абсолютно разбалансированный блок импринтинга, он ни к кому не может привязаться.

Я не стал отвечать, просто протянул руку – и бич выскользнул из рукава, выставив вперед крошечную плазменную пушку.

Вот это был эффект! Стась вздрогнул, и его собственный бич вырвался, готовый к бою.

– Да быть того не может! – с чувством сказал фаг, глядя на привязавшееся ко мне оружие.

Вернулся Лион с прозрачным флаконом.

– Меня посадят? – снова спросил я. – Или выгонят с планеты?

– Теперь уже – не знаю, – ответил Стась. – Лион, мальчик, это чистый спирт? Или смесь для растирания?

– Они хотели дать смесь, но я сказал, что нужен именно спирт, – ответил Лион.

– Неужели ты от природы такой сообразительный? – откупоривая флакон, спросил Стась. – Тиккирей, сейчас тебе придется глотнуть самого невкусного из всех спиртных напитков. Надеюсь, это надолго избавит тебя от желания пробовать алкоголь.

Я кивнул. Я на все был готов.

Глава 3

Отопление Стась включил на полную мощность, и теперь мне было даже жарко. Я лежал на диване, закутавшись в одеяло, и слушал фага. Голова до сих пор кружилась, и во рту был гадкий привкус. Еще все казалось смешным, будто в мультике, хотелось закрыть глаза и подремать. Это от спирта... Во флаере я вообще заснул.

– Наша организация – открытая система, – негромко говорил Стась. – Мы принимаем к себе людей с самых разных планет Империи. Но каждый, будь он хоть дворником, хоть грузчиком на складе, подвергается различным проверкам. Это неизбежно, ты понимаешь, Тиккирей?

Я вяло кивнул.

– Против тебя никаких возражений не было, – продолжал

Стась. – Твоя легенда была полностью проверена. Вышло, что все так и есть, что ты и впрямь тринадцатилетний мальчик Тиккирей с планеты Карьер, отработавший два рейса в качестве расчетного модуля на корабле «Клязьма». История твоя невероятная... но мы привыкли к невероятным историям. А психотип любого из фагов неизбежно содержит в себе изрядную долю сентиментальности. – Он усмехнулся. – Иначе мы превратились бы в свору самоуверенных убийц.

– А сентиментальных убийц не бывает? – тихо спросил Лион. Он сидел рядом со Стасем, в соседнем кресле.

– Только в кино, – отрезал Стась. – Тиккирей, никто не сомневался в тебе... особо. Но есть стандартные методы проверки на благонадежность. Ты прошел шесть тестов, на седьмом – сломался. Поскольку курировал тебя я, мне немедленно сообщили...

– Стась, что мне было делать? – спросил я. – Ну я же не подозревал, что бич – проверка! Я подумал, что он привязался ко мне и теперь его убьют... я ведь не рыцарь, я не имею права носить оружие!

– Он и впрямь привязался, – согласился Стась. – Никто этого не ожидал, Тиккирей... и что теперь делать, я не знаю. Случай совершенно особый, прецедентов нет.

Я молчал.

– Ладно, это мы будем решать позже, – сказал Стась. – Лион, теперь мне надо поговорить с тобой.

– Да? – Лион поднял голову.

– Расскажи мне все, с самого начала, – попросил Стась. – С того момента, как тебе... как ты... – Он смешался. – С того момента, как ты попал под удар Инея.

Лион на миг задумался:

– Я захотел спать. Просто захотел спать.

– Так... – подбодрил его Стась. – Кстати, учти, что это официальный разговор и он записывается.

Лион кивнул:

– Ага, понимаю... Мы и так уже спать ложились... а тут словно навалилось что-то. Сестренка сразу утомилась... а я с ног валился. Я разделся и лег.

Стась ждал.

– Потом мне снились сны, – тихо сказал Лион.

– Какие сны, мальчик? Ты помнишь?

– Странные. Но красивые.

Лион вдруг покраснел.

– Рассказывай, не стесняйся, – мягко попросил Стась. – Что тебе снилось?

– Да глупости какие-то. – Лион тряхнул головой. – Всякая ерунда, честное слово!

– Лион, это важно. Понимаю, у мальчиков в твоём возрасте бывают всякие волнующие сны...

Лион засмеялся:

– Да нет, вы не поняли! Мне снилось... – Он задумался. – Ну, к примеру, что я – герой. Понимаете? Настоящий герой, спаситель всей Вселенной. Что я сражаюсь с какими-то зло-

деями, бегу по улице – такой длинной, мрачной, дома полуразрушенные, и отовсюду стреляют. А я стреляю в ответ, и мне совсем не страшно, наоборот. Словно это игра... нет, игра – это несерьезно. А во сне все было очень важно!

– Так... – удивленно сказал Стась. – Так...

– Еще мне снилось, что я работаю на заводе, – сказал Лион. – Мы там что-то строили. Во сне я все понимал, а сейчас – уже нет. Мы там долго работали.

– Мы?

– Я и еще какие-то люди. – Лион пожал плечами. – Кажется, там Тиккирей был. Еще наши ребята, со станции. Хорошие ребята. Мы что-то строили... – Он задумался. – Я был инженером... или техником, не помню. Или и инженером, и техником.

Стась молчал. А Лион уже вошел во вкус и продолжал рассказывать:

– А еще мне снилось, что я взрослый...

– В предыдущих снах ты был ребенком? – быстро спросил Стась.

– Нет... не помню. Может быть, тоже взрослым. Не знаю. А тут точно взрослым. У меня была жена и пятеро детей.

Я хихикнул. Почему-то мне это показалось очень забавным.

– Ага, смешно, – согласился Лион. – У меня была жена, я с ней обсуждал, как вести домашнее хозяйство и куда мы поедем отдыхать в отпуск. А детям помогал делать уроки и

играл с ними в бейсбол. Потом дочка... – он поморщился, – нет, не помню, как ее звали... вышла замуж. У нее тоже было много детей. И у остальных моих детей тоже. А потом... потом... Потом я состарился и умер. Все собрались на мои похороны и говорили, каким я был замечательным человеком и какую хорошую жизнь прожил.

– Ты. Умер. Во. Сне? – четко выделяя каждое слово, спросил Стась.

– Да.

– Не умирал, а именно умер?

– Ну конечно, я даже похороны помню! – с удивлением ответил Лион.

– Тебе было страшно?

– Нет... совсем. Да я ведь понимал, что это сон!

– Все время?

– Да. Все время. Я даже немного замечал, что вокруг происходит. Как вы меня подняли, завернули в одеяло и понесли. Как мы по городу ехали, а там в окнах были экраны и на них люди веселились... А потом меня подключили к компьютеру и сны кончились.

– Все сны пронеслись так быстро? До момента подключения к кораблю?

– Да.

– Неудивительно, что твой мозг работал настолько интенсивно. Лион, ты понимаешь, что это было воздействие психотропного оружия?

– Понимаю, – согласился Лион. – Только зачем? Со мной же ничего не случилось!

– Что было дальше? – спросил Стась.

– Дальше сны пропали, – сообщил Лион. – Все начало тускнеть... и исчезло. Потом я открыл глаза, и вы со мной говорили. Я был в корабле. Вы спрашивали всякие вещи, я отвечал. И мне было скучно. Очень скучно.

– Сколько лет ты прожил в снах, мальчик? – спросил Стась.

– Лет семьдесят, наверное, – спокойно ответил Лион. – Вначале я воевал, это было лет пять... Потом, когда на заводе работал... еще лет пять, наверное. И снова воевал, лет пять. А потом жил.

– И ты помнишь всю эту жизнь?

– Ну... почти. Не точно, но помню.

Стась кивнул. Протянул руку, потрепал Лиона по голове.

– Я понимаю. Ты молодец.

– Почему молодец?

– Что выполз. Значит, дальше тебе было скучно, так?

– Угу. – Лион задумался. – Нет... это не так. Не просто скучно... а словно бы... словно повтор. Словно это теперь я сплю и мне все снится! А то, что было раньше, – это и была настоящая жизнь. И мне ничего не хотелось делать. Потом мы поехали на озеро, и тут...

Он замолчал.

– Попытайся вспомнить этот миг, – попросил Стась. – Это

очень важно, ты ведь понимаешь?

– Когда Тиккирей стал тонуть, это было неправильно... – тихо сказал Лион. – Совсем неправильно. Так не должно было случиться, понимаете?

Стась кивнул, напряженно глядя на Лиона.

– И я стоял, смотрел... – Теперь Лион говорил очень медленно. – А такого не должно было быть. Я не знаю, как я сумел... только я лег и пополз. И все вдруг стало наоборот. Это все стало настоящим, а то, что было, – сном!

– До этого ты не понимал разницы? – уточнил Стась.

– Понимал! – выкрикнул Лион, и я вдруг увидел, что у него в глазах слезы. – Я понимал, только это было совсем не важно. Это как во сне – понимаешь, что сон, ну и что с того? Тут я понимал, что все настоящее, но это ничего не значило. И вдруг все изменилось! Словно я проснулся.

– Тихо, тихо... – мягко сказал Стась, опустил руку на плечо Лиона. – Если тебе тяжело, то не говори.

– Да я уже все рассказал, – пробормотал Лион. – Совсем все.

– Тебе придется снова это рассказать. Со всеми подробностями. Не сегодня, но придется. Специалистам.

Лион кивнул.

– Ладно, ребята. – Стась поднялся. – Я заеду к вам завтра утром. Сейчас мне придется поговорить с некоторыми людьми...

– Стась, что со мной будет? – не удержался и снова спро-

сил я.

– Ничего плохого, – твердо сказал фаг. – Абсолютно.

– Слово Авалонского Рыцаря? – спросил я.

Стась посмотрел на меня очень странно. Но сказал:

– Да. Слово Авалонского Рыцаря. Я даю тебе слово, что с тобой все будет в порядке. Отдыхайте, ребята. И постарайтесь сегодня больше не попадать в неприятности.

Лион вышел его проводить. А когда вернулся, я уже отрубался и едва смог на него взглянуть.

– У тебя глаза слипаются, – сказал Лион.

– Угу... – согласился я. – Это от спирта...

И уснул.

Долго поспать мне не удалось. Проснулся я от того, что на столе пищал телефон. Лион, видно, ушел спать в спальню, а я так и остался на диване. Голова у меня все еще оставалась тяжелой, но хихикать больше не хотелось, и вообще опьянение прошло.

Не включая свет, я вскочил, схватил помаргивающую огоньками трубку, ответил:

– Алло!

– Тиккирей?

Мне стало не по себе. Это был Роси. Я покосился на часы – было два ночи.

– Да, – сказал я.

– Тиккирей. – Он говорил очень тихо, видно, чтобы никто

его не услышал. – Ты как, Тиккирей?

– Нормально, – ответил я. Все ведь и впрямь было нормально.

– Ты не заболел?

– Нет. – Я забрался обратно под одеяло, не выпуская из рук трубку. – Меня Стась заставил выпить спирта, а потом еще растер им с головы до ног. Дома я полчаса просидел в горячей ванне, а потом забрался под одеяло. А сейчас уже давно сплю.

Роси не стал извиняться, что разбудил меня. Он помолчал, а потом спросил:

– Тиккирей, а как теперь?

Я понял, о чем он. Но не удержался и все-таки спросил:

– Что теперь?

– Как мне теперь? – спросил Роси.

– Слушай, ничего страшного ведь не случилось! – сказал я. – Совсем ничего! Я, может, даже не простыну!

– Как мне теперь? – повторил Роси.

И несколько секунд мы молчали в трубки. Потом он заговорил:

– Тиккирей, ты не подумай, что я трус. Я не трус. Правда. Нет, ты ничего не говори, ты послушай!

Я молчал. Слушал.

– Я не знаю, как так со мной получилось, – быстро сказал Роси. – Я ведь знал, как надо поступать, если кто-то провалился под лед. Понимаешь? Нас на уроках выживания еще

во втором классе учили. И когда ты провалился, я знал, что надо делать. Я сразу подумал, что надо лечь и подползти к тебе и бросить тебе веревку или ремень или протянуть длинный шест...

Он замолчал.

– Роси... да ладно... – сказал я. Когда все только случилось, я подумал, что я его ненавижу. И его, и Розы, и что обязательно всем расскажу, какие они трусы и предатели.

Теперь я понимал, что не стану так делать.

– Я ведь все знал, – повторил Роси. Голос у него был такой, будто он целую вечность не разговаривал, а сейчас снова начал – и никак не может научиться правильно складывать слова. – Ты понимаешь, Тиккирей... я все знал, а сделать ничего не мог. Бегал по берегу и хотел, чтобы все быстрее кончилось. Хоть как-то. Чтобы ничего не надо было делать. Понимаешь? Пусть даже ты утонешь! Я не знаю, Тиккирей!

И он тихонько заплакал.

– Роси... – пробормотал я. – Ну что ты. Ты просто растерялся. Такое со всеми бывает.

– Такого – не бывает! – почти выкрикнул Роси. – Ты Лиона не бросил на Новом Кувейте!

– Но Лион ведь мой друг, – ответил я.

И понял, что, сам того не желая, сделал Роси очень больно.

– Понимаю, – тихо сказал он. – Я просто очень хотел, чтобы мы подружились, Тиккирей. Честно. Потому что ты ка-

кой-то... особенный. У нас никого больше в школе нет... такого. Мы ведь теперь не сможем подружиться, Тиккирей?

Я молчал.

– Не сможем, – горько повторил Роси. – Потому что ты всегда будешь помнить, что я тебя предал. Не знаю почему...

Я думал о том, что для меня вся эта беда уже кончилась. Даже, наоборот, превратилась в радость – потому что Лион стал нормальным, потому что приехал Стась, потому что мою выходку с бичом, может быть, простят. А для Роси все перевернулось. Навсегда. Ведь они здесь все живут хорошо, и редко такое случается, чтобы можно было совершить подвиг. Ну, не подвиг... поступок. Может быть, вся школа бегала бы по берегу и не решилась помочь мне! Но теперь все будут говорить, что они обязательно пришли бы на помощь, не испугались. А Роси точно знает – он трус и предатель. Его сестра хотя бы догадалась позвонить и вызвать спасателей...

– Тиккирей, – сказал Роси. – Мне сегодня очень попало дома. И мне, и Розе... Ты не думай, что у меня отец такой... выпивоха и болтун. Он мне очень правильно сегодня все говорил. Только... только я и так все это понимаю. Мне ничего объяснять не надо. Я бы сейчас все отдал, чтобы ты снова упал под лед, а я тебя спас!

Я подумал, что совсем не хочу снова под лед. Даже если меня спасут. Но вместо этого сказал:

– Роси, если ты опять попадешь в такую ситуацию, то все сделаешь правильно. Обязательно!

– Да, только для тебя я теперь враг, – горько сказал Роси.

– Нет!

– Но и не друг.

И я промолчал.

– Нас в другую школу переведут, – прошептал Роси. – Я сам попросил родителей... они согласились.

– Роси, не надо. Я никому не скажу, что случилось!

– Это мне надо, – твердо ответил Роси. И я понял, что он прав. Но все-таки сказал:

– Роси, я вовсе не обижаюсь. И хочу учиться вместе с вами.

– Нет, Тиккирей. Не стоит. Ты только меня прости, хорошо? И извини, что я тебя разбудил. Спокойной ночи.

Он отключил телефон.

Я положил трубку на пол рядом с диваном. Уткнулся в подушку и подумал, что сейчас хорошо было бы немного похныкать, а то и разреветься по-настоящему.

Если бы где-то рядом были родители, которые услышали бы мой плач и пришли, я так бы и сделал. Но у меня не было больше родителей. Уже два месяца, как не было.

Поэтому я просто закрыл глаза и попытался уснуть.

Мне повезло – я не заболел. И когда проснулся утром, то все было в порядке, только сильно хотелось пить.

И еще – было очень грустно.

Лиона я нашел на кухне. Он сидел у окна и пил чай с ва-

реньем.

– Привет, – сказал я. Все сейчас было чуточку глупо – будто на следующий день после тяжелого экзамена или... или как в тот день, когда родители ушли навсегда. Слишком много всего вчера случилось.

– Привет. – Лион на миг обернулся. – А красиво здесь, да? Я кивнул, налил себе чаю, сел рядом. И совсем не удивился, когда Лион спросил:

– Как ты думаешь, что с моими родителями?

– Ну, они живы... – пробормотал я.

– Я понимаю, – кивнул Лион. – Они теперь такие, каким я был? Зомби?

– Стась говорил, что не совсем так. Там все вроде бы как стали нормальные. Только они теперь присоединились к Инею и считают, что это самая лучшая планета в Империи.

Стась и впрямь рассказывал, что на Новом Кувейте все выглядит обыкновенно и мирно. Люди работают и даже веселятся как ни в чем не бывало. Насчет той ночи, когда вся планета заснула, даже не вспоминают. Когда на Новый Кувейт высадился личный посланник Императора, его встретил султан и заявил, что все нормально, что никакой агрессии против них не было, что они добровольно присоединились к Инею... а той ночью просто произошли небольшие беспорядки из-за болельщиков бейсбольного клуба «Ифрит». Молодежь, расстроенная поражением команды, напилась и даже захватила космопорт и центр космической связи. Были

жертвы. Но к утру порядок восстановили, и никаких проблем на Новом Кувейте больше нет.

Самое обидное, что, как сказал Стась, у Императора нет оснований вмешиваться. Любая планета может войти в союз с другой планетой, если это союз добровольный. А доказать, что Новый Кувейт захвачен, что все его жители были запрограммированы, не удалось. Единственное, что сделали в Империи, – это стали проверять все фильмы и обучающие программы, особенно сделанные на Инее. Если оказывалось, что там присутствует нераспознаваемая информация, то эти программы запрещали.

И таких программ нашли много. Хорошо еще, что на Земле, Эдеме и Авалоне, самых развитых планетах Империи, фильмы с Инея были не так популярны. Но даже здесь процентов двадцать населения могло в один миг оказаться зомбированными. А это очень много... поэтому никакой войны не было, Флот к Инею не вылетел, а ученые все пытаются разобраться в произошедшем.

– Император обязательно выяснит, в чем дело, – сказал я. – И Новый Кувейт освободят. Не может ведь Император позволить такое делать!

– Угу, – кивнул Лион. – Выяснит... Меня привяжут к койке и будут изучать целый год...

– Никто так не сделает!

Лион пожал плечами. Очень серьезно сказал:

– Ты знаешь, я даже спорить не стану. Если это надо, что-

бы всех спасти, – то пускай. Это будет честно.

– Перестань!

– Да ничего... – Лион молча бултыхал ложкой в остывшем чае. – Тиккирей, знаешь, как это страшно... прожить жизнь.

– Ты вправду думал, что это все настоящее?

– Да.

Он посмотрел на меня, и глаза у него были совсем другие, незнакомые. Усталые. Как у старика.

– Я воевал, Тиккирей, – сказал Лион. – И у меня был друг... – он запнулся, – вроде тебя. Только его убили, когда мы попали в засаду. Но я за него отомстил. У меня в руке, вот здесь, – он каким-то очень уверенным жестом коснулся запястья, – был маленький излучатель на браслете. Я поднял руки и вроде стал сдаваться. А потом включил луч и всех убил. И мы снова воевали...

На миг у него дрогнули губы.

– Ты знаешь, сколько я людей убил? – вдруг тонко выкрикнул он. – Семьдесят человек!

И то, что он сказал не сто и не тысячу, а именно семьдесят, – меня доконало. Даже руки задрожали, и я поставил чашку, чтобы не расплескать чай.

– А потом у меня появилась подруга, – сказал Лион. – Из пятой роты... мы после войны поженились. Я даже детей теперь умею воспитывать! Я все умею, как взрослый, совсем все! Тушить пожары, вытаскивать утопающих, управлять флаером! Я прожил целую жизнь и умер! Мне... мне

скупно, Тиккирей! И ничего не страшно, совсем!

– Это пройдет... – прошептал я.

– Что пройдет? Я все помню, все как вчера было! Ты знаешь, как горит небо, Тиккирей? Когда звено орбитальных штурмовиков заходит в атаку, а зенитчики ставят над позицией плазменный щит? Ты не знаешь... Начинается ветер, Тиккирей. Небо оранжевое, и воет ветер, он дует прямо вверх, так что за землю хватаешься, и воздух все суше и суше, а у меня кончились капсулы в респираторе, я тогда обжег горло, но зато штурмовики не успели отвернуть, они вошли в щит и растворились... словно белые кометы в оранжевом небе... А потом мы пришли в деревню, но имперская пехота оттуда уже ушла, и всех жителей убили за то, что они нас поддерживали... мужчин расстреляли... а женщин и детей согнали в мечеть, закрыли дверь и подожгли... они еще кричали, когда мы пришли, но там уже ничего не потушить было...

– Ка-какая имперская пе-пехота... – прошептал я. Голос у Лиона был страшным. Он не придумывал, не пересказывал книжку или фильм. Он вспоминал!

– Шестая авалонская бригада космопехоты, формирование – Камелот, командующий – генерал Отто Хаммер, эмблема – серебряный молот, падающий на горящую планету, – отчеканил Лион. – Мы воевали с Империей, понимаешь? Я воевал с Империей!

– Ты вчера не сказал...

– Я сегодня скажу. – Лион отвел глаза. – Я... боялся, что тогда меня сразу заберут.

– Но это же неправда! Это было во сне!

– Для меня это не было сном, Тиккирей, – сказал Лион. И мне вдруг почудилось, что со мной говорит взрослый, всего повидавший человек, а не ровесник с космической станции.

Но это длилось только секунду. Потом взгляд Лиона дернулся, будто он увидел что-то у меня за спиной. И он опустил глаза.

Я обернулся – в дверях кухни стоял Стась. Молча смотрел на Лиона, и в его глазах ничего нельзя было прочесть.

– Просто не хотел говорить вчера... – пробормотал Лион.

Стась подошел к нему, взъерошил волосы. Негромко сказал:

– Понимаю. Кто-то ответит за это, парень. Сполна ответит. Не бойся, Лион.

– Вы лучше меня прямо сейчас увезите и исследуйте, – пробормотал Лион. – Я так не могу. Оно все сильнее и сильнее вспоминается... у меня голова разламывается... не от боли. Я чего-нибудь натворю или с собой...

– Сейчас поедem, – сказал Стась. Он что-то лихорадочно обдумывал. – Ты знаешь что... продержись немного. Хотя бы сутки.

– А потом?

– Потом все будет хорошо. Лион, Тиккирей, одевайтесь. Позавтракаете в машине. У вас у обоих будет трудный день.

Машина у Стася была так себе. Не мощный джип-вездеход, не скоростная спортивная «пиранья», а здоровенный неповоротливый «Дунай». На работе у нас на таком ездит лишь одна женщина из технического отдела, толстая и медлительная.

Но Стасю словно бы было все равно, на чем ехать.

Мы с Лионом сидели позади, молчали, ни о чем его не спрашивали. Стась сам говорил, но больше о всякой чепухе. Об экспериментах в области глюоновой энергетики, которые позволят строить новые космические корабли. О том, что теоретически доказано существование гиперканалов, ведущих в другие галактики, и есть планы по их поиску. О том, что Император подписал указ о снятии «трехпроцентного предела» и теперь ученые могут по-настоящему улучшить человеческий геном, а не только по мелочам. О том, что заканчиваются съемки ретробоевика «Мудрец из Назарета» о христианской религии и в этом фильме все будет взаправду – и актеры живые, и декорации, и даже спецэффекты. Никаких компьютерных съемок, все настоящее! И даже актеры были введены в транс, не знали, что играют в фильме, а считали все правдой.

Стась умеет интересно рассказывать, если захочет, конечно. Но сейчас я понимал, что он просто заговаривает нам зубы, отвлекает. И поэтому мне было совсем не интересно. Ничего не изменится от этих глюоновых реакторов, новых

галактик и улучшенных геномов. Куда важнее то, что решит сделать с нами совет фагов.

И Стась, наверное, угадал мои мысли, потому что замолчал. Мы молча дожевали свои бутерброды, допили кофе и стали ждать.

Порт-Ланц – город-спутник Камелота. Если бы Стась хотел, он бы даже на своей колымаге доехал за полчаса. Но Стась никуда не спешил: либо думал о чем-то, либо ему было назначено точное время. И мы ехали больше часа. Потом еще покрутились по городу, перескакивая с внешних дорожных развязок на внутренние транспортные кольца, постояли в паре пробок – все как раз ехали на работу и улицы были забиты.

А потом Стась припарковал машину у красивого высотного здания в старинном стиле – с большими зеркальными окнами и флаерной площадкой на крыше. Здесь я один раз был. Тут и помещался главный офис фагов, который официально назывался «Институт экспериментальной социологии».

– Что мне говорить совету? – спросил я, когда мы выбрались из машины.

– Если придется говорить, то говори правду, – пожал плечами Стась. – Но тебя не обязательно вызовут.

– А меня? – требовательно поинтересовался Лион.

– Тебя вызовут обязательно, – сказал Стась. – А совет тот же – говори правду.

Он подумал секунду, потом приобнял нас за плечи:

– Дело даже не в том, ребята, что в большинстве случаев говорить правду полезнее. Фагам никогда не стоит врать, лучше уж промолчать.

– Вы чувствуете ложь, – сказал Лион, и голос у него опять стал жесткий, взрослый. Стась внимательно посмотрел на него:

– Да, парень. Чувствуем.

Больше мы не говорили. Прошли в здание – там стояла охрана на входе, но Стась показал какой-то пропуск, и нас даже не стали проверять. За дверями был большой вестибюль. Я думал, что, как и в прошлый раз, Стась поведет нас направо. Там море всяких кабинетов, офисов, а еще есть совершенно восхитительный зимний сад с кафе. Когда Стась улаживал мои вопросы, я там просидел три часа, но ничуть не заскучал.

Но Стась повел нас к лифтовому стволу. И не к общим лифтам, которые все время сновали вверх-вниз, а к служебной кабинке, куда никто и не совался.

В здании было этажей пятьдесят. Но когда мы вошли в лифт и тот рванулся вверх, мы ехали слишком долго. Словно здесь еще имелось этажей пятьдесят, невидимых снаружи. Я глянул на отражение Стася в зеркальной стене – он за нами с любопытством наблюдал.

– Мы едем вниз, – сказал я. – Хотя кажется, что вверх. Тут в лифте гравитатор, верно?

Стась улыбнулся, но ничего не ответил. Да и улыбка у него быстро пропала. Он будто прокручивал в голове предстоящий разговор, рассчитывал его наперед до каждого слова, но что-то там не складывалось, будто звучала реплика, на которую у Стася нет ответа. И Стась начинал все обдумывать заново...

– Стась, – сказал я. – Если я и впрямь так виноват, то пусть меня накажут. Только пусть не высылают обратно на Карьер, можно?

– Я дал тебе слово, – сказал Стась. Посмотрел на меня внимательнее и добавил: – Ты очень сообразительный мальчишка, Тиккирей. Если бы я не верил тебе, то решил бы, что ты очень хорошо подготовленный агент.

– Разве бывают дети-агенты? – спросил я.

– Еще как бывают, – ответил Стась. – Вот я работаю с десяти лет.

– Я не агент, – сказал я на всякий случай. – Я Тиккирей с Карьера...

– Я же сказал, что верю тебе, – мягко ответил Стась.

Лифт наконец-то остановился, и мы вышли.

Это был холл, большой и пустынный. В центре бассейн с фонтанчиком, заросшим оранжевым выюнком. Фигура фонтанчика изображала девушку, держащую в руках кувшин, откуда и лилась вода. Статуя была старая, бронзовая, вся позеленевшая, покрытая мхом и выюнками. Я присел на край бассейна, поболтал рукой в воде. Рыбок никаких там не бы-

ло, а мне почему-то хотелось, чтобы в бассейне жили рыбки. Да и вода оказалась мутноватая, будто фильтры в фонтане плохо работали.

Стась жестом указал нам на мягкие кресла у стены, под фальшивыми окнами. Окна показывали вид на город с крыши небоскреба, но я все равно был уверен, что мы под землей.

– Подождите здесь, ребята.

– Долго? – спросил я.

– Если бы я знал, то уточнил, сколько именно ждать, – пояснил Стась. – И никуда не уходите.

В противоположной стене холла была еще одна лифтовая дверь. Стась вызвал лифт и уехал.

– Могли бы хоть бар тут сделать, – сказал Лион с обидой. –

Выпили бы по хайболу для храбрости.

– По чему? – не понял я.

– Хайбол. Ну, это какой-нибудь напиток. Вроде джин-тоника или водки с мартини.

– Угу. Разбежался.

– Между прочим, я очень люблю водку с мартини, – сказал Лион.

Он развалился в кресле, закинув ноги на подлокотник. Покосился на фальшивое окно, фыркнул, нашарил переключатель и выключил изображение.

– Это... в снах? – догадался я.

– Ага. А в армии нам выдавали водку. По праздникам –

виски.

– Ну вот во сне и попросишь свой хайбол. На Авалоне детям не положено пить спиртные напитки.

– Ничего, если меня не сразу начнут препарировать, я зайду в бар и напьюсь, – сказал Лион.

До меня наконец дошло, что он просто смеется. Подтрунивает надо мной. Потому что ему страшно... куда страшнее, чем мне.

– А почему ты воевал с Империей? – спросил я. – Во сне? Лион отчеканил, будто готовился к вопросу:

– Потому что Империя – это пережиток древних эпох человечества. Сосредоточение власти в руках одного человека приводит к застою и стагнации, злоупотреблениям и социальной неустойчивости.

– Так к застою или к неустойчивости? – спросил я.

– К застою в развитии человечества, но к неустойчивости в социальной жизни, – отпарировал Лион. – Вот тебе простейший пример. Когда люди встретили Чужих, которые успели оттяпать лучшие куски космоса для себя, то развитие Империи остановилось. Пришлось переделывать для жизни очень плохие и неудобные планеты вроде твоего Карьера. Никто даже не попробовал оттеснить Чужих с занятых ими планет.

– Но это же война, Лион!

– Вовсе не обязательно. Война – это крайний случай разрешения противоречий. Всегда можно обойтись экономиче-

скими, политическими или особыми мерами.

– Ты и вправду так думаешь? – Я сел в соседнее кресло. Лион секунду пялился на меня, насмешливо улыбаясь, потом посерьезнел:

– Ничего я не думаю. Так нам объясняли. И во сне я в это верил.

– А сейчас?

– Ну, что-то тут есть, правда? Ведь на самом деле ты жил на Карьере, а мог жить на хорошей планете, где сейчас живут Цзыгу или халфлинги.

– Так в твоём сне вы воевали с Империей или с Чужими?

– С Империей, – признал Лион. – Чтобы в галактике было новое, справедливое устройство.

– А какое?

Лион на миг задумался:

– Ну, во-первых – демократическое. У нас все выборное, любая должность. Раз в четыре года все голосуют за президента.

– И что за человек этот президент?

– Это она, – сказал Лион. – Она... ну как тебе сказать...

Лицо у него стало мечтательное. Я ждал, и у меня все сильнее холодело в груди.

– Она... очень справедливая, – выпалил Лион наконец. – Она каждого готова выслушать и поговорить по душам. Умная, она почти всегда принимает правильные решения. Иногда ошибается, но не сильно.

Я не выдержал:

– Лион, но это же только сон! Ты понимаешь? Кто-то на Инее решил завоевать Империю, ну и придумал промывку мозгов. Не может человек никогда не ошибаться!

– Я не говорю, что всегда, – быстро ответил Лион. – Но обычно не ошибалась.

– И выслушать каждого президент тоже не может. Император не может, и президент не сможет. Даже у нас на Карьере старший социальный работник не мог общаться с каждым, а у нас населения меньше миллиона человек!

– Если по-обычному, то нельзя, – согласился Лион. – Но у нас все было по-другому. Можно подключиться к Сети и общаться с президентом.

– Чушь, – только и сказал я.

– Почему? Это очень просто делалось. Ты знаешь, что можно полностью скопировать разум в компьютер?

– Да, но это же запретили, таких только двое или трое осталось... они все с ума сходят...

– А она не сошла, – тихо сказал Лион. – У нее на каждой планете есть своя копия. Они между собой советуются и принимают решения сообща. Ну и готовы любого выслушать и помочь. Я сам каждый год с ней разговаривал. Так положено. А иногда – вне очереди просил разговора. Когда было важно.

– Лион, да ты дурак! – не выдержал я. – Полный дурак! Это все сказочки, которыми вам промывали мозги! Чтобы

все бросились служить Инею!

– Я понимаю, – серьезно сказал Лион. – Наверное, так оно и есть. А вдруг это правда? Ведь в Империи и впрямь не все хорошо. Зачем иначе армия, полиция, карантинная служба, фаги?

– Не может такого быть. Это все ложь, – упрямо повторил я.

– Но если ложь – так почему все в нее верят? – возразил Лион. – Тиккирей, я же нормальный! Я ведь с ума не сошел, правда? Мне только показали, какая у меня может быть жизнь, если я буду с Инеем. Вот и все. И мне понравилось!

– У тебя прервали сон, – сказал я. – Когда подключили в поток.

– Ну и что? Тиккирей, честное слово, ни в чем меня не убеждали насильно. Это... это... – Лион развел руками. – Ну, как очень хорошее кино в хорошей виртуалке, когда совсем разницы не замечаешь. Мне показали, какая может быть жизнь, и мне понравилось.

– Но это же неправда!

– А я тебе говорю, что правда? – Лион повысил голос. – Нет, скажи, говорю? Я рассказываю, как все было в моем сне! Вот! И что в нем, может быть, есть немного правды!

Я замолчал. И впрямь – накинулся на Лиона, как на врага...

– Извини.

Лион смотрел в сторону. Потом пробормотал:

– Да ладно... Знаешь, сейчас уже легче. Вроде как сон, а вначале было все взаправду...

Я заметил, что он начал обкусывать себе ноготь, как маленький ребенок. Потом заметил, что делает, и торопливо убрал руку ото рта.

– Глупый сон, – сказал я.

– Наверное. А я свой дом помню, Тиккирей. Знаешь, какой у меня был дом? Он стоял в саду, к нему вела дорожка из красной кирпичной крошки. Даже машину приходилось оставлять у ворот. А дом был трехэтажный, на высоком фундаменте, со стенами из старого камня, с деревянными рамами и дверями. Там были широкие ступени, они вели на веранду, и по вечерам мы пили там чай, а иногда пиво или вино. Стены оплетал виноград, он был запущенный, почти дикий, но все равно его можно было срывать и есть. И полы были деревянные, старые, но совсем не скрипучие. На фронто-не висел кованый железный фонарь, я вечером всегда включал в нем лампу, и вокруг начинали роиться мошки и ночные бабочки...

– Что такое фронтон? – спросил я.

Лион поморщился. Неуверенно развел руками, будто треугольником их складывая.

– Это... ну, под крышей, между скатами и карнизом, если смотреть с фасада. А что?

– Я не знал такого слова, – объяснил я.

– Я тоже не знал, – признался Лион. – Я же говорю, я мно-

гому научился. Роды принимал, космический корабль пилотировал... воевал...

Он снова замолчал.

– Лион, ну никто же тебе не мешает вырасти, построить такой дом и там жить, – сказал я.

– Я же не один там жил.

– Ну... и не будешь один...

Лион кивнул. Потом добавил вполголоса:

– Катерина работала в медслужбе. Она меня выходила, когда все уже решили, что я умру. Это после той засады, где тебя убили...

Он осекся.

– Меня? – спросил я. – Так это ты про меня говорил, что в засаде... а потом ты всех...

Лион кивнул:

– Да. Это ты был. Нам уже было лет по двадцать, наверное. Нас призвали с Нового Кувейта... предложили пойти в армию. Мы и пошли в десантные части.

Он опять стал грызть ноготь, но уже не замечал этого.

– Лион, это – сон, – сказал я.

– А может, это все – сон? – огрызнулся он. – Знаешь, как я назвал своего первого сына? Тиккирей!

Я минуту молчал, не зная, что и ответить. А потом в груди у меня стал барахтаться маленький смешок. Я его давил, как мог. Я с ним изо всех сил сражался, честно!

А он все рос и рос. Я начал кашлять, чтобы его задавить.

Потом хихикать.

Потом просто свалился на пол, хохоча в полный голос.

Лион вскочил и уставился на меня с обидой.

– Спа... спас... спасибо! – выкрикнул я сквозь смех. – Лион... спасибо...

– Урод! – закричал Лион. – Я знаешь как переживал! Я твой труп тащил потом...

А я не мог остановиться. Потому что пока Лион говорил о войнах, своей придуманной жене и несуществующем доме – это было страшно. Словно бы взаправду.

Когда же он сказал, что меня убили, – страх развеялся.

Остался лишь глупый сон.

– Я тебе морду набью! – Лион бросился на меня, я успел откатиться по полу и крикнул:

– А потом будешь тащить... труп?

Промахнувшись, Лион так и сел на пол. Но снова рванулся на меня. Только уже не драться. Облапил – и это было смешно, он вел себя как взрослый, утешающий ребенка.

Но через миг Лион тоже отпрянул и начал хохотать.

– Фиг тебе правда! – крикнул я. – Это был сон, сон, сон! Дурной глупый сон! А я живой, и ты живой, и с Инеем без нас разберутся, а дом ты себе еще построишь, с каким хочешь фронтоном и еще с фонтаном!

Держась за руки, мы смеялись еще с минуту. Так что слезы из глаз брызнули. Потом Лион утер лицо и сказал:

– Ладно, давай не ссориться. А то я и впрямь начну с то-

бой драться, а меня же учили...

– Меня не учили, но я все равно умею, – пригрозил я. – Давай не ссориться. А то как идиоты... тут же все камерами просматривается наверняка!

Лион сразу помрачнел.

И будто подтверждая мои слова, открылась неприметная ранее дверь. Вроде бы не лифт, за ней угадывался коридор.

– Мальчики, вы где?

Голос был женский, приятный. Мы вскочили.

В холл вошла молодая симпатичная девушка в строгом брючном костюме.

– Кто из вас Лион? – спросила она с улыбкой.

А я вдруг понял – она знает, кто из нас кто.

– Я, – сказал Лион.

Зря сказал! Надо было мне назваться Лионом, пусть бы признавалась, что спрашивала для проформы...

– Я доктор Анна Гольц, – сказала девушка. – Зови меня просто Анна, хорошо?

Лион кивнул.

– Нам надо поговорить, пойдем. Расскажешь мне про твои сны, хорошо?

– Угу. – Лион оглянулся на меня, потом засунул руки в карманы и пошел за девушкой.

– Я без тебя не уеду! – быстро сказал я ему в спину. – Доктор Гольц, предупредите меня, когда вы закончите?

– Предупрежу, хорошо, – кивнула девушка.

– Хорошо, – передразнил я ее, когда дверь закрылась. Уселся в кресло и тоже закинул ноги на подлокотник, как Лион.

Наверняка Стась знал, что Лиона вызовут. Мог бы и предупредить...

Глава 4

Одному мне сразу стало скучно.

Я поскучал в кресле. Побродил по холлу – и нашел еще две незаметные двери. Не то чтобы замаскированные, таких бы я и не нашел, но сделанные «под стену».

Потом я посидел у бассейна. Шлепнул девушку по ноге – бронза была холодная и шероховатая. Оборвал кусочек мха, стал рассматривать. Вроде настоящий, не синтетика для красоты...

Хоть бы рыбок пустили в воду!

Вернувшись в кресло, я попытался представить, что там с Лионом. Ну не режут же его на кусочки, это понятно... наверное, надели шлем на голову и снимают всякие энцефалограммы. А чем занят Стась? Излагает совету фагов все, что про меня думает?

Я задумался так сильно, что не сразу почувствовал, как бич соскользнул с руки и просунул головку под воротник. Только когда он стал вкручиваться в нейрошунт.

Может, и стоило отдернуть голову. Мало ли что вздумает

сумасшедший бич? Но я замер, лишь вспотел от страха.

Бич успокоился, лишь подрагивал, будто прилаживался к моему шунту. А потом я почувствовал наплывающую картинку – как на виртуальном фильме или на уроке. Этому можно противиться – надо только не закрывать глаза и думать о чем-то другом.

Я закрыл глаза и расслабился.

Вначале я услышал голос. Не ушами, а внутри головы. И это был голос Стася.

– Поэтому я уверен, что мы имеем дело именно с цепочкой случайностей. Вероятность привязки бича существовала, рано или поздно мы должны были столкнуться с подобным случаем.

– Хорошо, Стась... – Этот голос был мне незнаком. – Допустим. Вся история Тиккирея фантастична, почему бы не поверить в еще одно совпадение?

Тот, кто говорил, явно иронизировал.

– Что в ней фантастичного? Мы проверили Карьер. Тиккирей покинул его на контейнеровозе «Клязьма». Мы проверили «Клязьму». Экипаж действительно пожалел мальчика и высадил на Новом Кувейте. Водителя такси я тоже проверял, отчет вам знаком. В кемпинг мальчик попал случайно.

Передо мной начала появляться картинка. Мутноватая, подрагивающая, но все-таки понятная. Очень длинная комната с таким же длинным столом. И люди в креслах. Точнее –

фаги в креслах, слушающие Стася. Я видел все его глазами?

Нет! Я видел и слышал то, что видел и слышал его бич!

Удивляться я не стал, я же знал, что у бича масса способностей. Вот удивительно только, что мой бич и бич Стася наладили между собой связь.

– В конце концов, что даст похищение бича? – спросил кто-то. – Я склонен признать правоту Стася... в данном вопросе. Восемнадцать бичей данной модификации были потеряны... в трех случаях мы точно знаем, что они попадали в руки асоциальных элементов. Даже если кому-то удастся скопировать устройство...

Говоривший пренебрежительно махнул рукой. Один из тех, кто сидел в торце стола, напротив Стася, негромко, но властно произнес:

– Тогда предлагаю закрыть данный вопрос. Гораздо важнее решить, что мы будем делать с мальчиком?

Наступила тишина. Кто-то встал и вышел из-за стола. Снова заговорил Стась:

– Почему бы нам не оставить все как есть?

– Бич.

– В данном виде он не является оружием.

– Стась, вам прекрасно известно, как легко вернуть ему все боевые способности.

– Тиккирей не станет этого делать. Даже в свои годы он обладает чувством ответственности. Жизнь на Карьере...

– Стась, в любом случае мы не имеем права передавать

оружие человеку. Ни ребенку, ни взрослому.

– Забрать у него привязавшийся бич – значит уничтожить оружие. Без хозяина он не выживет. И мальчик это понимает.

Ответа не было довольно долго. Я смотрел на мутное изображение, потом Стась как-то повернул руку, и я стал видеть только стол. Зато слышать не перестал. Усталый и печальный голос того, с кем Стась спорил:

– Бич дает мальчику слишком много способностей, которыми не должен обладать рядовой гражданин. Например – вот уже четыре минуты Тиккирей слушает наш разговор.

Я оцепенел. Разлепил веки, выскальзывая из виртуальности, будто это могло теперь что-то изменить. Почувствовал, как бич торопливо отлепляется от шунта и скользит под одежду.

И увидел сидящего передо мной на корточках грузного немолодого мужчину. Он был мулатом, коротко стриженным, раньше я никогда его не видел, но что-то в нем было от Стася. Тоже фаг.

– Не надо меня бояться, – негромко и напевно произнес мулат.

Я кивнул.

– Ты знал о возможности бича осуществлять коммуникацию? – спросил мужчина. Спокойно, не злобно.

– Нет. – Я замотал головой.

– У тебя потрясающая способность влипать в истории,

Тиккирей. – Он опустил руку мне на плечо. – Пошли, малыш. Незачем теперь тебе здесь сидеть, верно?

Я не ответил, а просто поплелся за ним, будто на казнь.

Но страха почему-то не было.

В лифте мы ехали с полминуты. А потом вышли в том самом зале, который я недавно видел через виртуальность. Я отыскал взглядом Стася – и метнулся к нему. Стась лишь укоризненно покачал головой, но ничего не сказал.

Я посмотрел на фагов.

Все немного изменилось. В воздухе повисло зыбкое дрожащее марево, как над дорогой в жаркий день. Стол и комнату я видел отчетливо. А вот сидящих за столом – лишь в самых общих очертаниях. И голоса казались искаженными. Только Стась и мулат, который меня привел, были видны отчетливо.

– Не пугайся, Тиккирей, – сказал тот, с кем разговаривал Стась. Наверное, он был одним из главных у фагов. – Не стоит тебе видеть наши лица.

– Я понимаю, – сказал я. – И я не боюсь. Это из-за внушения?

– Да. Но тебе действительно не стоит бояться. Ты понимаешь, что сейчас происходит?

– Понимаю. Вы решаете, что со мной делать.

– Ты хочешь что-нибудь нам сказать?

Я помолчал, пытаясь найти убедительные слова. Ничего особенного не находилось.

– Мне жалко, что так получилось, – сказал я наконец. – Но я не шпион. И бич взял только потому, что он привязался. Мне его стало жалко... он ведь живой.

– Тиккирей, мы в крайне сложном положении. Дело даже не в том, что ты узнал что-то очень тайное. К счастью, это не так. Но мы не можем оставить тебе бич. Это все равно что дать в руки младенца атомную бомбу.

– Я не младенец, – обиделся я.

– Ты не понимаешь, – терпеливо объяснил скрытый за марево́м фаг. – Умение владеть бичом – не просто сложное искусство. Бич откликается на все твои желания, даже подсознательные. Если тебе захочется услышать чужой разговор – бич перехватит сигнал. Даже без главного источника питания он служит оружием... страшным оружием в рукопашной схватке. Тебя толкнут твои расшалившиеся ровесники – а бич воспримет ситуацию как угрозу и отрубит им руки. Понимаешь?

Я закусил губу и кивнул.

– Тиккирей, ты согласишься вернуть бич?

– Он умрет? – спросил я. И почувствовал, как что-то шевельнулось на моей руке.

– Да. Бич не привязывается повторно. Это одно из защитных свойств.

Я схватился левой рукой за правую, прижимая бич сквозь одежду. И спросил:

– Ну может быть, можно что-то сделать? Давайте я буду

жить один... где-нибудь. Чтобы не натворить беды. Есть же такие люди, что работают в одиночку, на космических станциях или еще где...

Фаги молчали. Потом Стась пояснил – для меня:

– Тиккирей, ты имеешь право владеть этим оружием, лишь будучи фагом. Ты можешь стать фагом, лишь будучи генетически модифицирован еще до рождения. Это тупик.

– Но можно ведь сделать исключение! – не выдержал я.

– Нет, – ответил Стась. – Вся беда в том, мальчик, что некоторые правила мы обязаны выполнять. Мы генетически принуждены их выполнять. Фаг не может нарушить своего слова. Фаг не может употребить свои способности для достижения личной власти. Фаг не может нарушить верность законно правящему правительству человечества. Фаг не может передавать гражданскому лицу особо опасные устройства... в том числе плазменный бич.

Я чуть не рассмеялся. И сказал:

– Но это же глупо! В армии есть куда более страшное оружие! И какой-нибудь офицер, который вовсе не фаг, может нажать кнопку и уничтожить целую планету! Что по сравнению с этим бич?

– Ты прав, – согласился Стась. – Но мы не можем нарушить данного правила.

Я обвел взглядом стол. И мне показалось, что за мутными экранами я угадываю выражение лиц. Они все мне сочувствовали. Вовсе их не радовала перспектива разбираться с

мальчишкой, по их же вине заполучившим в руки оружие.

– Вы же взрослые люди, – сказал я. – Умные и добрые. Ну неужели вы не можете ничего придумать? Вы же хотите мне помочь, так помогите!

На лице Стася появилась мучительная гримаса. Кто-то пробормотал «если бы могли...».

– Тиккирей, тебе нравится на Авалоне? – вдруг спросил мулат.

Я кивнул.

– Существует положение об институте временных уполномоченных, – сказал мулат как бы в пространство.

– «Доверять часть информации и оборудования при условии контроля и сокращенных возможностях применения»? – быстро произнес Стась.

– «В кризисной ситуации», – так же, цитатой из неведомого документа, ответил мулат. – Фактически именно это ты уже предпринимал, верно? Когда попросил Тиккирея помочь тебе на Новом Кувейте.

– Спасибо, Рамон. Это можно...

Тот фаг, что сидел во главе стола, кашлянул и добавил:

– «Если этого требует выполнение оперативной задачи особой важности».

Они все замолчали. Что-то они сейчас обдумывали... и мне не нравилось, как сосредоточенно.

– Тиккирей, – сказал Рамон. – Есть одна возможность. Но она не очень-то приятная.

– Говорите, – попросил я. Покопался на Стася. Лицо у него было ледяное, даже свирепое.

– Ты знаешь, что происходит на Новом Кувейте?

Я покачал головой.

– Мы тоже не знаем, мальчик. И сейчас готовится миссия на эту планету. Трое фагов попробуют выяснить, что происходит с населением, попавшим под психоатаку Инея. Если ты тоже отправишься на Новый Кувейт, мы вправе присвоить тебе статус временного уполномоченного. И ты можешь сохранить бич... без главного аккумулятора, конечно.

Я думал. Страх не было, только удивление – как все ладно складывается.

– Это надолго? – спросил я.

– Полагаю – два-три месяца, – сказал главный фаг. – Потом мы тебя выдернем. Твой дом, твоя работа – все это будет тебя дожидаться.

– Со школой дела, полагаю, уладим, – добавил кто-то и добродушно рассмеялся.

– И что мне надо будет делать? – спросил я.

– Ничего особенного. Наблюдать и делать выводы. Любая информация окажется крайне полезной для нас... для вас... Империи.

– А бич? Потом, когда я вернусь?

Рамон пожал плечами:

– Сроки возврата временно выданного оборудования не оговорены законом. Пусть останется с тобой.

Я смотрел на Стася. Мне не нравилось выражение его лица.

– А Лион? – спросил я.

– Что Лион? – нахмурился Рамон.

– Что будет с ним?

– Наши ученые постараются понять, какое действие оказала на него программа... так удачно тобой прерванная. Потом поможем ему с гражданством и...

– Лион отправится со мной, – сказал я. И услышал, как по залу прошел легкий шум.

– Почему? – с недоумением спросил Рамон.

– Потому что они друзья, – ответил за меня Стась. – И потому, что на Новом Кувейте осталась семья Лиона.

– А он захочет туда вернуться? – Рамон прищурился. Мне показалось, что между Стасем и Рамоном минуту назад пролегла какая-то неприятная недоговоренность.

– Это надо его спросить, – ответил Стась.

Вновь заговорил фаг во главе стола:

– Господа, вам не кажется, что мы торопимся? Пусть Тиккирей подумает, прежде чем принять решение. Все-таки я надеюсь, что он решит сдать бич и остаться на Авалоне. Его другу также надо принять решение. Если ребята все-таки решат лететь на Новый Кувейт, то я предлагаю Рамону заняться подготовкой операции.

Послышалось несколько голосов. У всех мнение сводилось к тому, что нечего забегать вперед и надо «дать парниш-

ке время все осмыслить».

– Я отвезу мальчика домой, – сказал Стась, касаясь моего плеча. – Благодарю... всех.

Он посмотрел на Рамона, и несколько секунд два фага изучали друг друга. Потом Рамон неловко пожал плечами и отвел глаза.

Лиона мы ждали еще часа два. Уже не в этом холле, а внизу, в уютном баре. Стась вроде бы повеселел и о делах больше не говорил. Сказал, что ему вовсе не нужно сегодня возвращаться на совещание, и стал заказывать себе разные коктейли.

Я пил сок, в который веселый бармен влил «для запаха» чайную ложку апельсинового ликера, потом просто болтал со Стасем, потом фаг стал учить меня, как по внешнему виду человека определять его настроение и характер. По-моему, он в основном шутил, но получалось смешно. Народу в баре было немного, человек десять, не фагов, конечно, и про каждого Стась рассказал что-нибудь забавное.

И ни разу – ничего обидного.

Лион спустился вниз (или поднялся, если мы были под землей) вместе с доктором Анной Гольц. Он уже не боялся и мрачным не был. Наоборот, смеялся, а когда Анна его на прощание обняла – покраснел.

– Ну и как он? – спросил Стась, кивнув Анне будто старой знакомой.

– Я думаю, – Анна сразу стала серьезней, – что молодой человек успел вовремя.

Я понял, что речь обо мне.

– Что-то стало яснее? – полюбопытствовал Стась.

Анна покачала головой.

Вроде бы фаг другого ответа и не ждал.

Мы пошли на стоянку.

– Сильно мучили? – спросил я Лиона тихонько.

– Беседовали, – серьезно ответил Лион. – Про мой сон.

– Ну и что?

– Анна говорит, что ценной информации в нем нет. Это пропагандистская программа, но ее прервали до того, как она успела сработать. Сейчас она понемногу проходит, забывается, как обычный сон. Там дальше должно было быть что-то важное... из-за чего люди верят Инею. Но у меня эта часть не сработала.

– Так что, ты нормальный? – спросил я. И торопливо уточнил: – Они тебя врагом не считают?

– Нет. – Лион энергично замотал головой. – Мне надо будет еще написать подробный рассказ про свой сон, заполнить анкеты и пройти несколько тестов. И все, больше ничего не требуется...

Стась легонько подтолкнул его к «Дунаю». Я забрался на заднее сиденье вслед за Лионом, Стась сел на место водителя, включил автоматику. И сразу же спросил:

– Ты хочешь согласиться на предложение совета, Тикки-

рей?

– Какое предложение? – шепотом спросил Лион. Но ему я отвечать пока не стал.

– Да, Стась.

– Я не считаю, что игра стоит свеч, Тиккирей. – Стась покачал головой. – Бич – это не живое существо. Это механизм.

– Не совсем, – упрямо сказал я.

Стась вздохнул, потер лоб.

– Пусть не совсем. Пусть это смесь механики, электроники и живой ткани... не важно. Как ты думаешь, Тиккирей, разумно ли рисковать жизнью для спасения... ну, пусть любимой собаки?

– Неразумно.

– Тогда зачем ты соглашаешься отправиться на Новый Кувейт?

Лион вздрогнул и уставился на меня.

– Честно? – спросил я. – Чтобы Лион мог туда попасть.

– А Лиону это зачем?

– Там же мои родители! – вскинулся Лион. – А как это? Можно попасть на Новый Кувейт? Он ведь в карантине, нет?

Стась замолчал. Потом заговорил, тщательно подбирая слова:

– Лион, я понимаю твою тревогу и тоску по родителям. Но поверь мне, что на захваченных Инеем планетах не происходит каких-либо массовых арестов, уничтожения населения, репрессий...

– Тогда чего же нам бояться? – вопросом ответил Лион.

А я сказал:

– Стась, ну представь, что тебе тринадцать лет. И твои родители где-то на другой планете... а ты можешь туда по-
пасть...

«Дунай» неторопливо кружил по улицам, автоматика вела его по самому незагруженному маршруту. За лобовым стеклом проплывали какие-то сверкающие здания, роскошные офисы, эстакады путепроводов – и лицо Стася на их фоне было непривычно мягким.

– У большинства фагов вообще нет родителей, Тиккирей. Но у меня был отец. Он исчез в ходе выполнения миссии на... на одной маленькой планете. Мне тогда было одиннадцать лет, но даже тогда я мог похитить корабль и попытаться его спасти. Но я реально понимал, что шансов у меня нет. И остался на Авалоне продолжать обучение.

Он помолчал немного и добавил:

– Ты можешь сказать, что я его не любил. Нет, это будет неправдой.

– Я верю, Стась. – У меня вдруг перехватило горло. – Но ты же сам говорил... что наша цивилизация слишком уж разумная и логичная, что это плохо. Вот мои родители... они как раз все сделали правильно и логично. По-иному никак нельзя было. Но я теперь их никогда не увижу... их нет больше. Совсем нет. И если сейчас все сделать логично, то Лион тоже своих родителей не увидит. А может быть, начнется

война и он будет стрелять в своего братишку...

– Я не буду! – сказал Лион.

– А он – будет! – выкрикнул я и отвернулся к окну.

Стась заговорил не сразу:

– Тикки, я понимаю тебя. Знаешь, я ведь совсем не против, чтобы Лион вернулся к родителям. И это хорошо, если ты сумеешь помочь нам на Новом Кувейте...

Он замолчал.

– Так что тогда? – спросил я, не поворачивая головы.

– Не знаю. Что-то не нравится, – коротко ответил Стась.

Он нажал какую-то кнопку, стекло, к которому я прижимался носом, уползло вниз. Встречный ветер был холодным, сухим и пах городом.

– Заставлю-ка я эту колымагу разогнаться как следует, – сказал Стась. – Не продует?

– Нет, – сказал я.

И ветер ударил мне в лицо.

Стась высадил нас у дома, но заходить не стал. Пожал руки и укатил в своей нелепой, совсем не геройской машине. Мы с Лионом стояли у подъезда, идти в квартиру совсем не хотелось.

– Давай сходим к Роси, – сказал я.

– Что? – спросил Лион, и я понял: мыслями он далеко-далеко отсюда. С мамой, папой, братиком и сестренкой. Я на это и надеялся. Этот сон, в котором он прожил взрослую

жизнь, будет его долго мучить. А вот если он снова окажется в своей семье – сразу развеется, как дурной морок.

– Мне надо поговорить с Роси, – сказал я.

– Зачем? – Лион поморщился. – Не трогай ты его, он просто трусливый сопляк.

– Не собираюсь я его трогать. Мне надо поговорить.

Лион недоверчиво посмотрел на меня, пожал плечами. Застегнул куртку, которую снимал в машине.

– Ну пошли...

Автобуса мы ждать не стали. Пошли по Радужной в сторону центра. Лион засунул руки в карманы и чего-то насвистывал. Доктор Гольц очень талантливая, если она смогла так быстро Лиону помочь – он стал совсем нормальный.

Радужная – улица «спальная», тут стоят только жилые дома и немного маленьких магазинов – если кто-то забыл после работы заехать в супермаркет. Я бы не удивился, если бы мне сказали, что на всей улице сейчас всего два человека – мы с Лионом. Но вскоре навстречу прокатил старичок в инвалидной коляске, хмуро покачавший головой при взгляде на нас. Наверное, считал, что детям положено быть в школе или заниматься чем-то полезным, а не шастать по улице. Я вспомнил отважного старика Семяцкого и загрустил.

На Авалоне меня поначалу удивили дома. У нас, на Карьере, дома большие, а стены в них тонкие, как оконное стекло. На Новом Кувейте, где почти везде тепло, домики тоже легкие, но маленькие, на одну семью. А здесь – здоровенные

многоквартирные здания с толстыми стенами из бетона или кирпича. Красиво, конечно, как в фильме про старину, но странно. Сейчас-то я уже привык. Мне даже кажется, что так и должно быть – толстые стены, крепкие двери и окна с двумя стеклами.

А еще удивительная вещь – дворы. На Карьере дома стоят рядами, впритык друг к другу, а для игр и отдыха сделаны специальные площадки. Под куполами не так уж и много места. На Новом Кувейте, наоборот, пространство между домами очень большое. На Авалоне что-то среднее, и у каждого дома получается свой уголок – засаженный деревьями, с какими-то горками и каруселями для малышей, беседками, бассейнами – не для купания, а для красоты. Мы прошли через один двор, чтобы сократить расстояние, и вышли на аллею, засаженную каштанами. Жалко, что сейчас зима. Жалко, что весной я уже буду на Новом Кувейте и не увижу, как они цветут...

Очень обидно.

– Давай купим чего-нибудь попить? – спросил Лион, когда мы проходили мимо крошечного магазинчика.

– Давай.

Он ждал чего-то.

– А... – сообразил я и выгреб из кармана мелочь. – Держи.

Дальше мы шли, попивая из банок горячий кофе. Мимо развлекательного центра, с обычным кинотеатром, виртуалками, аквапарком и спортивными залами... я был там один

раз, мне понравилось.

– Здесь не хуже, чем на Новом Кувейте, – сказал Лион. И сам же поправился: – Чего это я, тут даже лучше... Тиккирей, ты только из-за меня хочешь туда отправиться?

– Нет.

– А почему?

Я заколебался. Вроде бы мы идем по улице и никто нас не слышит... Нет. Ерунда это все. Ничего нельзя знать наверняка. Если уж захотят подслушать – то будут считывать слова с губ через низколетящий спутник, или приклеят незаметно крошечный микрофон-пылинку, или обычным направленным микрофоном из проезжающей мимо машины подслушают...

– Ты знаешь, Лион, мне тут скучно. Ну что я буду как дурак работать в лаборатории, потом институт оканчивать? А на Новом Кувейте можно помочь фагам. Вдруг я смогу их убедить, что из меня получится фаг?

Лион подозрительно смотрел на меня. Потом зачем-то спросил:

– Хочешь быть фагом?

– Конечно!

Он задумался. На одну секунду – будто в нем снова проснулся взрослый мужик, успевший повоевать, жениться и умереть. А потом вздохнул и тоскливо сказал:

– Да не возьмут тебя... фаги все генетически приспособленные. Обычный человек не может быть фагом.

– Ерунда все это, – убежденно сказал я. – Ну и что, что не приспособлен? Спорим, я радиацию буду держать лучше, чем фаг? И еще кое-что... А ведь им может пригодиться такой специальный агент, который станет работать на радиоактивных планетах.

Лион подумал и согласился, что да, действительно, такой агент даже фагам будет полезен. И что специальный агент для работы в условиях низкой гравитации и замкнутых пространств тоже может пригодиться.

– Только нам надо будет сделать что-то действительно важное, – сказал он. – Не просто смотреть по сторонам, а еще... – Он заколебался, но все-таки добавил: – Узнать, например, как раскодировать людей.

Так мы и шли к дому Роси, мечтая о всякой ерунде. Кварталы многоквартирных домов кончились, пошли коттеджи. Все обеспеченные граждане на Авалоне жили в коттеджах.

– Я туда не пойду, – буркнул Лион, когда мы подошли к живой изгороди, окружавшей маленький сад. Все деревья тут были вечнозеленые и даже сейчас, припорошенные снегом, смотрелись здорово и празднично.

– Хорошо, я быстро.

Калитка была не заперта, я вошел и двинулся по смерзшемуся песку дорожки к дому. Рядом тянулся обсаженный кустами бетонированный выезд из гаража. Один куст был слегка помят и совсем без снега – задел машиной.

Я и сам не знал, зачем хочу увидеть Роси и что собираюсь

ему сказать. Но ничего не говорить было совсем неправильно.

Потому что любые ошибки надо прощать. Может быть, нельзя прощать, лишь если случается непоправимое. Если бы я утонул... или Лион, бросившийся меня спасать.

Я должен прощать. Ведь фаги простили мою ошибку.

Я вышел к дому – и остановился. Потому что увидел Роси и его отца.

Они счищали снег перед домом большими ярко-оранжевыми лопатами. Ну, перед этим счищали, а сейчас дурачились, кидая снег друг в друга. Роси, пыхтя, махал лопатой, как экскаватор ковшом, засыпая отца снежной пылью. Вильям, точно так же побряхтывая и негромко хохоча, увораживался, временами кидая снегом в Роси. Когда Роси совсем уж разошелся и даже перестал смотреть, куда бросает снег, Вильям зашел к нему сбоку, подхватил под мышки и опустил головой в сугроб. Роси, хохоча, выбрался наружу, закричал:

– Нечестно!

Я тихонько отступил на шаг.

– Один – ноль, – бодро произнес Вильям.

Оказывается, он не только выпивоха, болтающийся день и ночь по всяким спектаклям и литературным салонам. Оказывается, он хороший.

Роси с воплем бросился на отца, повалил в снег – мне показалось, что Вильям специально поддался, и стал нагребать на него снег, спрашивая:

– Сдаешься? А, сдаешься?

Я отступил еще дальше.

А чего я хотел? Чтобы Роси сидел запершись в комнате и переживал, какой он плохой? Или чтобы родители перестали с ним разговаривать, оставили без сладкого и не пускали гулять? Неужели я этого хотел? Прийти и сказать: «Все нормально, я вовсе не обижаюсь, всякое бывает...»

Нет.

Или все-таки именно этого?

– Сдаюсь, – объявил Вильям. Приподнял голову – и замер, увидев меня. Я застыл. Теперь уходить было глупо. Через мгновение Вильям отвел глаза и как ни в чем не бывало сказал Роси: – Кстати, ты обещал помочь маме.

– Ну... – Роси поднялся, потирая покрасневшие ладони. – Мы еще не убрали все...

– Роси. – Вильям встал, отряхнул сына от снега. – Ты обещал, это первое. И уже замерз... это второе. Я сам уберу остальное.

Больше Роси не спорил. С неохотой пошел к дому – так и не оглянувшись и не заметив меня.

Я стоял и ждал.

Вильям подошел ко мне:

– Доброе утро, Тиккирей.

– Добрый день, Вильям, – ответил я.

Вильям кивнул, задумчиво потирая щеку:

– Да... разумеется – день... Я пока отослал Роси. Ты не

против?

Я пожал плечами.

– Пойдем. – Он опустил мне на плечо тяжелую крепкую руку.

Мы дошли до маленькой беседки в саду. Сели. Скамейки в беседке были теплыми, сидеть было приятно.

– Очень неприятно... очень неприятно все вышло... – Вильям покачал головой. Задумчиво извлек из кармана портсигар, достал тонкую сигариллу, раскурил. – Знаешь, Тиккирей, я был уверен, что уделяю достаточное время воспитанию детей...

– Вы не переживайте, – сказал я. – Роси испугался. Но это же бывает. Это и вправду страшно – когда ломается лед.

Вильям покачал головой:

– Нет, Тиккирей, не утешай меня. Это всецело мой недостаток. Я слишком увлекся работой, богемным существованием, социальной безответственностью... собственно говоря – это общая беда нашей планеты, Тиккирей. Слишком уж благополучно мы живем!

Он воодушевлялся с каждым словом, будто статью писал, и она хорошо получалась.

– Дело даже не в том, что Роси и Роза плохо воспитаны, Тиккирей. Да, я частично переложил их воспитание на школу, счел, что литература, театр, ти-ви привьют им правильную жизненную позицию. Но я упустил главное. Им не хватает эмоционального тепла, чувства любви и защищенно-

сти. Отсюда – это постыдное проявление трусости. Душевная черствость...

Вильям досадливо взмахнул рукой, столбик плотного серого пепла упал на припорошенный снегом пол беседки.

– Да ничего не случилось, – неловко сказал я. – Ну ошибся Роська... все он уже понял.

– Спасибо, – крепко, по-взрослому пожимая мне руку, сказал Вильям. – Ты очень ответственный и добрый молодой человек. Я долго думал над произошедшим, всю ночь. И Роси очень переживал... вот буквально несколько минут назад оттаял, развеселился...

Я кивнул.

– Теперь передо мной стоит сложная задача, – продолжал Вильям. – Откорректировать поведение ребят. Перебороть негативные тенденции... при этом – не травмируя их души, не вызывая реакции подросткового протеста... И я бы хотел просить тебя о помощи.

– Да я потому и пришел...

– Тиккирей, я предложу тебе очень странную вещь, – продолжал Вильям. – Только не надо удивляться. Выслушай меня и не перебивай.

Я снова кивнул. Вильям обнял меня за плечи.

– Ты ровесник моих ребятишек, но гораздо взрослее их, – сказал Вильям. – Пережитое... трагедия твоих родителей, эта страшная история на Новом Кувейте... тебя ведь эвакуировали в последнюю минуту? Нет, не отвечай, я знаю, ребята

мне рассказали. К тому же твое товарищеское отношение к другу, забота о нем... он поправился?

Теперь он ждал ответа, и я кивнул. Серый столбик пепла на снегу медленно рассыпался трухой.

– Это хорошо, – кивнул Вильям. – Тиккирей, я думаю, что тебе тяжело жить одному.

– Я не один, – не выдержал я. – Мы с Лионом. И нам все помогают. Даже фаги.

Вильям уважительно кивнул. На Авалоне к фагам относились без иронии. Особенно в Порт-Ланце, где вся экономика их обслуживала.

– Понимаю. Но все-таки это неправильно – двум детям жить без взрослых. Все-таки ты еще не сформировавшаяся личность, и это может плохо сказаться на вас. Поэтому я хочу предложить... чтобы ты и Лион переехали к нам.

Я этого не ожидал. Поднял голову и посмотрел на Вильяма. Тот был очень серьезен.

– Разумеется, речь не идет об усыновлении, вы уже большие ребята, – продолжал Вильям. – Но мы готовы оформить официальную опеку, помочь вам получить образование, занять достойное место в обществе. Ну... и на детские проказы времени будет оставаться побольше, верно?

Он улыбнулся.

– Зачем это вам? – спросил я.

– Буду честен, – сказал Вильям. Выпустил клуб дыма, отбросил свою сигариллу. – Во-первых – из-за чувства вины.

Я считаю себя обязанным искупить вину... отчасти и свою. Во-вторых – это хороший, добрый поступок. А чем держится наш мир, как не добротой и взаимопомощью? В-третьих, и, может быть, это самое важное, ваш пример поможет Розе и Роси выправиться, стать настоящими людьми. Я поговорил с ребятами, с мамой, они все рады. Ну... как?

Он ждал. От него пахло табаком и каким-то дорогим пряным одеколоном.

– О преимуществах для вас с Лионом, которые я уже перечислил вкратце, можно и не говорить. Верно?

Папа никогда не курил. Это дорого, нужно специальное разрешение... было нужно...

– Спасибо, – сказал я. – Но...

– Я понимаю, Тиккирей, что ты привык относиться ко мне с некоторой иронией, – сказал Вильям. – Манера держаться и выражать свои мысли... ведь так? Но поверь, что это лишь следствие специфической работы. Мы вовсе не такие плохие люди, как ты мог подумать.

– Я и не думаю, что вы плохие, – быстро сказал я. – Нет... ну, иногда смешно, да...

Спутавшись, я замолчал. Но теперь Вильям терпеливо ждал.

– Понимаете... нет. – Я помотал головой. – Нет, спасибо, конечно. Тут вот в чем дело... вы мне ответили, зачем вам это надо – брать нас к себе.

– И тебе что-то не понравилось? – удивился Вильям.

– Нет, вы все правильно сказали. Только на самом деле вы не должны были отвечать.

– Разъясни, Тиккирей, – попросил Вильям, хмурясь.

– Ну, когда люди хотят помочь друг другу... или если дружатся... это же само собой выходит. Не потому, что надо искупать вину или делать добрые дела. Им не нужны объяснения. Это как мораль и закон, понимаете? Законы придумывают, чтобы заставить людей что-то делать или чего-то не делать. Даже если законы хорошие, они значат, что сами люди не хотят по ним жить. А вы ищете объяснений, зачем брать нас к себе в семью. И говорите, что это научит Розы и Роси доброте и смелости.

Вильям помолчал, а потом спросил:

– Это ты сам придумал?

– Нет, – признался я. – Это... один мой друг так говорит. Что закон – это костыли для морали. И что мы разучились думать сердцем, теперь думаем только головой. И еще пытаемся это оправдать, говорим, что сердце думать не может, только чувствовать. А это не так, сердце тоже думает, только по-другому.

– Многие говорят, что сердце умеет только качать кровь... – пробормотал Вильям. Он как-то сгорбился, расплылся, и вся торжественность из него ушла. – Наверное, твой друг прав, Тиккирей... прав. Ты знаешь, что мы все время пытаемся переосмыслить старые пьесы, нет? Новое прочтение «Ромео и Джульетты»... новая трактовка «Отелло».

В них все должно быть разумно. Каждый поступок. И самоубийство Ромео, и ярость Отелло...

Он полез за портсигаром, тут же спрятал его. И спросил:

– Тиккирей, а ты не думаешь, что я просто искал оправдания? Своему желанию помочь вам с Лионом?

Я покачал головой:

– Нет. Извините, не думаю.

Вильям сидел, глядя в одну точку перед собой.

– У вас обязательно все получится, – сказал я. – Вы сегодня замечательно играли с Роси.

Он пожал плечами. Пробормотал:

– Да. Вначале обдумал, как буду это делать, а уже потом дурачился с собственным сыном... Наверное, и мое сердце – лишь насос...

– Вы не думайте, дело еще в том, что мы улетаем с Авалона... – сказал я.

Вильям кивнул.

Ну почему я такой неуклюжий? Я же только все испортил!

– Извините, – сказал я. – Можно я пойду?

– Конечно, Тиккирей.

– Если... когда я вернусь, я к вам зайду, ладно?

Вильям кивнул.

Когда я вышел из сада, Лион скучал, обстреливая снежками калитку. Получалось у него неплохо – она вся была залеплена снегом.

– Поговорил? – спросил он.

– Да.

– И чего?

– Ничего, – сказал я. – Слушай, ну почему всегда и все получается неправильно?

– Когда получается правильно, мы этого не замечаем, – ответил Лион.

И мы пошли домой.

Глава 5

В лучах заходящего солнца Аграбад был тихим и мирным.

Скользили в небе флаеры, сверкала сине-белая смальта башен. Я лежал, упираясь на локти, и разглядывал столицу Нового Кувейта в электронный бинокль. Видны были даже фигурки людей и машины на улицах.

– Все спокойно, Лион, – сказал я. Развернул кепку козырьком назад, чтобы не напекало затылок. – Идем?

Лион сидел рядом на корточках, жевал травинку. Пожал плечами, сказал:

– Давай попробуем.

Я встал, потер испачканные в земле рукава рубашки, и мы стали спускаться к дороге. Пологий склон тянулся от леса, где вчера вечером нас высадил корабль фагов, к одному из ведущих из космопорта шоссе. Сейчас оно было пустое – на Новый Кувейт почти не прилетали корабли. Блокада...

– Мои родители хотели перебраться в столицу, – сказал Лион. – А если не удалось, то мы их будем искать.

– Обязательно, – пообещал я.

Минут десять мы шагали по дороге. Ничего необычного, правда? Двое мальчишек-подростков. Аккуратно одетые, даже немного причесанные. Мало ли почему идут пешком?

Первая машина, ехавшая в город, снизила ход, но не остановилась. На нас молча и безучастно глазели двое мужчин с заднего сиденья, водитель смотрел лишь на дорогу. Потом машина прибавила ходу и умчалась вперед.

– Давай голосовать, – предложил Лион. – Мне что-то не нравится.

– Мне тоже, – согласился я.

С тех пор как мы оказались на Новом Кувейте, мы все время и во всем соглашались друг с другом. Словно боялись поспорить – хоть самую капельку.

Все-таки мы были среди врагов. На территории Инея.

Проехали еще три машины. Но не остановилась ни одна, хотя мы сигналили изо всех сил. И даже не пытались нас рассмотреть.

– Словно знают о нас, – предположил Лион.

– Точно. Может, сойдем с дороги?

– Не помешает, – кивнул Лион.

Но мы не успели.

Флаер летел так высоко, что мы не обращали на него внимания, пока он не зашел на посадку. Прямо на дорогу, мет-

рах в десяти перед нами. Пилот даже включил форсаж, тормозя машину, и нас ощутимо толкнуло воздушной волной.

– Мы просто идем в город, – прошептал я. – Спокойно...

Из флаера выскочили четверо. Трое мужчин и одна женщина. Все молодые и очень-очень серьезные.

– Здравствуйте, ребята, – сказала женщина. А глаза прямо прыгали по нам – настороженно и возмущенно.

– Здравствуйте, – сказал я, Лион тоже буркнул что-то.

– Почему вы не в школе? – спросила женщина.

Все четверо подошли к нам. Они вроде не боялись, но в то же время держались чуть поодаль. Да что в нас такого необычного?

– Ну... – Я покосился на Лиона. – Нас уже отпустили, занятия кончились...

Они переглянулись с таким удивлением, будто я сказал неслыханную глупость.

– Что-то не так, – вслух рассудила женщина. – Странно. Садитесь во флаер.

Один из ее спутников выступил вперед, поднял руку с зажатым в ней приборчиком. Направил на меня. Потом – на Лиона.

Приборчик издал свистящий звук.

– Лечь, руки за голову! – крикнула женщина.

Мужчины доставали оружие – маленькие пистолеты, которые прятали где-то в карманах.

– Стоять! – Лион присел на одно колено, наведя на них

свой пистолет. Он успел быстрее.

Женщина прыгнула на него, пытаясь повалить. Я едва успел выбросить вперед руку – и бич, вырвавшись гибкой серебристой лентой, хлестнул женщину будто плетью. Она упала.

Кто-то из мужчин все-таки достал пистолет. Лион начал стрелять – негромкие хлопки слились в очередь, и вся троица повалилась на дорогу. Женщина лежала, не пытаясь встать, лишь с ненавистью смотрела на нас.

А с неба с воем пикировал еще один флаер!

– Бежим, Лион! – крикнул я, хватая его за плечо. – Ходу!

Лион несколько раз выстрелил вверх, будто пытаясь сбить флаер из шокового пистолета. И мы побежали. Быстро, как только могли.

Что-то тяжелое и горячее толкнуло меня в спину. В животе булькнуло, к горлу подступил соленый ком. Ноги разъехались, я упал, больно ушибив колени, и растянулся на горячем бетоне. Щека проехала по шершавой поверхности бетона и вспыхнула болью. Сердце стучало все чаще и чаще. Рубашка быстро намокала кровью. Из последних сил я повернул голову и увидел в руках женщины бластер с еще дымящимся стволом.

Потом наступила темнота.

– Ну как? – спросил Рамон.

Вначале я посмотрел на свой живот. Потер щеку. Потом

отключил нейрошунт и выбрался из кресла.

В соседнем кресле заворочался Лион. Мрачно глянул на меня и сказал:

– А мне ноги перебило...

Небольшая комната, в которой мы находились, называлась виртуальным классом. Наверное, фаги тоже здесь учились. Окна были занавешены, горели неяркие лампы. Здесь было еще пять кресел с виртуальными терминалами, но они сейчас пустовали. Только мы с Лионом и Рамон в кресле преподавателя. Я не знал, управлял он кем-то из наших врагов или мы сражались с программой. Но спрашивать не хотелось.

– Какие ошибки вы допустили? – спросил Рамон.

– Зря по дороге пошли, – сказал Лион.

Рамон пожал плечами:

– Какая разница, где бы вас схватили?

– Мы зря брали оружие, – признался я. – Невозможно сражаться вдвоем против армии.

Рамон кивнул:

– Это уже ближе к истине. Ребята, поймите, вариант тоталитарного контроля очень маловероятен, но наиболее опасен.

– А мне больше не понравилась анархия, – заспорил Лион.

– Тоже неприятно, – согласился Рамон. – Но суть одна – никаких силовых действий. Они в любом случае не помогут. Вы не фаги. И не имперские коммандос. Вы наблюдатели!

Двое детей, на которых не подействовала программа кодирования. Перепугавшись, вы убежали в лес, там и отсиживались больше месяца. Заблудились, ходили кругами, наконец вышли к городу. Вы не должны бояться полиции! Наоборот – бежать к ним навстречу, бросаться на шею первому же попавшемуся человеку, плакать и просить кушать!

Лион надулся. Ему такая рекомендация совсем не нравилась.

– Если бы мы хотя бы примерно представляли, что происходит на Новом Кувейте... – Рамон говорил спокойно и сдержанно, как учитель, решивший вдруг поведать ученикам о непознанных тайнах Вселенной. – Но мы не знаем. Известно лишь, чего не может быть. Нет концентрационных лагерей. Нет массовых убийств... хотя пять, десять, может быть, двадцать процентов населения должны остаться не затронутыми зомбированием. Ничего этого нет – и все же! Мы можем допустить, к примеру, что на планетах Инея введено военное положение либо какой-то его аналог. И взрослые работают по восемь, а то и по двенадцать часов в день, а дети точно так же учатся. Готовятся к будущим войнам. Поэтому вы не должны пытаться выдать себя за обычных детей Нового Кувейта. Вы именно те, кто вы есть! Лион с вольной станции «Обслуживание-7» и Тиккирей с Карьера. Только никто не увозил вас с планеты. Вы прятались в лесах, испугавшись всеобщего сна. Понятно?

Лион засопел, потом неохотно сказал:

– Да. А как мы будем выглядеть после месяца в лесу?

Рамон заулыбался:

– Сейчас увидите.

Приказ он отдал по радиошунту. Над его столом развернулся экран. На экране появились мы с Лионом – точно такие же, какими были только что в виртуальной реальности. Лион в новеньком джинсовом костюме, кроссовках. Я – в светлых брюках, рубашке и кепке с козырьком-хамелеоном.

– Не похожи на скаутов поневоле, – признал Рамон. – А сделаем мы так...

Через секунду картинка сменилась.

Кажется, на мне были те же самые брюки, только теперь истрепанные, серые от грязи и оборванные чуть ниже колен. Кепки не было, вместо рубашки – рваная футболка. У Лиона осталась джинсовая куртка, тоже истрепанная и порванная на рукавах, рубашка исчезла совсем. Джинсы были в каких-то пятнах и все протертые. У меня остались на ногах расхлябанные сандалеты, Лион оказался босиком. Оба мы стали загорелыми, исцарапанными и исхудавшими. Особенно это было видно по мне – Лион-то и сам смуглый и худощавый.

– Чудесно, – сказал Рамон. – Красота, верно?

Наши изображения медленно вращались в воздухе. У Лиона нашлась еще дыра на джинсах, а у меня была прожжена футболка.

– Мне надо похудеть, – сказал я.

– Немного, – успокоил меня Рамон. – Килограмм, не больше... сауна и голодание на время перелета. Думаю, вы удилли рыбу и собирали орехи. Леса Нового Кувейта в это время года очень богатые.

– А бич? – спросил я.

Мое изображение укрупнилось. Рамон ткнул пальцем в поясok на брюках.

– Вот он. Один из вариантов скрытого ношения. А у тебя, Лион, будет перочинный ножик...

Лион обиженно надулся.

– И удочка, – утешил его Рамон. – Спиннинг с ультразвуковой блесной. На него вы и ловили рыбу.

– А других вариантов пробовать не станем? – спросил я.

– Нет. Больше никаких проб. К вечеру подготовим программу для симулятора, и на ночь пойдете в виртуальность.

Мы с Лионом переглянулись.

– Надо спешить, – как ни в чем не бывало сказал Рамон. – Вас отправят на Новый Кувейт завтра. Самый удобный момент – на планету прибывает личный инспектор Императора, все внимание будет отвлечено на него. Вас загрузят в стелс-капсулу и сбросят с нашего корабля, идущего в эскорте инспектора. Это абсолютно безопасно, не бойтесь.

– И нас не заметят? – удивился Лион. – Это же рядом с космодромом, там станций слежения натыкано!

– Стелс-капсула не фиксируется ни одним из известных локаторов.

– Рамон, – спросил я, – а Чужие с Нового Кувейта уехали?

За те два дня, что Рамон готовил нас к высадке, мы с ним немного подружились. Но совсем немного. И задавать ему какие-то важные вопросы мне все еще было неловко.

– Часть улетела. – Рамон кивнул. – Мы расспросили их...

Ты ведь об этом хотел узнать?

– Да.

– На их взгляд, на планете ничего не произошло. Абсолютно. Дело в том, Тиккирей, что социальное устройство Чужих, будь то Цзыгу, халфлинги, Брауни или Тайи, совершенно отлично от нашего. Как пример – оказавшись на планете Цзыгу, лишь десяток наших специалистов смогли бы понять, что произошла смена генетической династии. Так же и обычные, рядовые Чужие. Торговцы, дипломаты, туристы... даже шпионы. Такие тонкости, как возникновение альянсов внутри Империи, для них не сразу заметны.

Рамон посмотрел на часы. Непонятно только зачем, у него чувство времени и без того хорошее.

– Перерыв до вечера, ребята, – сказал он. – До... до девятнадцати ноль-ноль. Жду вас здесь. Подкрепитесь... вообще поваляйте дурака.

– Слушаюсь, – буркнул я, вставая. Потянулся – хотя кресло и мягкое, и даже с вибромассажем, но за пять часов тело затекло. Сегодня мы проверили семь вариантов проникновения на Новый Кувейт. И каждый раз все заканчивалось неудачей. Три раза нас убили, а четыре раза – схватили и по-

садили в тюрьму.

Мы выскочили в коридор, оставив Рамона колдовать над приборами.

– Все равно это немножко нечестно, – сказал Лион, едва закрылась дверь. – Нас просто хотят убедить, что не надо рыпаться! На самом деле мы бы могли задать им взбучку. Ра-а-аз – плазменной очередью! И все, конец котенкам!

– А ты бы хотел? – спросил я. – Взбучку задать?

Лион подумал и затряс головой. Вся дурашливость с него вмиг слетела.

– Нет... На фиг надо.

– Ну тогда и пусть, даже если подстроено, – сказал я. – Фаги нам же добра желают.

Виртуальный класс помещался на обычном этаже, а не на спрятанном, как зал заседания фагов. В коридоре даже были окна с видом на город. У самого лифтового ствола, где скучал в прозрачной бронированной кабинке охранник, на подоконнике сидел мальчишка немного младше нас. Жевал резинку и глазел в окно, будто там было что-то интересное.

Но едва мы вызвали лифт, как пацан соскочил и двинулся к нам. И в лифт вошел вместе с нами. Мы с Лионом, не сговариваясь, чуть отодвинулись, так что оказались напротив пацана.

Странный это был пацан. Во-первых – очень хрупкий, даже худощавый Лион по сравнению с ним казался накачанным. Во-вторых – хотя светлые волосы были коротко, по-

мальчишески, пострижены, лицо у него было этакое красивенькое, словно у девчонки. И пузырь из жвачки он надувал совершенно по-мальчишески.

– Ты пацан или девчонка? – без затей спросил Лион.

Я толкнул Лиона в бок. И сказал:

– Дубина. Это фаг!

– Ну и пусть фаг, – уперся Лион. – Мне интересно, пацан или девчонка.

По-моему, Лион просто хотел поссориться и подраться с малолетним фагом. Уж не знаю зачем – ведь ясно, что фаг сильнее. Но у Лиона ничего не получилось.

– Фаги не бывают женщинами, – без всякой обиды ответил маленький фаг, втянув жвачку. Голос у него тоже был тонкий, как у девочки. – Фаг не может болтаться в анабиозе во время полета. Понял?

– Понял, – напыжился Лион.

– У нас есть полторы минуты, – как ни в чем не бывало сказал фаг. – Мы заморозили детекторы этой кабины и снизили ее скорость до минимума.

– Кто это мы? – снова встрял Лион. Я толкнул его, чтобы замолчал.

– Будущие фаги, – вежливо объяснил мальчишка.

– А вас что, много? – начал Лион. Фаг его прервал:

– Не важно. Ребята, когда вас отправляют на Новый Ку-вейт?

– А это тоже не важно, – ответил я, пихая Лиона посиль-

нее. – Откуда мы знаем, кто ты такой и что тебе нужно?

– Я хочу вам дать совет, – сказал фаг. – Откажитесь.

– Почему? – спросил я.

– Это опасно. Вы к таким заданиям не подготовлены.

– А если мы откажемся, то кого-то из вас отправят? – спросил я. И попал в точку – маленький фаг моргнул и замялся. – И вообще – никуда мы не отправляемся, ничего не знаем, про Новый Кувейт только по ти-ви слышали, – продолжил я с воодушевлением. – Если тебе в шпионов хочется поиграть, то иди к Рамону и проси его.

– Вот дурачки, – пожал плечами маленький фаг. – Ну как хотите.

– Давай-давай! – энергично посоветовал Лион. – Иди, в куклы поиграй.

Нет, я бы не выдержал. А фагу все было нипочем, он только поморщился. Лифт остановился, и мальчишка, не говоря больше ни слова, вышел. В полную темноту – лифт остановился не на первом этаже, а непонятно где... если верить табло над дверью – между вторым и третьим этажом. Мне показалось, что в этом непонятном темном помещении был кто-то еще, но ручаться за это я бы не стал.

– Хитрые какие, – торжествующе сказал Лион, когда двери лифта сошлись и мы снова двинулись вниз. – Ты понял, да?

– Ничего я не понял.

– Да брось, тут все ясно!

Мы наконец-то доехали до первого этажа и вышли. В вестибюле было многолюдно, никто на нас внимания не обращал. Лион обнял меня за плечи и зашептал на ухо:

– Ну тут же их целая куча наверняка! Мальчишек, из которых воспитывают фагов. Понятно, им тоже приключений хочется... а тут такой облом! Нас отправляют на вражескую планету, а они сидят за виртуальными имитаторами, мускулы качают и уроки учат. Вот и размечтались...

– Зря ты задирался, – пробормотал я. – Он бы тебя по стенке тонким слоем размазал.

– Да он совсем дохляк!

– Ну и что? Он же фаг. Его, может, с самого рождения учат драться.

– Ага, бою на подгузниках, – съязвил Лион. Но все-таки притих.

– Мне по-прежнему это не нравится, – признался я.

– Может быть, скажем Рамону?

Я подумал и покачал головой:

– Нет. Лучше Стасю. А может, и не стоит говорить.

Мы могли бы поесть и в кафе у фагов, тем более там все бесплатно. Но решили пойти в обычный городской ресторан. Это куда интереснее – все-таки даже на богатом Авалоне дети по ресторанам ходят редко.

Через квартал от офиса фагов был супермаркет «Маркс и Спенсер», с большим рестораном на крыше. Туда мы и дви-

нулись. Столики были заняты почти все, но нам все-таки нашли маленький столик у стеклянной стены. Стена вся была прозрачная и неправильной формы, вроде накрывающего крышу купола с множеством выступов, где стояли столики. Там было очень интересно – даже пол под ногами был прозрачный, далеко внизу ехали по проспекту Первопроходцев машины, разгорались фонари, сновали по тротуарам крошечные фигурки людей. Было еще не слишком поздно, но повалил снег, и стало быстро темнеть.

– А мне здесь нравится, – сказал Лион.

– Ага.

– Я не про ресторан, – пояснил Лион. – Я вообще про планету. Как ты думаешь, моим родителям разрешат сюда приехать?

– Если у нас все получится, то разрешат, – решил я. – Мы же поможем фагам и вообще всей Империи. Для фагов визу получить – раз плюнуть.

Лион кивнул, зачарованно глядя вниз. Сказал:

– Это из-за снега, наверное. Я всегда любил читать про зиму. Ты смеяться не будешь?

– Над чем? Не буду, наверное.

– У нас, на станции, я однажды подал прошение в администрацию. Чтобы устраивать зиму.

– И как?

– Да никак. Мне ответ пришел, официальный, что это невозможно. Климатизаторы не приспособлены, это раз. А

еще – здания не отапливаются. У нас ведь как сделано – станция вроде большого диска, очень большого. В диске всякие склады, офисы, механизмы. А жилые дома почти все наверху стоят, на поверхности диска. Диск сверху закрыт куполом и еще силовым полем...

Он замолчал. Я вспомнил наши купола, и мне тоже стало грустно.

– Это как в старину, – сказал я. – Когда люди думали, что планета плоская и похожа на диск.

– Как это может быть? – удивился Лион.

– Тогда еще в космос не летали. А на планете ведь непонятно, что она – шар.

Лион подумал и согласился, что и впрямь – не похоже.

Нам принесли еду. Лион заказал себе блинчики с мясом и острыми специями, они назывались энчеладос. Мне есть почти не хотелось, я взял только салат и горячий бутерброд. Салат был вкусный, в высоком хрустальном бокале, с курицей и овощами. Бутерброд – тоже ничего.

– А завтра мы уже будем лететь в гиперканале... – прошептал Лион. – Представляешь? Ведь тут никто даже не догадывается, что мы будем спасать всю Империю!

– Лион...

– Да я же тихо...

Низко-низко над прозрачной крышей пролетел флаер. Опустился на площадку, его сразу накрыло силовым колпаком от снега. Вышла женщина с маленькой девочкой, и они

вошли в лифт. Наверное, прилетели за покупками. И вовсе их не интересовало, что двое мальчишек готовятся лететь на планету Новый Кувейт. И никого во всем ресторане это не интересовало. Потому что люди пришли сюда купить какие-нибудь вещи, посидеть за кружкой пива и вкусным ужином, а потом преспокойно отправиться домой. А там смотреть телевизор, играть с детьми, плавать в бассейнах, до утра веселиться с друзьями на каких-нибудь вечеринках. Кому и зачем это вообще нужно – прятаться от врагов, тайком десантироваться на чужие планеты, рисковать жизнью? Им же ничего не грозит. Есть Император, армия, фаги. И всякие слаборазвитые планеты, где даже дышать свободно нельзя...

– Тиккирей... – тихо сказал Лион. – Ты чего?

Я молчал, только отвернулся от зала и рукавом вытирал дурацкие слезы.

– Тиккирей, я не буду больше так выделываться, – виновато пообещал Лион. – Это я так, просто... Наверное, боюсь. Из-за этого все... и с этим фагом мелким, и вообще...

– Да при чем тут ты... – прошептал я. – Мне просто обидно...

Он понял.

– Мне тоже, Тиккирей.

– Я вот думаю... Мне кажется, я тут не смогу прижиться. Это все... чужое. Будто мне из жалости помогли. Я поэтому и согласился, Лион. Не только из-за твоих родителей. И не из-за этого дурацкого бича. Я не хочу, чтобы мне из жалости

позволили тут жить.

– Ничего себе из жалости! – фыркнул Лион. – Вот мне – может, из жалости. А ты помог Стасю. Если бы не ты, его бы прикончили на Новом Кувейте. И ничего бы фаги не узнали про Иней.

Он был прав, но все равно...

– Хочу доказать, – сказал я. – Сделать что-то настоящее.

– Разве ты обязан кому-то что-то доказывать? – спросил Лион. – Это глупо. Это детскость... вот так!

Ухмыльнувшись, он показал мне язык.

– Ну как ты не поймешь, – пробормотал я. – Вот мои... мои родители.

Я замолчал, и Лион пришел мне на помощь:

– Они умерли, ты говорил. Мне очень жалко, но разве из-за этого ты должен рисковать жизнью?

– Ты не все знаешь. Они не просто умерли, Лион. У нас так заведено... каждому человеку дается пай на жизнеобеспечение. На фильтрованный воздух, воду, радиационную защиту. Пай выдается на всю жизнь, но он покрывает лишь часть расходов. Остальное нужно зарабатывать. Родители потеряли работу... и проедали свой социальный пай. Когда они поняли, что работу уже не найдут...

– Их... убили? – Глаза у Лиона расширились.

– Нет. Нас бы выгнали из купола. И родителей, и меня. А снаружи долго не живут. Поэтому родители пошли в центр эвтаназии, он называется Домом Прощаний. Остатки своего

пая они переписали на меня, чтобы я мог вырасти и получить работу.

Лион побледнел.

– Так бывает, – сказал я. – Ну, планета у нас такая, не приспособленная для людей, понимаешь?

– Тиккирей...

– Да ладно. – Я снова посмотрел в окно. – Я бы тоже так сделал на их месте. Но теперь я думаю, ведь это должно было случиться не зря? Не просто затем, чтобы я остался жить. Мне нужно сделать что-то большее. Что-то настоящее. Например, помочь фагам победить какую-то большую несправедливость.

– А ты не хочешь вернуться на свою планету и всем там помочь? – спросил Лион.

– Как помочь? У нас демократия. Любой может с планеты улететь, если ему не нравится. Мы сами голосуем за социальную службу. И социальные чиновники – они вовсе не злодеи. Говорят, что пай понемногу увеличивается, может быть, лет через сто воздух и вода станут бесплатными.

Лион замотал головой:

– Ты что, оправдываешь их?

– Нет, не оправдываю. Просто так сложилось. Вот посмотри, Авалон – очень богатая планета. И тут еще полно места. Можно всех наших жителей пригласить сюда жить. Но никто этого не делает. Так что же мне, на всех обижаться? На фагов, на Императора, на авалонцев?

– Зачем тогда вообще бороться? Чего фаги на Иней накиннулись? Иней вообще никого не трогает!

– Иней не дает выбирать. Он отбирает свободу.

– Можно подумать, у вас на Карьере свобода есть!

– Есть.

– Какая же это свобода?

– Дурацкая. Но все-таки – свобода.

У меня вдруг задергалось веко. Ни с того ни с сего. Наверное, мне трудно было защищать мою родину. Дурацкую родину, которая отняла маму и папу.

– Тиккирей... ты не сердись, – пробормотал Лион. – Может, я не прав, но мне понять трудно.

– Это надо у нас жить, чтобы понять, – сказал я. – Вот как ты: просил, чтобы на вашей станции делали настоящую ночь или настоящий снег. А тебе объясняли, почему этого нельзя сделать. Я как-то со Стасем об этом говорил... мы часов пять просидели. Понимаешь, очень легко помочь одному человеку. Вот как Стась помог мне... и тебе... Но если надо помочь целому миру, пусть даже маленькому, как Карьер, один человек не может ничего сделать. Нет, он может все разворошить, все сломать, устроить революцию. Но это добра не прибавит. Добро не навязывают. Надо, чтобы люди изменились сами и захотели изменить свою жизнь. Ты же историю учил? Вот в век темного матриархата мы бы с тобой ходили в ошейниках и кланялись каждой девчонке. И еще переживали бы, что родились мужчинами. А ведь фаги

тогда уже были. И ходили в ошейниках, представляешь? И кланялись. И защищали цивилизацию. Хотя могли бы устроить революцию.

– Темный матриархат был нужен, – сказал Лион. – Это все признают. Потому что тогда шли войны, и если бы не женщины, человечество само бы себя истребило. И когда феминистская лига взяла власть в Аравийской Империи...

– Отличник, – сказал я.

– Так что вначале матриархат был прогрессивен, – продолжил Лион. – Но при чем здесь Карьер и ваши порядки? Зачем они нужны, ты скажи?

– Может так случиться, что человечеству придется затянуть пояс. Например, Чужие отберут у нас часть планет и люди будут жить на плохих планетах, с нехваткой ресурсов. Тогда потребуется отработанный социальный механизм выживания. Такой, как на Карьере. Стась говорит, что вся история человечества – это танцы на снегу.

– Чего?

– Танцы на снегу. Человечество пытается быть красивым и хорошим, хотя никаких оснований к этому нет. Понимаешь? Словно балерина в пачке и на пуантах пытается танцевать на снегу. А снег холодный. Кое-где твердый, кое-где мягкий, а кое-где проваливается и режет ноги. Только все равно надо пытаться танцевать. Надо стараться стать лучше. Наперекор природе, наперекор всему. Иначе останется только лечь в снег и замерзнуть навсегда.

– Ну, пускай... понятно, что нельзя все в мире сразу сделать совершенным. Мало ли что может случиться. Но нельзя же создавать экспериментальные планеты, где люди станут страдать!

– А их никто нарочно не делает, – сказал я. – Они сами появляются. Это история, Лион. Люди всегда придумывали странные общества, даже когда на одной планете жили. Обычно эти общества разрушались, но иногда оказывались нужными.

– Ладно, раньше люди были отсталыми! – Лион энергично взмахнул рукой. – Но сейчас-то есть правильные общества. Вот как здесь!

– Угу. А на Новом Кувейте оно немного другое. На Земле, на Эдеме – тоже. И каждый живет там, где ему нравится. И ничего плохого в этом нет. А если сделать одно, самое распрекрасное общество, то многим это не понравится. Вот на Авалоне многоженство запрещено, а может быть, кто-то сразу двух женщин одинаково любит? Что ему теперь, всю жизнь страдать?

Лион хихикнул. Сказал:

– Подумаешь, проблемы...

– Фаги потому и обеспокоились Инеем, – пояснил я. – Может быть, Иней ничего плохого и не хочет. И на их планетах жить вовсе не стало хуже. Но если вся Империя станет одинаковой, то рано или поздно она погибнет.

– Это ты Стася наслушался.

– Ага. А ты думаешь, Стась дурак? Если бы Иней не программировал людям мозги, а просто уговаривал к себе присоединиться, никто бы против не был. Все равно всех не уговорить.

Лион мотнул головой, но неуверенно. Наверное, вспоминал свои сны, в которых воевал за Иней.

– Пойдем, пора уже, – сказал я. – Доедай свои блинчики.

– Ну их, что-то расхотелось... – Лион встал, раскинув руки, прижался к стеклянной стене, постоял чуть, глядя на несущийся снег. Потом сказал: – А мне все-таки хочется, чтобы всем было одинаково хорошо.

Глава 6

Полночи мы занимались на виртуальном симуляторе.

По правде все было или теперь фаги нам подыгрывали, но в этот раз все кончилось благополучно. Нам – оборванным, грязным и голодным – поверили. Вначале строго допросили, а потом отправили в концентрационный лагерь, где мы работали на фабрике химического синтеза. Через две недели нам удалось узнать, что власть на Инее захватили Чужие – то ли Цзыгу, то ли Брауни. Они-то как раз и затеяли порабощение человечества! С нами вышел на связь агент фагов, и мы ему все рассказали. А еще через два дня прилетели имперские корабли, высадили десант, и нас освободили. Даже удалось немного повоевать – мы забаррикадировались в цехе горя-

чего прессования и не подпускали солдат Инея, поливая их расплавленной фторопластовой смолкой из брандспойтов.

В общем, получилось очень весело.

Потом, когда Рамон вез нас домой на своем шикарном спортивном автомобиле, он все-таки напомнил, что никакой информации о Новом Кувейте нет. Так что не надо заранее настраиваться на ужасы. Наоборот, ничего такого случиться не должно. Но... на всякий случай...

Я сонно кивал, глядя в окно. Моя четвертая планета. А второй я даже и не помню... вот ведь как получилось. Может быть, написать письмо капитану «Клязьмы»? Узнать, где я побывал?

Жалко, что мне не стать фагом. Помогать им – тоже интересно. Но это все-таки не то.

– Постарайтесь выспаться, – советовал Рамон. – Хотя бы немного. В десять утра за вами заедет Стась и доставит в космопорт.

– А кто поведет корабль? – спросил я.

– Не Стась. У него другое задание, – помолчав, ответил Рамон. – И не я. Не важно, ребята. Любой из фагов справится с этой миссией.

– Я знаю. Но все-таки лучше, когда рядом твой друг, правда?

Рамон пожал плечами:

– Узнаю теорию Стася... Понимаешь ли, Тиккирей, личные отношения – это палка о двух концах. Конечно, люди не

роботы, чтобы не испытывать эмоций – приязни, дружелюбия... или наоборот. Но если бы ты знал, сколько бед человечества было связано именно с этими «личными отношениями»!

– Как же так? – спросил я. – Первый звездоплавец, Сон Хай, наперекор судьбе вернулся на Землю, потому что тосковал по своей любимой! А пилот «Магеллана» сумел посадить аварийный корабль, потому что на нем была его семья. Ну а...

– Ты приводишь лишь положительные примеры, Тиккирей. Из учебника этики для пятого класса, верно?

– Наверное... – Я замялся. – Кажется, да.

– Разумеется, ты прав, – размеренно, будто гвозди вколачивая, заговорил Рамон. – В обыденной человеческой жизни дружба, любовь, нежность – все то, что мы вкладываем в понятие «положительных личных отношений», очень важны. Но все имеет две стороны. Простой пример. Если бы твой приятель Роси относился к тебе более дружески – он бросился бы к тебе на помощь.

– Он же не знал, как надо спасти провалившихся под лед! – вставил я, защищая Роси.

– Верно. И вы могли погибнуть оба. Об этом я и говорю, Тиккирей. В обычной жизни, безопасной и благоустроенной, чем добрее люди относятся друг к другу – тем лучше. Пусть даже человек рискует собой, бросаясь спасти тонущего ребенка, или страдает из-за неприятностей, случившихся с его

другом! Это не страшно. Это на пользу обществу. Но для некоторых профессий... – Рамон не договорил. – Вот представь, Тиккирей. Ты попал в беду на Новом Кувейте. Тебе грозит смертельная опасность. Например – тебя распознали как нашего агента и решили публично казнить. В толпе стоит Стась. Он может попытаться тебя спасти. Шансов практически нет, несмотря на все способности фага. А у Стася – важнейшая информация, которую надо передать Императору. Что произойдет?

– Стась не предаст Империю, – сказал я. – Он не будет вмешиваться... он потом попереживает, и все.

Как-то мне стало не по себе от такой картинки! Будто я и впрямь стою на огромной площади в Аграбаде, на грубо сколоченном деревянном помосте, как в фильмах про старину. Стою со связанными за спиной руками, голый по пояс, а здоровенный палач с топором на изготовку кивает закрытой колпаком головой на потемневшую изрубленную колоду – ложись, подставляй шею... А в толпе – все возбужденные, привстают на цыпочки, глазают на меня. И только один человек, Стась, не улыбается и не радуется происходящему.

– Допустим, – сказал Рамон. – Стась – опытный и хороший фаг. Он знает, что целое – важнее частного. Он не вмешается. Вернется на Авалон. И что потом с ним будет, как ты думаешь, Тиккирей? Как долго он будет страдать? Какой из него в дальнейшем работник?

Я молчал. Я и впрямь не знал, какой из Стася будет работ-

ник, если меня убьют у него на глазах, а он не сможет вмешаться. Может, ничего особенного и не случится. Да наша соседка, тетя Надя, за один вечер мне сказала больше ласковых слов, чем Стась за целый месяц!

Но Рамон мое молчание понял по-своему.

– Вот в этом и есть сложность нашей работы, Тиккирей. То, что тебе дорого, должно быть либо далеко и в безопасности, либо в твоей душе. Это давнее правило разведчиков. А мы во многом те же самые разведчики...

– Стасю попало из-за нас? – спросил я. – За то, что он нас вывез с Нового Кувейта?

Рамон хмыкнул.

– Попало?.. Да нет, отчего же. Все было сделано грамотно и вполне обоснованно.

– Тогда зачем вы мне все это говорите? На всякий случай? На будущее?

Рамон покосился на меня.

– Для того, Тиккирей, чтобы ты не ожидал невозможного. И не рассчитывал на подстраховку в виде Стася или меня.

– Я и не жду.

Кажется, Рамон немного смутился.

– Не считай нас бессердечными, Тиккирей. Но мы и впрямь не можем рисковать судьбами миллионов ради одного человека. Поэтому и предлагаем тебе отказаться от миссии.

Я пошевелил ладонью – бич высунулся из рукава, огля-

делся и нырнул обратно.

Рамон спросил:

– Да неужели ты не наигрался в игрушки? Бич – не больше чем игрушка, Тиккирей! Пусть даже смертоносная.

– У меня было мало игрушек, – сказал я. – Игрушки не входят в социальный минимум.

– На самом-то деле вам ничего не грозит, – сказал Рамон, отводя глаза. – Даже если вас схватят... агенты Инея могут быть жестоки, но они не слепые убийцы.

Я промолчал. Я вспомнил того агента, которого убил Стась. И его слова: «Этот мальчик не важен для Инея».

Больше мы не разговаривали до самого дома. Лион всю дорогу сладко продремал, вовсе не слушая наш разговор.

У дома Рамон остановился, вместе с нами вылез из машины и проводил до квартиры. Будто ожидал засады в подъезде. Потом обнял нас и, не прощаясь, ушел.

А мы легли спать.

Стась приехал чуть раньше, в полдесятого. Я уже собрался: перевел автоматику квартиры в режим консервации, проверил, все ли окна закрыты, переоделся в дорогу. Вещей мы никаких с собой не брали, все равно на корабле выдадут новую одежду, подходящую под легенду. Лион еще возился в ванной. Он стал такой чистоплотный, что просто оторопь брала: зубы чистил по три раза в день, не находил себе места, если не принимал утром и вечером душ, ногти подстригал

под самую кожу, а стригся очень коротко. Мне казалось, что это у него началось после потока, но я ничего не говорил.

– Готовы? – как-то без интереса, для порядка, спросил Стась, стоя в дверях.

– Конечно. – Я кивнул на дверь ванной. – Сейчас, Лион кончит умываться...

Стась кивнул. Из ванны доносился шум воды и булькающее бормотание – Лион пытался что-то напевать, не прекращая чистить зубы.

– Не бойтесь? – спросил Стась.

– Я никогда летать не боялся, – возмутился я. – А Лион вообще в космосе вырос, на станции...

– Знаю. Я не о том, Тикки. Не бойтесь Нового Кувейта?

Я подумал и ответил честно:

– Немножко. Они же там все с повернутыми мозгами. Но мы готовились, и вообще... Рамон говорит, что все будет хорошо.

– Возможно, что я тоже буду на Новом Кувейте, – сказал Стась. – Если вдруг... – Он заколебался. – Если мы случайно увидимся, то не подавайте виду, что знаете меня.

– Привет, Стась! – выскакивая из ванной, сказал Лион.

– Привет, – кивнул Стась. – Лион, если мы случайно встретимся на Новом Кувейте, то запомните – мы незнакомы.

– Что мы, дураки? – удивился Лион. – Конечно.

– Я хочу, чтобы вы были настроены серьезно, ребята, –

сказал Стась. – Иней – самая большая внутренняя опасность для человечества за все время галактической экспансии. По сравнению с Инеем даже католический джихад или Лига Вырождения – не более чем мелкие социальные отклонения. Не бойтесь – страх приводит к панике. Но опасайтесь. Всегда. Каждую минуту. Садясь на стул, будьте готовы к тому, что он сломается под вами. Здороваясь с человеком, не удивляйтесь, если его рука превратится в зубастую пасть. Запомните, на Новом Кувейте вы можете доверять только друг другу.

Я кивнул.

– Особенно это касается тебя, Лион, – негромко, с извиняющейся ноткой, добавил Стась.

Лицо Лиона посерьезнело.

– Я понимаю. Я... я ничего лишнего не скажу. Даже маме.

Стась мгновение смотрел на него, потом кивнул:

– Хорошо. Иди одевайся.

Когда Лион убежал в спальню, Стась снова повернулся ко мне:

– Как бич?

Вместо ответа я поддел пальцами пояс на джинсах. Пояс как пояс, серебристый, металлизированный. И застежка в виде змеиной головы.

– Пойдет, – согласился Стась. – Сам закреплял?

– Да. Это просто, надо только представить, чего хочешь...

Стась кивнул, и я замялся. Кому я рассказываю, как управлять бичом? Настоящему фагу!

– Надеюсь, ты не делал с ним глупостей? – спросил Стась.

– К-каких? – растерялся я.

День назад я экспериментировал, проверял, что бич может разрушить, а что – нет. Оказалось, что деревянные палки он разбивает в щепу без всякого труда, сантиметровой стальной прут может согнуть, а в стекле легко прогрызает дырки.

– Главной глупостью была бы попытка вложить в бич главную батарею, – объяснил Стась. – Тогда мало-мальски приличный детектор обнаружит, что это оружие.

– Нет, не вкладывал. Откуда мне ее взять?

– Бич – оружие универсальное. Он приспособливается к различным источникам питания. В случае необходимости в него можно вложить любую мощную батарею, например от пылесоса или бытовой дрели. Хватит ее ненадолго, но два-три разряда бич выдаст.

Стась улыбнулся и едва заметно подмигнул.

Я чуть не завопил от досады. Значит, можно было поиграть с бичом по-настоящему!

– Иногда подобные импровизированные батареи спасали фагам жизнь, – продолжил Стась. – Но в твоем случае они станут смертельной опасностью.

Я кивнул.

– Тиккирей, я могу рассчитывать на твое благоразумие? – спросил Стась.

– Можете...

– Вот и славно.

Появился Лион. Вопросительно глянул на Стася – тот кивнул:

– Все, пора. Идемте, ребята.

К космопорту фагов мы ехали больше часа. Ни про Иней, ни про Новый Кувейт мы больше не говорили. Вместо этого Стась рассказывал про Авалон, про его колонизацию, про времена Первой Империи и Междуцарствия, про историю освоения северного материка, про эндемичную природу Авалона, сохранившуюся только в заповедниках.

– Сейчас такой колонизации уже не проводят, – объяснял Стась. – Ставят опорную станцию, гарнизон, строят космопорт и начинают точечную биологическую зачистку. Проходит минимум пятьдесят лет, прежде чем планета терраформируется, зато никаких неожиданностей, никаких злобных чудовищ, которые вначале тебя пожирают, а потом помирают от отравления инопланетным белком. Авалон колонизировали на ходу, вокруг Камелота уже цвели яблоневые сады, а дальше шло кольцо биозачистки. И даже когда зачистили большую часть суши, в океанах еще жила эндемичная фауна. Сейчас она осталась лишь в Историческом Море, которое отгородили от океана дамбой. Конечно, ковёрных скатов или китов-тральщиков там не встретишь, но это и к лучшему...

– Я раньше хотел стать биологом, терраформировать планеты, – сказал Лион.

– Хорошая работа, – согласился Стась. – Уже не хочешь? Лион покачал головой:

– Нет. Все-таки пилотом быть интереснее. Только я не хочу летать на корабле с расчетными модулями.

– Когда ты вырастешь, их, надеюсь, уже не будет, – ободрил его Стась. – Если гель-кристаллические процессоры окажутся удачными, то они заменят людей.

И он стал рассказывать про технику. Может, ему и впрямь было интересно о ней поговорить, но мне показалось, что он просто нас успокаивает.

Почему взрослые всегда больше боятся за детей, чем за себя?

У въезда Стась показал свое удостоверение, и нас пропустили на взлетное поле. Тут стояло десятка два кораблей, в основном маленьких, но среди них был и настоящий военный крейсер, и большой десантный корабль. Такие уж точно не могут летать в каналах без расчетных модулей... но я не стал спрашивать Стася. Я не маленький. Я все понимаю.

Машина подъехала к кораблю – такое же блюдо, покрытое серой керамической чешуей, как и у Стася. Наверное, это самый распространенный тип кораблей у фагов.

Пилот стоял у открытого люка. Он был старше Стася, но поздоровался первым, и мне показалось, что Стась главнее.

– Вот и твои подопечные, – сказал Стась.

– Здравствуй, Тиккирей. Здравствуй, Лион. – Пилот поздоровался с нами за руки. – Меня зовут Сянь Тьен.

Возникла какая-то неловкая пауза. Время, наверное, еще было, и уезжать Стасю не хотелось, но все уже было сказано.

– Стелс-капсула в порядке? – спросил Стась.

– Да, я проверил, – ответил Тьен. – Сядут замечательно, никто и глазом не моргнет. Вы десантировались когда-нибудь, ребята?

– Нет, – ответил я.

– Да, – заявил Лион. – Ой, то есть нет.

Тьен удивленно приподнял бровь. Потом нахмурился, отдавая приказ по шунту. В брюхе корабля открылся люк.

Больше всего стелс-капсула походила на двухметрового диаметра линзу. Совершенно прозрачную.

– Она стеклянная? – удивился я.

Лион засмеялся:

– Лопух, это стабилизированный лед!

– Правильно, – с уважением посмотрев на Лиона, подтвердил Тьен. – Это лед-23, сверхстабильная форма. Перед выбросом в капсулу впрыскивается катализатор распада, и через час она превращается в лужу воды. Но до этого момента вы успеете приземлиться.

– А где здесь двигатели? – с изумлением спросил я.

Стась и Тьен переглянулись.

– Нет здесь двигателей, Тиккирей, – мягко сказал Стась. – И приборов никаких нет. Ничего, кроме льда. При выбросе на низкой орбите капсула подвергается аэродинамическому торможению. Перегрузки могут достигать до трех g... это

нормально для людей со стандартным улучшением генотипа.

– Я и шесть нормально держу, – с гордостью вставил Лион.

– Ты боишься, мальчик? – спросил меня Тьен. – Не надо бояться. Стелс-капсула надежнее любого корабля. В ней нечему ломаться, понимаешь? И никакие системы космической обороны ее не обнаружат. Это лед, просто лед.

Я понимал, что они правы. И все-таки было не по себе.

– Мне шесть раз доводилось высаживаться в такой, – сказал Стась. – Дважды на тренировках, четыре раза в ходе миссий. Однажды – на воюющую планету.

– А мы в ней не замерзнем? – спросил я.

Фаги засмеялись.

– Я вам дам одеяло, – пообещал Тьен. – Не замерзнете.

Ну... разве что насморк схватите.

– Тогда дайте еще и носовой платок, – сказал я.

Мы попрощались со Стасем. Он крепко обнял нас, потрепал по голове Лиона, подмигнул мне – взглядом указывая на бич. И сел в свою нелепую, совсем не геройскую машину.

– Идемте, мальчики, – сказал Сянь Тьен. – Нам пять суток лететь, еще успеем друг с другом перезнакомиться. Но задерживать старт не стоит.

Часть третья

Жизнь в повтор

Глава 1

За час до входа в атмосферу Нового Кувейта мы забрались в стелс-капсулу. Она занимала почти весь шлюзовой отсек – холодная сверкающая ледяная глыба.

Тьен открыл люк, тоже ледяной, который можно было вывинчивать снаружи или изнутри. Вручил нам простой полотняный мешочек с химическими реактивами, которые будут освежать воздух. Реактивов хватает на три часа, этого более чем достаточно.

Одеяла он нам, конечно же, не дал. Одеяло – это уже улика. Вместо этого мы подложили под себя сплетенные из травы циновки. Вместо ремней служили такие же травяные жгуты.

Трава была с Нового Кувейта. Как и наша одежда. Как и перочинный ножик и удочка с ультразвуковой блесной. Фаги все делают основательно, на совесть.

– Ну как, удобно? – спросил Тьен.

В капсуле можно было находиться только лежа. Лион, не тратя даром времени, принялся закреплять ноги, привязывая травяные жгуты к проделанным во льду «ушкам».

– Нормально, – сказал я, хотя сердце у меня колотилось часто-часто. – Да ты закручивай, все в порядке.

Тьен был хороший человек. Ну, может, не такой, как Стась, но тоже хороший. За время полета мы с ним почти подружились. Он даже позволил нам управлять кораблем в гиперканале, хотя и был все время наготове. А еще он учил нас драться – некоторые приемы фагов не требовали взрослой силы. И про Иней мы говорили, но тут Тьен мало что мог рассказать...

– Я буду наблюдать за вами, ребята. – Тьен кивнул на глазок видеокамеры в потолке шлюзового отсека. – Связи у нас не будет, но если передумаете десантироваться – привлечите мое внимание. Машите руками... стучите в корпус... Только не открывайте люк изнутри, мало ли!

– Да не передумаем мы, Сянь! – буркнул Лион. – Иди, тебе пора за пульт.

Тьен кивнул и стал прилаживать на место тяжелый ледяной люк. Мы изнутри помогали ему. Наконец винт попал в резьбу, и фаг принялся его закручивать. Сразу же стало очень тихо. Слышно было, как пыхтит Лион, помогая Тьену. Я же опустил руки и смотрел на фага сквозь толстый прозрачный корпус. Лед немного искажал черты лица, Тьен выглядел будто в кривом зеркале. Слишком большой нос, маленькие глазки, перекошенный подбородок. Смешно... только ведь и мы для него выглядим уродцами.

Я помахал Тьену рукой.

Когда люк был закрыт до конца, Тьен достал из нагрудного кармана пробирку, отломил запаянный кончик и небрежно плеснул жидкость на поверхность капсулы. Вроде бы ничего не произошло, но фаг выглядел вполне удовлетворенным. Ободряюще похлопал по капсуле – лед отозвался глубоким низким гулом – и по короткой лесенке выбрался из шлюзовой камеры. Захлопнулся внутренний люк. Хорошо еще, что свет в шлюзовой не погас.

– Вот сработает катализатор неправильно, и капсула развалится в атмосфере! – замогильным голосом сказал Лион. – Представляешь? Бух – и нас нету!

Меня передернуло.

– Тебе что, совсем не страшно? – спросил я.

– Нет. Я в таких высаживался. Ну, не по-настоящему, а во снах...

Я понял, в каких именно «снах», и расспрашивать не стал.

– Ты не волнуйся. – Лион смущенно смотрел на меня. – Сверхстабильный лед – крепкая штука. Он начнет испаряться, когда мы войдем в атмосферу. Перед нами будет плазменное облако, но испаряющийся лед создаст паровую подушку... все продумано. Потом выплавятся лопасти, и сядем на авторотации...

– А если упадем на скалы?

– Тогда плохо, – согласился Лион. – Можем сильно побиться. Ну, или если далеко в море... и не выплывем...

Конечно, он меня поддразнивал. Тьен сказал, что точка

посадки просчитана до десяти километров, мы сядем в лесу, так что волноваться не стоит. Но теперь и сам Лион замолчал. Плавал он все-таки неважно. Посадка в стелс-капсуле его не пугала, зато воды он побаивался.

– Я тебя вытащу, если что, – сказал я. – Дам по башке и за волосы вытащу.

– Только не больно, – серьезно попросил Лион.

Мы замолчали. Часы у нас были, у обоих, но на них и смотреть не хотелось. Цифры едва-едва менялись, иногда будто замирая.

– Ты страшные истории знаешь? – деловито спросил Лион.

– Угу.

– Расскажи?

Никакие страшилки мне в голову сейчас не лезли. Вспомнилась только совсем дурацкая, которую рассказывают друг другу малыши.

– Один мальчик пришел домой из школы, – начал я, – и видит – родители на столе забыли социальную карточку. Не потому, что глупые были, а просто очень торопились...

– Что такое социальная карточка? – спросил Лион.

– Это... ну, вроде кредитки, только там еще все нормы жизнеобеспечения записаны... Ты ведь на станции жил, у вас разве не было таких?

– Нет, у нас воздух и тепло бесплатные... – виновато ответил Лион. – Давай рассказывай дальше.

– Ну... этот мальчик социалку в шкаф спрятал, а сам полез в Сеть баловаться. Заходит на один сервер, а там ему и говорят: «Если ты взрослый, то мы тебя пустим, а если ребенок – то нет». Ну, он, понятное дело, говорит: «Я взрослый». Ему тогда говорят: «Введи номер своей социальной карточки». Он подумал: что тут такого страшного? И ввел номер. Ну, его пустили всякую ерунду посмотреть... Сидит он за планшеткой, обо всем забыл. А тут в дверь звонок. Он пошел, открывает, а там стоит чиновница из социальной службы. Говорит: «Мальчик, ты слишком часто дышишь!» Мальчик испугался, пообещал, что реже будет дышать, а она достала пластырь...

Лион засмеялся:

– Ерунда какая. Если реже дышать, то количество потребляемого кислорода не изменится.

Я замолчал. Наверное, для него эта история и впрямь не страшная и глупая.

– Не сердись. – Лион пихнул меня локтем в бок. – Вот послушай! Это похожая история, но куда лучше. У одного мальчика была старшая сестра. Ей разрешали гулять на донце, даже подарили новый красный скафандр, а мальчика еще не пускали. И скафандр у него был самый обыкновенный, детский.

– Куда пускали гулять?

– На дон... На внешний корпус станции, с нижней стороны. Там гравитации нет, и воздуха тоже.

– Угу, – сказал я, с сомнением представляя такую прогулку. Что в ней интересного?

– А мальчик все время просил сестру взять его с собой. Но сестра говорила: «Нет, не возьму, ты еще маленький, ты забудешь патрон проверить»... Патрон – это для дыхания, регенератор в скафандре.

Лион энергично потряс полотняный мешочек – наш собственный регенератор. Буркнул:

– Душновато как-то... Так вот, мальчик обиделся и однажды вместо полного патрона поставил в красный скафандр другой, уже выдыханный. Он думал, что когда у сестры воздух кончится, она на запаске дойти успеет. А девочка со своим другом пошла гулять по донцу, вот ей друг и говорит: «Что-то у меня воздух кончился, пойдем обратно!» А девочка не захотела и отдала ему свой запасной патрон. Гуляли они, гуляли, и тут у девочки воздух кончился. Она испугалась, стала просить друга, чтобы тот ей патрон отдал, а тот тоже испугался. Ну и девочка умерла. А на следующий вечер ее брат лежит в кроватке и плачет, потому что ему сестру жалко. Поплакал, поплакал и уснул. Вдруг сквозь сон слышит: «Дай мне мою запаску!» Открывает глаза – а в углу скафандр сестры стоит, весь сдутый, и стекло изнутри все в крови! Он испугался, побежал к родителям и все им рассказал. Тогда родители ему дали полный патрон и говорят: «Как сестра снова придет, скажи ей, что это запаска!»

– А ремня они ему не всыпали? – ехидно спросил я. – За

сестру-то?

– Высыпали, наверное, – согласился Лион. – Но раз сестра уже умерла, что теперь делать-то? Ну вот, на следующую ночь скафандр снова пришел и говорит: «Дай мне мою записку!» Мальчик патрон дал, скафандр его себе вставил, засмеялся и говорит: «А теперь у меня силы появятся, и я тебя задушу!» И клапан на патроне открыл, чтобы сил набраться. Но родители знали, что он задумал, и дали не патрон с воздухом, а баллон с угарным газом. Скафандр весь раздулся, посинел и лопнул. Только мальчик все равно умер. От страха.

– Ты совсем сдурел? – возмутился я. – Это что за история, это фигня какая-то!

– Почему?

– Да как можно угарный газ в баллон закачать? Ты химию в школе учил? Нет, наверное, скафандр его задушил...

Лион подумал и сказал:

– Если задушит, то родителей жалко. А если ничего ему не будет, то он словно не наказан совсем.

– Ну и что?

– Мне кажется, все эти истории взрослые сочиняют, – предположил Лион. – Чтобы дети не делали глупостей: номеров кредитки не называли, с воздухом не баловались... Слушай, точно не душно?

Я настороженно посмотрел на мешочек:

– Да нет, вроде ничего.

– У нас с самого детства объясняют, что с воздухом шутить нельзя, – сказал Лион, будто извиняясь. – Это такая штука... Стихи заучивают... «Если ветер стены рвет и сирены грохот, каждый знает – это вот для прогулок плохо. Затянула пена течь. И сирена смолкла. Это значит – можно лечь отдыхать на полку».

– На Карьере тоже учили! – обрадовался я. – «Если ты увидел щель, дырочку, каверну, ты, конечно, знаешь сам – это очень скверно!» А про мальчика, который увидел пробоину и заткнул ее рукой?

– Угу, – подтвердил Лион.

Мигнул и снова загорелся свет.

– Что это? – испуганно спросил Лион. Глянул на часы. – Тиккирей, три минуты осталось!

Мы вытянулись на циновках и замолчали. Теперь, когда мы не отвлекались разговором, сразу стали заметны легкие покачивания корабля. Гравикомпенсаторы не могли до конца погасить болтанку.

– Уже в атмосфере идем, – сказал Лион, будто я сам этого не понял. – Ой, что сейчас будет...

Капсула будто встала на дыбы – это Тьен сместил вектор гравитации.

А в следующий миг под нами раскрылись броневые створки люка и капсула выпала в пространство.

Тихо. Очень тихо.

Оказывается, шум окружал нас постоянно. Даже в закрытой капсуле гул механизмов проникал сквозь лед.

Теперь осталось лишь наше дыхание.

А под нами лежала планета.

Уже никакой не шар, присыпанная стружками облаков желто-зеленая равнина – хотя и видно было, как на горизонте она закругляется, уходит вниз. Солнце Нового Кувейта вставало из-за горизонта где-то у нас под ногами, и ледяной корпус искрился будто хрусталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.